

В. Г. НОРАКИДЗЕ
ТИПЫ
ХАРАКТЕРА
и
ФИКСИРОВАННАЯ
УСТАНОВКА

Q. 1.

საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემია
დ. უზნაძის სახელობის ფსიქოლოგიის ინსტიტუტი

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ ИМ. Д. Н. УЗНАДZE

ACADEMY OF SCIENCES, GEORGIAN SSR
THE D. N. UZNADZE INSTITUTE OF PSYCHOLOGY

1966

ვლ. ნორაკიძე
PROF. V. G. NORAKIDZE

ხასიათის ტიპები
და
ფიქსირებული განწყობა
CHARACTER TYPES
AND
FIXATED SET

გამომცემლობა „მეტსნიერება“
«METSNIEREBA» PRESS

თბილისი
TBILISI

1966

В. Г. НОРАКИДЗЕ

ТИПЫ ХАРАКТЕРА
И
ФИКСИРОВАННАЯ УСТАНОВКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЕЦНИЕРЕБА»
ТБИЛИСИ
1966

В монографии представлены результаты изучения психологическими методами типов характера (на большом материале). В работе рассмотрены: проблема типологии характера в современной психологии и значение понятия фиксированной установки для решения проблем характерологической типологии.

Основные психологические типы—психологические портреты гармонического, конфликтного и импульсивного человека — установлены автором в сопоставлении с типами, представленными в искусстве и психопатологии, а также сделана попытка анализа природы психологических факторов, определяющих структуру этих типов.

1. I.
ные асо-
гически
Ни одно
не отри-
для пол-
ниях в
роды ли-
предмет
симой о-
Пре-
психоло-
личность
мерность
психоло-
почве ин-
менологи-
метом п-
феномен-
логия из-
кие пред-
дер, Кла-
независи-
психолог-
хология л-
личности.
Сове-
диалекти-
скую жиз-
личности.
находится
советск-
ки фак-
ности.
По м-
деятель-

ОГЛАВЛЕНИЕ

Проблема структуры личности и понятие установки	5
Цель и методика исследования	42
Типы характеров	51
I. Характер цельной гармоничной личности с динамической установкой	51
а) Характер личности с пластично-динамической установкой	51
б) Характер цельной гармоничной личности с грубо-динамической установкой	65
II. Характер конфликтной личности с грубо-статичной установкой	85
III. Характер личности с вариабильной установкой (импульсивный характер)	108
а) Характер импульсивной личности с вариабильно-стабильной установкой	109
б) Характер импульсивной личности с вариабильно-лабильной установкой	123
Преморбидная личность и психические заболевания	135
Проблема и метод исследования	135
Результаты исследования	137
а) Шизофрения	137
б) Маниакальное возбуждение	154
в) Инволюционный психоз	167

CONTENTS

The Problem of Personality Structure and the Concept of Set	5
The Object of the Study and Its Method	42
Character Types	51
I. The character of persons of the harmonious, dynamic-set type	51
a) The character of persons with plastic-dynamic set	51
b) The character of persons of the integrate type, with rigid-dynamic set	65
II. The character of persons of the conflictual type, with rigid-static set	85
III. The character of persons of the impulsive type, with variable set	108
a) The character of impulsive persons with variable-stable set	109
b) The character of persons of the impulsive type, with variable-labile set.	123
Premorbid Personality and Mental Disorders	135
The Problem and the Method of Its Study	135
Results of the Study	137
a) Schizophrenia	137
b) Manic Excitement	154
c) Involutional Psychosis	167

ПРОБЛЕМА СТРУКТУРЫ ЛИЧНОСТИ И ПОНЯТИЕ УСТАНОВКИ

1. Проблема психологии личности была поставлена впервые ассоциативной психологией, и после этого все психологические направления так или иначе касаются этой проблемы. Ни одно из существующих ныне психологических направлений не отрицает необходимости изучения психологии личности для полного познания природы человека. Разногласия во мнениях вызываются разным пониманием психологической природы личности, а также вопросом — является ли личность предметом психологии или же она должна изучаться независимо от психологии наукой, например характерологией.

Представители ассоциативной психологии полагали, что психология изучает только сознательно данные переживания, личность же как целостность, не подчиняется общим закономерностям психики. Поэтому она не может быть предметом психологии (Дж. С. Милль, В. Вундт). Ту же мысль, но на почве иной концепции, разделяет ряд представителей феноменологической школы. Например, по мнению Шелера, предметом психологии является не личность и не все ее акты, а феномены, которые даны во внутреннем восприятии; психология изучает содержание актов внутреннего восприятия. Такие представители зарубежной психологии, как Банзен, Пфендер, Клагес, Утитц, Оллпорт, пытаются создать совершенно независимую от общей психологии науку — характерологию и психологию личности. Например по мнению Оллпорта, психология личности изучает природу уникальной, неповторимой личности.

Советская психология, стоящая на почве методологии диалектического материализма, рассматривает всю психическую жизнь как явление, данное в единстве с деятельностью личности. Поэтому проблема отношения личности и психики находится в центре ее внимания. Одно из направлений советской психологии, психология установки фактически является психологией личности.

По мнению Д. Н. Узнадзе, личность как субъект деятельности дана настолько реально, что вполне до-

ступна для экспериментального исследования. Согласно классической психологии, а также возникшей в Западной Европе персоналистической психологии, взаимоотношение с действительностью осуществляется самой психикой, она непосредственно действует на действительность и принимает непосредственное воздействие от последней. Следовательно, для живого субъекта, для личности, здесь уже нет места и психологии нет до нее никакого дела... В противоположность этому положению зарубежной психологии, следует подчеркнуть, что основным источником развития психики является именно практика живого, реального, исторического человека, или взаимоотношение его с действительностью. Прямая, непосредственная связь существует только между таким реальным субъектом и действительностью; и психология, которая видит свою задачу в изучении психики человека, исходной точкой может иметь только взаимоотношение активного субъекта с действительностью, практику реально существующего человека, и потому психология не может пройти мимо понятия субъекта, целостного человека, личности. Понимание закономерностей структуры и функционирования психики,—этого специфического «органа» личности,—было бы совершенно невозможно, если бы она рассматривалась в отрыве от ее носителя и производителя — целостной личности, «если бы не был найден тот фактор, который зарождается в акте взаимоотношения субъекта с действительностью и раскрывается в виде специфических процессов. Поэтому проблема целостной личности должна считаться исходной проблемой подлинно научной психологии»¹.

Д. Н. Узнадзе и его ученики в течение нескольких десятков лет экспериментально изучали тот «фактор, который зарождается в акте взаимоотношения субъекта с действительностью и раскрывается в виде специфических процессов». Д. Н. Узнадзе назвал этот фактор установкой. Результаты экспериментального исследования личности обобщены им в трудах монографического характера — «Общая психология» (1940 г.) и «Экспериментальные основы психологии установки» (1949 г.).

В этой главе мы намерены рассмотреть проблему психологии личности, в частности характера, с точки зрения понятия установки, показать ценность этого понятия для решения названной проблемы.

В первую очередь рассмотрим проблему в историческом аспекте.

Научная психология прежде всего обратила внимание на то обстоятельство, что каждый человек, с одной стороны, есть

¹ Д. Узнадзе, Общая психология, 1940, стр. 37.

совокупность психических явлений, а с другой он — целостность, и как целое он устанавливает связь с внешним миром. Психология всегда признавала эти две действительности — множественность психической жизни и целостность личности, как две взаимо-несоединимые реальности. Психология не видела ничего, что могло бы объяснить факт множественности переживаний в целостной личности. Отсюда в рамках психологии сформировались две науки — общая психология и специальная психология — характерология. Первая изучала множественность психической жизни, а вторая — взяла на себя задачу освещения человека в аспекте целостности, раскрытия своеобразия целостного человека, сущности этой целостности и, согласно этому, установления различий в переживаниях и поведении человека. Общая психология интересовалась изучением существенных признаков отдельных специфических компонентов психической жизни, установлением общих законов психической жизни путем абстракции и обобщения этих признаков, а характерология с самого своего возникновения поставила вопрос о том, что представляет собой личность как то целостное, печать своеобразия которого лежит на поведении человека.

Уже Юлиус Банзен доказывал, что характерология имеет свой самостоятельный предмет, задачи и методы; для решения своих вопросов она может обращаться к различным отраслям науки². Тенденция выделения психологии личности в самостоятельную науку стала оформленным направлением зарубежной психологии в начале XX века (представители этого направления: Клагес, Утитц, Шпрангер, Пфендер, Оллпорт). По словам Клагеса, «личность представляет собой не только витальную целостность, но она прежде всего есть «я», короче говоря, она — индивидуальная самобытность, и учение о характере является по существу той наукой, которая ее изучает»³. По мнению Пфендера, «характер есть своеобразие души как целостности...». «Характерология изучает душу как целостность, своеобразно выраженную в отдельном индивиду»⁴.

Так как наука о характере — характерология — имеет дело с личностью, то для большинства исследователей понятия личности и характера тождественны, проблема структуры личности и проблема структуры характера стали однозначными. Есть и такие исследователи, которые признают личность понятием более широким, чем характер (Шпрангер, Оллпорт), и наукой, изучающей личность как целостность, они объявляют

² Bahnsen, Beiträge zur Charakterologie, 1867.

³ Klages, Die Grundlagen der Charakterologie, 1928, стр. 16.

⁴ Pfender, Die Grundprobleme der Charakterologie U. d. Charakterologie, vol. 1, 1924.

специальную науку — психологию личности. Однако в обоих случаях допускается существование отдельной науки о целостной личности. Предметом как характерологии, так и психологии личности является личность как целостность. Следовательно, проблематика обеих этих отраслей лежит в одной плоскости и обе заявляют претензию на изучение целостной личности.

Ассоциативная психология, несмотря на игнорирование ею понятия личности в процессе конкретного психологического исследования, с момента своего возникновения ставила проблему взаимоотношения психических процессов и личности как субъекта деятельности. В ассоциативной психологии укоренилась мысль, что отдельные элементы психики подчиняются общим законам, эти элементы связываются друг с другом на основе совершенно определенного принципа и создают определенную структуру, а индивид как субъект деятельности не подчиняется общей закономерности психики, поэтому он и не является предметом чисто психологической науки.

Один из основоположников ассоциативной психологии Дж. С. Милль впервые поставил вопрос о том, каким должно быть взаимоотношение между общей и специальной психологиями. Согласно Миллю, психология есть наука об общих закономерностях души, а «этология» (специальная психология) есть последующая наука. Ее предметом является изучение (с учетом общих закономерностей души) характера, порожденного на основе конstellляции физических, моральных и других условий⁵. В. Вундт подчеркивал, что успех в изучении личности, в частности — конкретного индивида, возможен только с помощью счастливого инстинкта, оригинального научного таланта, без которого психологический анализ невозможен. Но это отнюдь не значит, что психологическая наука не может оказать помощь исследователю личности — характерологу. Практическая психология — характерология — должна проводить исследование индивидуального характера, индивидуальных и типических форм, опираясь на принципы, взятые из теоретической психологии, и исходя из необходимости изучения взаимосвязи и взаимоотношения психических элементов.

Высказанные Дж. С. Миллем и В. Вундтом соображения относительно отношения общей психологии и психологии личности выражают господствующую в ассоциативной психологии точку зрения.

Согласно этому взгляду, общая психология исследует общие законы души. Эти законы вечны, универсальны, однако в случае отдельного индивида, на почве целого ряда изменчивых биологических и социальных условий, они могут прояв-

⁵ Дж. С. Милль, Система логики, т. II, 1865, стр. 422.

ляться различно. Различные факторы формируют в отдельном индивидуе целый ряд свойств, необходимых для приспособления к среде; эти свойства представляют собой разнообразные исключения из общего закона психической жизни. Познание природы этих исключений не может быть предметом общей психологии; в то же время знание индивидуальных свойств человека имеет чрезвычайно большое практическое значение. Вот почему необходимо существование такой психологической науки, которая устанавливала бы типологические особенности личности и давала бы объяснение этих особенностей как исключений. Названной задаче служит психология личности (характерология, практическая психология, этология). Психология личности опирается на целый ряд биологических и социальных наук, среди которых особенно важное значение имеют данные общей психологии.

Итак, ассоциативная психология признала невозможным установление общепсихологических законов, управляющих человеком как личностью. Она свела проблему личности к проблеме индивидуальных, типологических особенностей и поручила решение этой проблемы характерологии. Несмотря на то, что против ошибочного взгляда ассоциативной психологии выступили многие психологи, в силу общего бессилия психологической науки, эту точку зрения не удалось преодолеть, и в данное время она считается самой распространенной, можно сказать, официальной.

Самые типичные представители опирающейся на эмпирическую психологию характерологи рассматривают своеобразие личности в аспекте превалирования одного из нескольких психических феноменов. По их мнению, душевная жизнь представляет собой самодовлеющую действительность. Вне психической жизни нет определяющих ее факторов. Основу единства психических элементов надо искать в самой психической действительности. Основой единства переживаний является то из них, которое обладает наибольшей активностью. Для некоторых характерологов таким феноменом является воля, для других — чувство или интеллект, или же взаимосвязь всех трех феноменов. Например, по Фулье, человеческое «я» есть сумма элементов. Основные элементы «я»: интеллект, эмоция и воля. Преобладание какого-либо из этих элементов определяет организацию личности, формирование ее в определенный тип, поэтому могут быть типы людей воли, интеллекта и чувства⁶. Согласно Полану, формальная сторона индивидуального своеобразия личности ясно сказывается в протекании представлений, характерных для душевной жизни человека — систематичности ассоциаций, систематичности задержек, сходству и контрасту. Чрезмерная склонность к какой-либо

⁶ Фулье, Темперамент и характер, 1896.

типичной ассоциации определяет формирование типа характера⁷.

Как мы видим, в такой характерологии исследование личности и ее структуры шло в направлении от взятых в отрыве от конкретного субъекта отдельных элементов к составленной из этих элементов целостной личности. В соответствии с природой проблемы, психологическое исследование личности должно направляться от целого к частичному, от целостной конкретной личности, к частичным, определяемым этой целостностью, процессам. Опирающаяся на механистически-идеалистическую философию характерология оказалась бесплодной в решении основных проблем психологии личности.

Несмотря на то, что ассоциативная психология объявила личность предметом отдельной науки — характерологии, в недрах самой ассоциативной общей психологии встали такие проблемы, решение которых было возможно только в рамках психологической науки. Если внимательно вдуматься в исследования представителей ассоциативной психологии, мы убедимся, что в этих исследованиях внимание заостряется на трех основных проблемах:

1. Человек как личность проявляет себя в общественных отношениях. В этих отношениях личность выявляется как целостность. Связь со средой устанавливают не память, внимание, мышление, а человек как единая структура. Для ассоциативной психологии такая структура есть продукт суммирования или синтеза отдельных психических элементов; и личность также является суммой или синтезом этих элементов, но остается фактом, что впервые вопрос о существовании структуры личности и о сущности ее природы был поставлен именно в ассоциативной психологии.

2. Эмпирическая психология не сумела решить проблему взаимоотношения множественности и целостности психической жизни, препоручив характерологии вопрос о целостности личности, о ее структуре и сведя этим проблему личности к проблеме индивидуальных типологических особенностей; тем не менее именно в недрах этого психологического направления было впервые подчеркнуто, что существуют общие законы психики, изучаемые общей психологией, что индивидуально-типологические особенности представляют специфическое проявление универсальных законов психики и что общий закон души может своеобразно проявляться в отдельном индивидуе. Еще Дж. С. Милль, а затем В. Вундт подчеркивали, что исследование психологии личности невозможно без учета общих закономерностей психики. Дж. С. Милль отметил, что существуют универсальные законы, обуславливающие формирование характера. Эти законы выведены путем

⁷ Полан, Психология характера, 1898.

дедукции из общих закономерностей психики⁸. Известно, что в ассоциативной психологии из установленных путем такого формально-логического рассуждения общих законов психики было выведено множество типов характера. Таким образом, в эмпирической психологии была выдвинута проблема взаимосвязи общих закономерностей психики и свойств личности, было указано, что понимание структуры личности имеет как общепсихологическое, так и дифференциально-психологическое значение, что согласование этих двух аспектов личности — общепсихологического и типологического — необходимо для психологии личности, характерологии.

3. Третья проблема, поставленная эмпирической психологией, — проблема факторов, определяющих целостность элементов душевной жизни личности. В недрах этого психологического направления резко встал вопрос о том, каковы же факторы, которые объединяют множественность психической жизни в единое целое, что формирует элементы психики в одну структуру, какие факторы определяют индивидуально-типологическое своеобразие характера личности. Эмпирическая психология искала факторы структуры психики в пределах самой психики. Определяющим индивидуальные особенности структуры личности одни исследователи признавали врожденные психические свойства, а другие — физическую или социальную среду. Таким образом, хотя эмпирическая характерология не смогла решить эту проблему, однако перед ней совершенно определенно стояла психологическая проблема факторов, обуславливающих структуру личности.

Итак, уже с момента зарождения научной психологии было подмечено, что личность представляет собой не только множественность, но и, одновременно, структуру. Эта структура подчиняется общим законам, и для изучения индивидуального своеобразия личности необходимо знание общих законов структуры психики; тогда же было указано и на то, что формирование структуры обусловлено определенными факторами.

Эти три проблемы совершенно законны, они поставлены правильно, и было сделано много попыток их решения.

И по сей день проблемы структуры личности, ее факторов и типологии, поставленные, но не решенные эмпирической психологией, являются осью проблематики психологии личности. Они являются всецело психологическими проблемами, и вынесение их за рамки психологии следует считать неоправданным. Все психологические направления вынуждены считаться с названными тремя проблемами, заострить их и попытаться дать на них определенный ответ. Однако надо отметить и то, что, как мы это увидим ниже, большая часть исследователей, в силу недостаточности руководящей концеп-

⁸ Дж. С. Милль, Система логики, т. II, стр. 422.

ции путей решения этих трех проблем, принуждена была обратить внимание только на одну из них, а две другие объяснить второстепенными.

Несмотря на отделение психологии личности — характерологии от общей психологии, она не сумела избежать влияния концепций, господствовавших в последней. Каждое новое психологическое направление оставило свой след в характерологических исследованиях, все значительные открытия в психологии отразились в психологическом изучении личности. В этом отношении наиболее значительными для психологии личности оказались понятия целостности и диспозиции, введенные в зарубежную психологию в текущем столетии. Эти два понятия оказали большое влияние на решение проблемы структуры личности.

Психология целостности усомнилась в основном принципе эмпирической психологии — в первичности психических элементов. После Дильтея и Эренфельса, впервые поставивших в психологии вопрос о первичности целого, исследования ряда психологических школ утвердили мысль, что первичны не элементы психики, а целостность, конфигурация психической жизни (структура, гештальт, комплекс-квалитет). Идеалистически-механистическая теория психологии целостности подкреплялась философскими взглядами, вытекавшими из концепции Brentano и приобретшими исключительную силу в феноменологии Гуссерля. Проникновение принципа целостности в понимание психики человека открыло широкий путь исследованию проблемы личности.

Не меньшую роль в развитии психологии личности сыграла разработка понятия диспозиции. Еще Фулье, а затем Малапер⁹, одной из причин невнимания в психологии к проблеме личности считали то обстоятельство, что в психологии пока еще полностью не преодолен принцип *tabula rasa*, выдвинутый Локком, Кондильяком и Гельвецием. По мнению Дж. С. Милля, существующие между людьми различия следуют объяснять только влиянием внешних условий. «В этом случае, — говорит он, — врожденные задатки настолько малы, настолько незначительны, что объяснять ими что-либо невозможно, да и неинтересно»¹⁰. Реакция на этот взгляд зародилась в недрах самой эмпирической психологии. Уже в эмпирической характерологии были сделаны первые робкие попытки указать на то, что личность характеризуется находящейся за сознанием конкретной возможностью — диспозицией, в результате активации которой могут возникнуть переживания. Проблема наличия в личности диспозициональной сферы резко была поставлена в «глубинной психологии». Представители

⁹ Малапер, Элементы характера и законы их сочетания, 1913.

¹⁰ Дж. С. Милль, Система логики, т. II, 1885, стр. 422.

этого психологического направления (Фрейд, Юнг, Райх, Мак-Дауголл и др.) попытались утвердить мысль, что вся психическая жизнь человека, характер психической структуры, типологическое своеобразие последней определены укоренившимися в глубинах личности силами, существующими как диспозиции (инстинкт, горме, комплекс переживаний и др.). Включение в действие этих сил является условием всякой человеческой активности.

С внедрением в психологию понятий гештальта и диспозиции характерологические поиски были перенесены на совершенно новую почву. Появились перспективы решения в пределах самой психологической науки проблем структуры личности, типологии этой структуры и ее факторов. В результате утверждения в психологии указанных понятий, появилось множество попыток решения проблемы структуры личности. Для уяснения нашей проблемы мы вкратце остановимся на наиболее характерных психологически-характерологических течениях — глубинной психологии, психологии целостности и учении о личности, возникших из принципов персоналистической психологии.

Глубинная психология, в основном, претендует на статус психологии личности. Она почти совершенно игнорирует большие достижения общей психологии в установлении закономерностей отдельных сторон душевной жизни и отодвигает на задний план проблему взаимоотношения целостности и множественности личности, взяв за основную проблему исследования установление факторов желаний и конфликтов личности. В этом психологическом направлении утвердилась мысль, что цель всякой активности определяется инстинктом или другими жизненными силами. Инстинкт — основа поведения личности, психика же только осуществляет цели инстинкта. Инстинкт формирует опыт человека, его характер. Стало быть, здесь проблема личности исчерпывается в основном вопросом о происхождении ее структуры. Ведущая роль принадлежит истории личности, ее архаическим переживаниям, фиксированным комплексам, биографии подсознательного, неосознанным мотивам. Целью исследования является анализ биологических, врожденных диспозиций и жизненного опыта; для понимания своеобразия организации отдельной личности в качестве методов исследования избираются свободные ассоциации, анализ слов, тесты апперцептивного характера, интерпретация поведения. Для психоаналитиков личность — это прошлое, поэтому основной акцент переносится ими на анализ истории переживаний. Анализ внутренних факторов поведения является основной проблемой психологии личности. Поэтому в руках у психоаналитиков остается только один сегмент личности: сфера ее неосознанных желаний — комплексов, мотивов; соз-

нательная же психика личности, в установлении общих закономерностей которой большая заслуга принадлежит общей психологии, была оставлена без внимания.

Согласно этому взгляду, структуру личности формирует взаимоотношение бессознательного, подсознательного и сознательного; благодаря разнообразию истории личности, ее вытесненных комплексов переживаний, бессознательных содержаний, это взаимоотношение дано в каждой отдельной личности настолько своеобразно, что научная типология структуры личности становится невозможной. И правда, ни один из представителей глубинной психологии не сумел установить научно приемлемую типологию, а большинство из них даже и не пыталось это сделать. Основной акцент в данном случае был сделан не на типологию личности, а на анализ типов отдельных комплексов, с целью установления основ интерпретации этих комплексов. Что же касается интровертированных и экстравертированных типов Юнга, то, как утверждают и другие исследователи, они скорее являются типами интересов, склонностей личности, чем типами структуры целостной личности, и указывают только на индивидуальную особенность одного феномена личности.

Остановимся на критическом разборе глубинной психологии. Идеалистически-механистический характер теории вытесненных переживаний был не раз показан советскими исследователями (Д. Н. Узнадзе¹¹, С. Л. Рубинштейном¹² и др.). В настоящее время сами зарубежные психологи, особенно «персоналисты», называют глубинную психологию, и в частности концепцию Фрейда, односторонней и тенденциозной. Г. Олпорт, оценивая роль вытесненных переживаний в формировании структуры личности, говорит, что в теории психоанализа «даже правильно найденные объединяющие звенья, имеющиеся между склонностями настоящего момента и опытом детских лет, бывают покрыты такой древней ржавчиной и кажутся такими разрушенными от старости, что в структуре личности человека они не смогли бы играть связующей роли; быть может, они имеют значение в неврастениках, но не среди большинства людей. Свойства характера, интересы, обладают способностью, подобно растениям, освобождаться от скорлупы семени, из которого они произросли. Они растут вверх, к будущему, а не книзу, в направлении к прошлому, короче говоря, сознательные мотивы и видимое поведение имеют такое же большое значение, как латентные склонности»¹³.

¹¹ Д. Узнадзе, Общая психология, 1940, стр. 68. Экспериментальные основы психологии установки, Изд. Акад. наук Гр. ССР, 1961, стр. 5.

¹² С. Л. Рубинштейн, Общая психология, 1946, стр. 46.

¹³ G. Allport, Personality, A Psychological Interpretation, 1937, стр. 12.

Другая большая группа исследователей психологии личности рассматривает личность как целостность множества различных импульсов — структуру. В этой группе объединяются различные по мировоззрению, психологическому направлению исследователи, которые, по существу, опираются на психологию целостности. Все исследователи этого типа априорно допускают целостность личности; личность есть целостность, единство многих свойств; частные процессы — лишь аспект этой целостности. Обоснование целостности личности опирается на идеалистически-метафизические положения. Представителями этой группы являются: Клагес, Геберлин, Эвальд, Кронфельд, Апфельбах, Утитц, Дельмас-Болль и др. Французский исследователь Бовен назвал эту группу исследователей «количественными структуралистами». Для структуралистов характер и личность — идентичные понятия, психология личности есть психология характера; общие закономерности психики, например, законы воли, интеллекта, эмоций и закономерности личности — явления различной категории, их нельзя рассматривать в пределах одной закономерности. Общая психология исследует законы психических элементов, а психология личности — целостную личность. Характерология есть подлинно сложная психология.

Самый выдающийся представитель «структуралистов» Клагес различает целый ряд взаимно подчиненных и связанных диспозиций¹⁴. Среди них основными являются три группы диспозиций: к первой группе Клагес относит материал характера (задатки, способности, интеллектуальное содержание), во вторую группу входят создающие структуру диспозиции (темперамент, эмоция, воля), а третья подразумевает качества характера, (тенденции, инстинкты, дающие направление желаниям и поступкам). Первично данная целостность этих трех сфер создает характер личности — человек обладает способностями, интеллектуальным содержанием, активация которых определена природой инстинкта: структуру же создают воля и темперамент. Один из интерпретаторов Клагеса характеризует его учение следующим образом: материал характера представляет собой как бы музыкальный инструмент, качество — это та сила, которая порождает мелодию, а структура есть то, что придает течению этой мелодии определенный тембр, форму.

В учении Клагеса и других ему подобных, остаются нерешенными основные проблемы психологии личности; остается непонятным, какая же сила объединяет отдельные группы диспозиций личности. Если в глубинной

¹⁴ L. Klages, Die Grundlagen der Charakterkunde, 1928.

психологии фактором целостности личности признавались глубинные силы личности, для структуралистов ведущие диспозиции личности располагаются в одной плоскости, все они врожденные, неизменны и вечны; способности, инстинкты, темперамент, воля оснащены силой автохтонного действия, они воздействуют непосредственно друг на друга, непосредственно встречаются друг с другом. В системе этих диспозиций не видно личностного фактора, который смог бы обусловить целостность отдельных диспозиций. Поэтому исследователи, касаясь взглядов структуралистов, в частности учения Клагеса, отмечают, что хотя эта характерологическая система и богата анализом психологической природы разнообразных сторон личности, но в целом она неясна и непонятна. Не выяснено, что объединяет в целое множественность отдельных структур в одной конкретной личности. Метафизическое по характеру суждение структуралистов, что целостность диспозиции дана изначально, не удовлетворяет научное мышление. Структуралисты не сумели показать факторы, формирующие личность как целостную структуру, поэтому и указанная ими феноменальная сторона структуры оставляет впечатление конгломерата отдельных психических систем (способностей, инстинктов, темперамента, интеллекта, воли и др.). Так как в личности не найдено то конкретное целое, которое могло бы представлять начало, организующее множество отдельных сил, научная типология целостной личности оказалась недостижимой. Личность распалась на типы инстинктов, воли, темперамента, представлений и т. д., как это дано в исследованиях по дифференциальной психологии. Личность, лишенная основного модуса, организующего переживания и поведение, предстала в виде мозаики типов.

Как для Клагеса, так и для исследователей его типа, характерно отождествление личности и характера, объявление характерологии наукой о личности. Как мы уже отметили выше, это положение имеет понятную в известной степени основу. Понятие характера есть синоним наличия в поведении целостности, т. е. наличия целостной личности. Так как в эмпирической психологии целостная личность игнорировалась, у исследователей характера (особенно у исследователей, для которых личность тождественна сознанию) зародилась тенденция создания отдельной науки, и характерология заявила претензию на то, чтобы быть этой наукой.

Однако изучение личности не может являться делом одной только характерологии. Во-первых, личность очень широкое понятие; оно подразумевает не только сознание, субъективное, биологическое или психофизическое целое, но и определенную социальную категорию, сознательного общественного индивида, определяемого той исторической и социальной средой, в которой он живет; личность формируют обществен-

ные отношения и, в то же время, она своей сознательной деятельностью сама воздействует на общество. Вследствие этого личность должна быть предметом социологии, философии и психологии. В психологии личность изучается как субъект поведения, как фактор, порождающий это поведение, структуру поведения, данную в единстве с психическим, которое определяется этим фактором, т. е. общепсихологические и дифференциально-психологические закономерности личности. Характер — только одно из важных свойств целостной личности. Он выражает своеобразие этой целостности, раскрытое в поведении. Если же характерология будет опираться на такую психологию, исходным понятием которой является понятие конкретной, целостной личности как субъекта деятельности (в частности, если характерология будет опираться на психологию установки), то тогда отпадет вопрос о выделении отдельной науки о характере.

Здесь следует отметить одно обстоятельство. Психологическое понимание личности как субъекта деятельности, с определенной точки зрения, находится в существенной связи с философским пониманием сущности личности. Например, согласно учению классиков марксизма, личность есть совокупность общественных отношений. Марксистская психология, изучающая личность как субъект деятельности, должна учитывать такое понимание личности. Но психология интересуется личностью не как философской (онтологической, космологической, гносеологической) категорией, а изучением того психологического «механизма», который обуславливает превращение «бытия» в фиксированные диспозиции человека; она, как сказал бы Д. Н. Узнадзе, исследует тот фактор, который зарождается в акте взаимоотношения субъекта с действительностью и раскрывается в виде специфического процесса.

С точки зрения персоналистической психологии, общепсихологическое исследование должно всецело опираться на понятие личности. Персоналистическая психология ставит себе целью полностью обновить проблематику психологии, заново разработать такую психологию, к которой вся психическая жизнь будет рассматриваться в связи с закономерностями личности. В интерпретации Оллпорта, персоналистическая психология обосновывает свои положения следующим образом: без понятия личности невозможно не только объяснение психических процессов, но и описание их. Память воздействует на восприятие, желание оказывает влияние на значение, значение определяет поведение, а поведение придает определенную форму памяти и так до бес-

конечности. Такое постоянное взаимное проникновение ограничено определенными рамками каковым является личность. Движущей силой этого взаимного проникновения является цель, а целью обладает только личность.

Феномен организации психической жизни теряет всякое значение, если его не рассматривать как процесс, протекающий внутри определенно организованной структуры. Психические состояния не обладают ни способностью самоорганизации, ни самостоятельным существованием. Их существование представляет часть более широкого построения — жизни личности.

Доказательство существования определяющего, координирующего начала психики дано в непосредственном опыте человека. Центральное значение «я» само собой и непосредственно подразумевается во всяком состоянии сознания.

Веским аргументом в пользу законности понятия личности признается также факт существования творческих свойств личности: любая система мыслей возникает в ком-то; характер системы зависит от того, какой волей, целями и опытом располагает личность.

В персоналистической психологии вся психическая жизнь человека рассматривается в связи с личностью, которая и организует психику. Организация психики невозможна без организатора, приспособление — без того, кто приспосабливается; невозможно существование памяти без протяженности «я» во времени, невозможно учение без изменения личности, знание — без носителя знания¹⁵.

Рассмотрим теперь, как представители персоналистической психологии трактуют понятие личности и как они решают основные проблемы структуры личности. Разберем в аспекте нашей проблемы взгляды В. Штерна и Г. Оллпорта. Согласно Штерну, «личность есть самодеятельная, самосозидающая, целеустремленная, осмысленная целостность». Конститутивными признаками психофизически нейтральной персоны являются: единство множественности, целеустремленность и индивидуальность; главное значение имеет целеустремленность, в виде укоренившейся в персоне системы целей — активной деятельности. Для понимания способности самоосуществления Штерн выставил понятие энтелехии. Энтелехия — сила, делающая личность целостной; в ней дано начало всех диспозиций. Энтелехия — тенденция и способность личности реализовать систему своих целей. Она — общая диспозиция, обладающая излучениями (диспозициями). Каждая отдельная диспозиция является носительницей основных признаков энтелехии — способности и направлен-

¹⁵ G. Allport, Personality, A Psychological Interpretation, 1937, стр. 55.

ности, «но в зависимости от того, какой из этих моментов в ней превалирует, мы можем различать диспозиции направленности и *Rüstungs-Dispositionen*¹⁶. Вся душевная жизнь человека представляет собой проявление этих двух основных диспозиций, возникших в энтелехии. В частности, характер — это один аспект личности, это целостная личность, рассматриваемая в аспекте воли — «энтелехия волеизъявляющей личности». Тип характера можно рассматривать в аспектах цели, динамики воли и структуры. По структуре Штерн различает конфликтный и гармоничный типы личностей.

Положения персоналистической психологии о том, что вся психическая жизнь человека должна рассматриваться в связи с личностью, что понятие характера не покрывает понятие личности, что как свойства характера, так и другие черты определяются закономерностями личности, являются несомненно правильными. Подобная постановка вопроса, акцентирующая «я» как центральный фактор, организующий множественность психической жизни, нашла отражение в капитальном курсе общей психологии Штерна. Однако, несмотря на правильную постановку вопроса, вследствие идеалистически-механического понимания понятия личности, в рамках этой концепции не удалось надлежащим образом решить основные проблемы психологии личности — проблему сущности структуры, проблему факторов, определяющих эту структуру, и проблему типологии.

Для В. Штерна персона — не конкретная реальность, а метафизическая сущность, исследовать которую объективными методами невозможно. Общая диспозиция человека, как персоны, — энтелехия, излучениями которой являются все остальные диспозиции, не уместается в рамках понятий научной психологии. Это понятие непригодно для объяснения факта организации конкретной психической деятельности в нечто целостное.

Метафизическая сущность — персона — устанавливает взаимоотношение со средой не как целостная личность, а только своими диспозициями, активная же целостная личность никогда не включается в психические явления, благодаря чему пресекается возможность исследования, путем анализа частных проявлений, природы целостной личности¹⁷. Возникновение диспозиции цели, организующей отдельные сегменты личности, внедряемость ее в личность, является не результатом взаимоотношения человека с конкретной средой,

¹⁶ W. Stern, *Allgemeine Psychologie*, 1935, стр. 60.

¹⁷ Метафизически-идеалистический характер концепции Штерна ясно раскрыт в книге Д. Н. Узнадзе, *Общая психология*, 1940, стр. 37, а также в кандидатской диссертации Э. К. Абашидзе, *Персоналистическая психология Штерна*, 1962.

не результатом его развития, а конститутивным признаком первичной, вечной метафизической сущности — персоны. Для Штерна цель может существовать изначально вне среды; среда нужна только для осуществления цели, цель есть причина всякого поведения. Такой телеологистический взгляд сочинного развития в формах жизни зарождаются тенденции целевой деятельности, что всякая цель может вытекать из какой-либо специфической особенности организма, в частности из его потребностей. Установленные на почве телеологистической концепции типы одной из диспозиций личности — характера, представленные в учении Штерна, в действительности также являются абстрактными схемами, не отражающими типологическую природу активной, социальной личности.

Концепция Г. Оллпорта берет свое начало в персоналистике Штерна. Оллпорт дает систематический анализ персоналистического учения. Основоположником этого учения он считает Штерна и под влиянием последнего формулирует своеобразное понимание личности. Оллпорт пытается утвердить психологию неповторимого самобытного индивида как уникальной сущности. По его мнению, каждый индивид характеризуется исключительностью и неповторимостью; истинная психология должна служить установлению структуры этого неповторимого индивида; и нет таких законов общей психологии, которые могли бы распространяться на все личности. Такие законы — результат оторванной от действительности абстракции. В то же время Оллпорт не отрицает, что для практики необходимо установление общих приблизительных законов душевной жизни многих людей. Путем же к отысканию таких приблизительных законов, общих линий душевной жизни, он считает статистический анализ результатов исследования тестами.

Согласно Оллпорту, личность есть динамическая организация тех психофизических систем внутри индивида, которыми определяется особенное, неповторимое приспособление этого индивида к своей среде¹⁸.

Какую же организацию систем являет собой личность? Исследователь концепции Оллпорта М. Чермак так вкратце характеризует его концепцию: по Оллпорту, «личность есть комплекс, т. е. организация диспозиций. Эти диспозиции называются свойствами — чертами. Индивидуальность личности проявляется в организации этих черт. Черты даны в личности в виде структуры, поэтому обнаружить в них части невозможно. Личность имеет также и подструктуру, которая

¹⁸ G. Allport, *Personality. A Psychological Interpretation*. 1937, стр. 23.

определяет вышестоящую структуру и охарактеризовать которую возможно путем специального исследования»¹⁹.

Таким образом, структура личности выявляется в организации черт (свойств). По определению Оллпорта, под понятием черты (свойства) подразумевается «обобщенная и фокализованная система (характерная для данного индивида), которая может сделать однозначными многие различные стимулы, может породить и дать направление эквивалентным формам приспособительного и экспрессивного поведения»²⁰.

Оллпорт подобрал из английского лексикона восемнадцать тысяч слов, которые выражают характерные признаки индивида, являющиеся основой динамической организации личности. Словами, выражающими свойства личности, являются, например: бесцеремонный, строгий, агрессивный, активный, рассеянный, точный, академический, агностический, эстетический, артистический, соглашательский, нежно любящий, легко влюбляющийся, ипохондрический и т. д., и т. д.

Итак, для Оллпорта личность заключается во внутренней активной организации внутренних сил индивида. Эта организация характеризует неповторимого индивида и определяет его активность. Осью проблемы личности считается проблема особенности структуры — организации. Совершенно снята или отодвинута на задний план проблема факторов и типологии этой организации. Оллпорта не интересует, как произошла эта структура, какие факторы породили ось самой структуры — ее признаки (свойства); он заостряет внимание на том, как построенная из этих признаков структура определяет неповторимое приспособление индивида к среде. Один из исследователей концепции Оллпорта — Розенцвейг подчеркивает, что личность интересует Оллпорта как гештальт индивида, для него на заднем плане стоит как прошлая, так и настоящая судьба личности²¹.

Как мы отметили, фундаментом динамической организации структуры личности Оллпорт считает черту (свойство) как диспозицию; так как свойств очень много, а для отдельного индивида характерными могут быть только некоторые из них, притом в каждом отдельном случае в виде своеобразного иерархического взаимоотношения, структура одного индивида отличается от структуры другого. Не существует обшей, характерной для всех людей конфигурации свойств, нет и таких групп людей, которым была бы присуща одинаковая конфигурация свойств; поэтому типология личности лишена

¹⁹ M. Shermak, Basic Problems of Behavior, 1941, стр. 553.

²⁰ G. Allport Op. cit., стр. 230.

²¹ S. Rosenzweig, Converging Approaches to Personality-Psychological Review, vol. 51, № 4, 1944, стр. 246.

основания, рассмотрение структуры личности как с общепсихологической, так и с типологической точек зрения есть фикция.

По сравнению с концепцией Штерна, оллпортова персоналистическая концепция структуры личности в смысле решения проблемы является шагом назад. Вопрос о структуре личности Штерн поместил в ряду общепсихологических проблем и центральным фактором, организующим психические феномены, счел общую диспозицию персоны (энтелехию). Оллпорт же объявил нонсенсом существование факторов, определяющих структуру личности, типологию и, что главное, общепсихологические закономерности личности. А. С. Прангишвили ясно показал неправомочность взглядов Оллпорта на отношение общепсихологического к индивидуального, общего к частного: «Персоналистическая психология, отрицающая изучение личности в пределах общей психологии построена на ложной антитезе частного и общего... Отдельное не существует иначе, как в тех связях, которые ведут к общему. Общее существует только в частном, путем частного... Противопоставление общей психологии и психологии личности теряет всякий смысл — общая психология есть в то же время и психология личности, индивидуальности»²².

2. Таким образом, мы попытались показать, что в зарубежной психологии не удалось согласовать множественность психической жизни личности с фактом целостности ее структуры: не удалось дать монистическое объяснение этим двум фактам, рассмотреть целостность личности, типологию этой целостности в единстве с породившими ее факторами.

В психологии всегда стояла и стоит проблема фактора, организующего множественность особенностей целостной личности и ее типологии. Для решения этих вопросов разными исследователями были выставлены понятия: ассоциаций, представлений, энергии воли, инстинкта, сентимента, склонностей, комплекса переживаний, темперамента, гештальт-калитета, структуры, метафизической персоны, конфигурации черт и многие другие. Согласно этим понятиям, внутренние силы личности непосредственно устанавливают связь с внешним миром, автохтонно управляют внутренним миром человека, определяют своеобразие взаимоотношения человека со средой. В этих концепциях игнорируется конкретная целостная личность, носительница психики, для которой психика является средством взаимоотношения со средой для удовлетворения своих конкретных потребностей.

²² А. С. Прангишвили, О некоторых вопросах общепсихологической теории личности, Сообщ. АН ГССР, т. XVII, № 4, 1956.

Советская психология, решая проблемы личности, опирается на основные положения классиков марксизма об отношении личности и психики. Согласно марксизму, психика есть орудие личности, приобретенное ею в процессе взаимодействия с внешней действительностью и используемое для отражения и преобразования последней. Психика — не сама личность, а ее «орган» (К. Маркс). Связь с реальной действительностью устанавливает не абстрактно данная психика, а конкретная реальная личность, являющаяся совокупностью общественных отношений и, наряду с другими свойствами, имеющая также и психические свойства.

Согласно классикам марксизма, отражение личностью объективной действительности происходит в процессе деятельности. Психика объективно дана в деятельности человека. «Деятельность — чувственно данная психология человека», — говорит К. Маркс. Деятельность является источником практического понимания среды. Личность формируется в процессе общественной деятельности, общественных отношений. Формирование личности есть процесс отражения общественных отношений и закрепления отраженных отношений. Психические процессы не могут развиваться независимо от деятельности личности.

Определяющей основой человеческой деятельности является порождающая импульсы потребность. Для удовлетворения своих потребностей люди обращаются к производственной деятельности. Классики марксизма подчеркивают, что первым историческим актом было производство средств, удовлетворяющих потребности. Люди производят не для производства, а для удовлетворения своих потребностей. Нужда в необходимых для существования предметах вынуждает человека обратиться к производству этих предметов, в дальнейшем сама эта производительная деятельность — труд становится потребностью. Потребность побуждает человека производить, но в процессе производства возникают новые потребности. Всякое общественное производство, каждая производственная норма оказывают влияние на психику человека, создают в нем новое сознание. Развитие общественных отношений (производительных сил и производственных отношений) оказывает влияние на сознание, порождая определенные потребности, побуждающие человека мыслить и действовать; т. е. производство, вызванное необходимостью удовлетворения потребности, становится причиной изменения сознания, массовых движений и общественной жизни²³.

Таким образом, согласно классикам марксизма, личность есть совокупность общественных от-

²³ З. Ходжава, К вопросу о потребности в советской психологии, „Психология“, т. IX, 1949 (на груз. яз.).

ношений; психические процессы и свойства являются органом для взаимоотношения с внешним миром; психическое проявляется в единстве с деятельностью, обусловленной потребностью. На основе этих положений советские ученые ставят задачей своего исследования преодоление в психологии абстрактности, схематичности и функционализма, установление закономерностей деятельности конкретной, реальной личности, рассмотрение психических процессов в единстве с закономерностями и структурой деятельности.

Исходя из такой постановки проблем, советская психология не могла не развиваться как психология конкретной, реальной личности, и это было вполне логично. Естественно поэтому, что изучение личности и ее характера направлено в советской психологии по пути исследования структуры человеческой деятельности, формирования деятельности, общепсихологической и дифференциально-психологической ее природы. Среди более магистральных исследований, проведенных в этом направлении, наиболее значительны работы Д. Н. Узнадзе, С. Л. Рубинштейна, Б. М. Теплова, А. Н. Леонтьева, В. Н. Мясищева, Н. А. Левитова, Б. Г. Ананьева, А. Г. Ковалева, В. С. Мерлина, И. В. Стрхова и других, в которых отражены достижения советской психологии личности. Следует отметить, что советские психологи в своих исследованиях опираются на богатое наследие И. П. Павлова и А. Ф. Лазурского. Здесь мы рассмотрим только точку зрения на эти вопросы одного из направлений советской психологии — психологии установки.

Психология установки унаследовала все поставленные на протяжении истории психологии личности основные проблемы, в частности, проблему отношения множественности функций личности и ее целостности и связанные с этим проблемы структуры личности, факторов этой структуры и типологии; попыталась рассмотреть всю психическую жизнь человека в единстве с законами структуры личности и наметила перспективы правильного решения проблемы личности.

Рассмотрим теперь, как в психологии установки решаются названные выше основные проблемы психологии личности.

Ассоциативная психология, по сравнению с другими психологическими направлениями, правильнее решила проблему составных элементов структуры личности. Если в целом ряде ведущих психолого-характерологических направлений в составе структуры личности подразумевались глубинные силы — комплексы, горме, инстинкты, черты — и игнорировались психические процессы, законы психической жизни, установленные общей психологией, то ассоциативная психология под структурой личности подразумевала всю психическую жизнь человека. Разумеется, явно ошибочным было

положение, что личность является совокупностью процессов сознания, ошибочны были поиски определяющих эту совокупность факторов в самом сознании; ошибочным было признание какой-либо одной ведущей психической функции (воли, интеллекта, чувства) объединителем отдельных компонентов сознания. Несмотря на это, данное в ассоциативной психологии понимание содержания личности содержит в себе рациональное зерно.

Не вызывает сомнения то обстоятельство, что деятельность субъекта строится из психических действий, что во всякой деятельности участвуют все психические действия. В то же время, в соответствии со специфичностью деятельности, какое-либо из них может стать ведущим. Несомненно и то, что каждое психическое действие подчиняется совершенно определенной общей закономерности. Но при этом у каждого отдельного индивида эти психические действия своеобразны. В результате частого повторения того или иного психического действия в особых жизненных условиях какая-либо из его сторон превращается в свойство личности, в ее индивидуально-типологическую особенность. Психологический анализ подтверждает, что большая часть свойств личности возникает опять-таки из психических действий. Например, твердость воли, ее слабость, быстрота мышления, героизм, скупость, агрессивность и множество других личностных свойств являются определенными конфигурациями психических действий. Таким образом несомненен факт, что личность как психологическая действительность является множественностью подчиненных общим и типологическим закономерностям психических действий. На это и должно опираться истинное понимание структуры личности.

Психология установки исходит из факта множественности психической жизни; она признает, что неразрывными компонентами содержания личности являются психические действия и свойства, что эти последние обладают своими специфическими общими и типологическими закономерностями. Не считает она спорным и то, что мышление, воля, эмоции могут иметь свои соответствующие диспозиции (способности, характер, темперамент). Психология установки опирается на важнейшие достижения науки о психической жизни; в то же время она не оставляет без внимания тот факт, известный еще в период зарождения психологии, что множественность психической жизни в процессе активности личности упорядочивается, организуется в одну целостную структуру. Такая природа психической жизни легко подтверждается с помощью дескриптивного анализа. Понимаемая таким образом действительность требует объяснения. Именно попытка объяснения несомненного факта со-

наличия в психической жизни множественности и целостности является самой важной стороной психологической концепции Д. Н. Узнадзе.

Согласно психологии установки, психические действия и свойства, заполняющие содержание понятия личности, лишены возможности независимого функционирования. По мнению Д. Н. Узнадзе, направляющим психику моментом является практика конкретного исторического человека, его взаимоотношение со средой. Понимание существующего между таким конкретным субъектом и средой непосредственного взаимоотношения, структуры психики—этого специфического «органа» личности — окажется возможным только тогда, когда она будет рассматриваться без отрыва от ее носителя и ее основы понятия личности, если будет найден фактор, зарождающийся в акте взаимоотношения субъекта с действительностью и раскрывающийся в виде психических процессов²⁴.

В современной психологии признано бесспорным положение, что целое является новым качеством, отличающимся от суммы составляющих его частей, что целостность нельзя сводить к особенностям и закономерностям частей. Это положение распространяется на человека как на целостность. Человек как целостность является не суммой физических и психических элементов, а своеобразной реальностью, которая обладает своими специфическими качествами и своими закономерностями. Поэтому в интересах научного познания требуется установить понятие целостного конкретного субъекта с его закономерностями—конкретную целостную личность, носительницу психического, для которой психика является средством общения с внешним миром для удовлетворения своих потребностей.

Личность является продуктом внешней действительности. Поэтому осмысление активного субъекта возможно только на почве учета его взаимоотношения с этой действительностью. Человек, как и вообще всякий живой организм, является носителем определенных потребностей; под импульсом этих потребностей он устанавливает связь с внешним миром. Импульс потребности является основным источником поведения—деятельности. Для понимания природы деятельности важно знать, каково психологическое состояние субъекта не только в процессе деятельности, но и до начала ее, т. е. знать состояние, предвещающее деятельность. Охарактеризовать это состояние возможно лишь в том случае, если мы учтем ситуацию удовлетворения потребности. Испытывая определенную потребность и попав в соответствующую ей ситуацию,

²⁴ Д. Н. Узнадзе, Общая психология, 1940.

субъект начинает действовать. Однако до того, как он начнет действовать, в нем, в результате непосредственного воздействия ситуации, возникает специфическое изменение целостного характера, которое является отражением данной ситуации на фоне актуальной потребности. «Такое отражение, — говорит Д. Н. Узнадзе, — есть не только созерцательное и не только действенное отражение, оно является своеобразной, специфической формой отражения; это — целостное отражение, на почве которого, в зависимости от условий, может возникнуть или созерцательное, или действенное отражение. Оно заключается в таком налаживании, такой настройке целостного субъекта, когда в нем проявляются именно те психические или же моторные акты, которые обеспечивают адекватное, созерцательное или же действенное отражение ситуации. Это, так сказать, установочное отражение, первичная модификация субъекта, соответствующая определенной ситуации... Короче можно назвать его установкой»²⁵.

Отсюда следует, что деятельность определяется средой, она раскрывается на почве отражения внешней среды, но это — детерминированность не механического характера: среда не непосредственно действует на психическое и не непосредственно вызывает деятельность, а воздействует, в первую очередь, на субъекта деятельности, изменяет его соотносительно всей ситуации, вызывает в нем установку на соответствующую деятельность, после чего субъект, уже имея эту установку, определяет акты самой деятельности. Он обращается к тем актам и процессам, к той деятельности, установка на которую возникла в нем в результате отражения ситуации²⁶. Возникшая установка выражает изменение не отдельного содержания, а субъекта как целого. Это изменение, т. е. установка, есть то специфическое состояние, которое настраивает субъекта на определенную деятельность, определяет возникновение тех психических действий, которые необходимы для целесообразного завершения деятельности. Какие должны возникнуть психические действия — это определяется предварительной установкой, т. е. это — специфическое состояние, динамическое явление, находящее свое выражение в определенной психической активности субъекта.

Из такого определения понятия установки ясно, что она всегда предстает перед нами как установка к какой-либо конкретной деятельности или же к конкретным психическим действиям; поэтому установка и деятельность даны в единстве. Нет психического, которое в процессе действия было бы оторвано от установки и, наоборот, нет такой установки, которая бы не подразумевала собой способности актуализа-

²⁵ Д. Н. Узнадзе, Основные положения психологии установки. Труды Тбил. Гос. Университета, XIX, стр. 26 (на груз. яз.).

²⁶ Д. Н. Узнадзе, Общая психология, 1940.

ции совершенно определенного психического содержания. Установка, как процесс настройки субъекта к действию характеризуется целым рядом существенных признаков, ее возникновение и течение подчиняются определенным законам. Закономерности установки, являющиеся закономерностями активности целостного субъекта, в силу совершенно понятных причин, налагают отпечаток на те психические действия, которые представляют собой проявление этой установки, и определяют взаимоотношение включенных в деятельность разнообразных психических действий — структуру психического, данную в виде деятельности.

Личность проявляет себя в каждый данный момент как субъект деятельности. Он, этот субъект всегда дан в виде установки на определенную конкретную деятельность, а структура установки является основой структуры активности человека.

Согласно Д. Н. Узнадзе, установка является состоянием, которое нельзя охарактеризовать признаками процессов сознания — мышления, воли, чувств — однако она и не то, что в психологии до сих пор называют бессознательным. Теория бессознательного подразумевает, что между процессами сознания и бессознательного разница сводится только к тому, что первые из них сопровождаются осознанием, а вторые нет. Что же касается их внутренней природы и структуры, здесь между ними нет никакого различия. И в самом деле, нельзя допустить существования бессознательного психического, лишенного признаков переживания. Однако рассмотрение психики в аспекте развития, а также анализ поведения человека, свидетельствует о том, что психическое не исчерпывается процессами одного только сознания. По Д. Н. Узнадзе, «сознавать — это значит представлять и мыслить, переживать эмоционально и совершать волевые акты. Иного содержания, кроме этого, сознание не имеет вовсе. Но было бы ошибочным утверждать, что этим исчерпывается все, что свойственно живому существу вообще и человеку в особенности, не считая его физического организма. Кроме сознательных процессов, в нем совершается еще нечто, что само не является содержанием сознания, но определяет его в значительной степени, лежит, так сказать, в основе этих сознательных процессов. Мы нашли, что это — установка, проявляющаяся фактически у всякого живого существа в процессе его взаимоотношений с действительностью... Она действительно существует актуально, не принимая формы содержания сознания: сама она протекает вне сознания, но тем не менее оказывает решительное влияние на все содержание психической жизни»²⁷. Закономерности открытой Д. Н. Уз-

²⁷ Д. Н. Узнадзе, Экспериментальные основы психологии установки, 1961, стр. 41.

надзе психической реальности — действия, установки были экспериментально изучены им и его учениками. Отрицать существование этой формы психического отражения сможет только тот, кто сумеет опровергнуть систему экспериментальных фактов, установленных в психологии установки, или же объяснить эти факты на основе не понятия установки, а какого-либо иного психологического понятия. Как известно, несмотря на попытки, осуществить это еще никому не удалось.

По концепции Д. Н. Узнадзе, деятельность строится на двух уровнях. На первом уровне установка создается на почве единства актуальной потребности и ситуации. Такая установка ведет к импульсивному поведению. Это последнее характеризует и животных. В отличие от животных, у человека есть возможность выработать готовность к деятельности в вербальном, репрезентированном в словах плане — «он может ответить на воздействие явлений среды лишь после преломления этих явлений в сознании, после их осознания и осмысления» (Д. Узнадзе).

После того как человек включился в общественно трудовые отношения, у него появилась способность задерживаться на собственном импульсивном поведении, т. е. способность объективации, способность вырабатывать установку на уровне объективации. Это дало человеку возможность вырабатывать установку на почве единства потребности и воображаемой ситуации и на этой основе развернуть свою деятельность. На уровне установочно-импульсивного поведения выявляются только аффективные, перцептивные и репродуктивные психические содержания, тогда как созданная на уровне объективации установка обуславливает актуализацию мышления и воли. «Уровень установки констатируется нами в обычных явлениях актов каждодневного поведения. Другое дело уровень объективации! Нам приходится подниматься на ее ступень лишь в тех случаях, когда перед нами какая-либо новая более или менее сложная задача, требующая соответственно нового разрешения. В этом случае нам приходится сначала обратиться к акту объективации, а затем, на ее основе, и к мыслительным процессам, долженствующим помочь нам найти установку, реализация которой возлагается на нашу волю»²⁸.

Анализ поведения показывает, что в человеке оба эти уровня психики беспрестанно сменяют один другого, обуславливают друг друга, зависят друг от друга. Деятельность личности дана в виде упорядоченного взаимоотношения возникших на этих двух уровнях психических действий. Иллюстрацией этого может служить всякая сложная деятельность

²⁸ Д. Н. Узнадзе, Экспериментальные основы психологии установки, Сб. Экспер. исследования по психологии установки, 1958, стр. 94.

человека. Например, в процессе волевой деятельности обязательно, чтобы предметом специального суждения стали все ее звенья, протекающие на почве намерения, т. е. стабилизированной установки; субъекту обязательно активно вмешиваться во все операции, составляющие деятельность, всегда заново искать необходимые средства деятельности, принимать на каждом шагу все новые решения. Пока деятельность, порожденная намерением, не столкнется с препятствием, она может протекать импульсивно, отдельные операции, да и вся деятельность могут носить печать импульсивности. Разумеется, они всегда регулируются вторым уровнем психики, но несомненно, что в формировании структуры, типичной для второго уровня волевой деятельности, особая роль принадлежит первому уровню психики — установочно-импульсивному поведению.

Общепсихологический анализ установки свидетельствует о том, что любая установка зарождается на почве единства ситуации и потребности; в каждой установке подразумеваются те психические силы, которыми должна реализоваться установка; поэтому для выяснения природы установки важно выяснить характер потребности и ситуации, являющихся факторами формирования этой установки. Единство актуальной потребности и ситуации порождает импульсивную деятельность и обуславливает актуализацию соответствующих ей психических действий; единство же потребности и воображаемой ситуации на уровне объективации порождает установку, которая определяет участие высших процессов сознания. Чередование в человеке этих различных по структуре установок, их иерархический, соподчиненный строй отражают всю структуру активной личности как субъекта деятельности. Эта структура динамична, она всегда — структура активности, проявляющейся в виде психических действий. Эти действия, представляющие собой проявление имеющей определенную структуру установки, формируются сообразно основе их актуализации — структуре установок, нося на себе печать структуры установок, выработанных на первом и втором уровнях психики.

Так как оторванные от установки психические действия являются пока еще неиспользованными «орудиями», они, как формы отражения, начинают выполнять свою функцию только при реализации соответствующей установки; поэтому подбор нужных для удовлетворения потребности психических действий, формирование их в структуру одной деятельности обусловлены содержанием и формой установки, т. е. с одной стороны, характером породивших установку факторов — потребности и ситуации, которые в основном создают содержание этой установки, а с другой стороны, что очень важно, — формальными признаками установки. Устойчивость, дина-

мичность, пластичность, статичность, иррадиация, генерализация и другие признаки установки накладывают печать на протекание психических действий, на их динамику.

В компонентах структуры личности подразумеваются не только актуализированные установкой психические действия (процессы), но и те психические свойства, единство которых образует характер, а также целый ряд других свойств, отрицать диспозиционное значение которых невозможно (темперамент, способности). Свойства личности, включенные в деятельность человека, определяют его индивидуально типологические особенности; иногда они играют в деятельности ведущую роль. Структура внутренней и внешней деятельности личности носит печать не только общепсихологических закономерностей установки, но и проявляется всегда типологически своеобразно. Понятие установки освещает и эту сторону структуры личности.

Вопросы типологии личности тесно связаны с понятием диспозиции. В психологии не раз стоял вопрос о том, является ли диспозиция по своей природе психической или физиологической. Защитники понятия бессознательного утверждают, что диспозиция является бессознательным психическим состоянием, противники же этого понятия стараются доказать, что диспозиция — явление физиологической природы. Как мы отметили, бессознательное переживание в том виде, как его понимают фрейдисты, является незаконным понятием, оно лишено реальности; поэтому и диспозиция не может существовать в виде фрейдовского бессознательного. Диспозиция несомненно имеет физиологическую основу, но сведение ее полностью к физиологическим процессам является неправильным. Это ясно видно из рассмотрения признаков характера как диспозиции.

Под понятием черт характера подразумевается сравнительно устойчивая форма отношения человека к самому себе, к другим людям, вообще к среде и к своему делу — форма отношения, которая специфична для индивида и для целой группы индивидов. Она, как возможность, фиксирована в личности и импульсивно проявляется в соответствующих условиях. Черта характера (диспозиция) главным образом обнаруживается в социальных отношениях человека. Возникновение и выявление зависти, доброты, дружбы, честолюбия, гордости, враждебности и множества других черт характера определяются особенностями общественных взаимоотношений. В основном эти черты выражают диспозиции разнообразных отношений человека. Свести диспозиции таких отношений к физиологическим процессам значило бы объяснять высшую форму развития человека низшей, социальное объяснять биологическим. Показательно, что если не принимать во внимание крайних биологических фаталистических теорий,

вопрос о поисках в нервной системе основ черт характера (например, великодушия, малодушия, скупости и др.) в научной физиологии не ставился. Наблюдения свидетельствуют, что люди разного типа нервной системы и разной конституции могут быть добрыми и злыми, скупыми и щедрыми, социальными и асоциальными. Как теория бессознательного психического, так и физиологическая теория не могут раскрыть, объяснить природу диспозиции. Большие преимущества в этом отношении имеет понятие установки.

Известно, какое большое место в психологии установки занимает понятие фиксированной установки. Экспериментально установлено, что выработанная установка не исчезает, что она остается в субъекте как готовность вновь актуализироваться в случае повторения соответствующих ей условий. Благодаря частому повторению или же большому личностному значению выработанная установка фиксируется. Экспериментально установлена возможность выработки установки на конкретные содержания. Констатируется, что у человека можно выработать установку на неравенство, и эта установка может настолько зафиксироваться в личности, что сохранит силу в течение месяцев. Если это происходит в экспериментальных условиях по отношению к малозначимым для личности содержаниям, то ясно, насколько стойкой и длительной должна быть установка, фиксированная в личности на почве единства ее жизненных, высших потребностей и соответствующей среды. В течение жизни у человека вырабатывается множество таких фиксированных установок. Среди них есть и такие, которые имеют исключительный вес, особую ценность для личности. Имеющие большой личностный вес установки, данные в личности в виде диспозиционных установок, основным свойством которых является легкая возбудимость, легкость возникновения при взаимоотношении личности со средой, определяют наиважнейшие стороны индивидуального своеобразия личности. Для характеристики личности в первую очередь важно знать, что больше всего привлекает личность, к каким содержаниям, ценностям внешнего мира она более всего расположена. Потребности и фиксированные установки личности являются основой мотивации всякой ее деятельности и включенных в эту деятельность психических действий. Включение в деятельность психических действий и развертывание их в виде определенной деятельности невозможны вне мотивации, а мотивация всегда опирается на потребности и фиксированные установки. У каждого человека имеются специфичные для него и центральные по значению потребности и фиксированные установки большого личностного веса, представляющие собой основу его поступков—его общественной деятельности, отношения к объективному миру и к самому

... как на
... тем, на
... характера
... Согласно за
... — черт
... исходящим
... направляющ
... реактивно
... установки
... понимания
... характера
... готов
... конкретным
... отношения
... характера
... в человеке
... установ
... зависть, героиз
... психиче
... чувств
... личности — по
... Можно дать ф
... любой черты
... являет себя в
... же время сна
... к явлениям; н
... шам, к собствен
... Саба Орбели
... го другому д
... На почве
... щей ей ситуа
... меты, общест
... установочное
... собственност
... стям. Оно з
... Фиксирован
... ется в соот
... возникнове
... ных в виде
... фиксирован
... актуализаци
... в поведении
... черт харак
... подойти к

себе как члену общества. Этот круг основ мотивации является тем, на почве чего создается характер человека, черты его характера.

Согласно зарубежной психологии, характер является совокупностью укоренившихся в глубинах личности диспозиций — черт. По определению Баумгартен, «черты являются исходящими из глубинных слоев личности постоянными, направляющими психическими силами, которые определяют реактивное и активное поведение личности». Понятие установки избавляет нас от биологистически-фаталистического понимания черт характера; делает очевидным, что черта характера формируется, создается как диспозиция; она выражает готовность человека, его установочное отношение к конкретным явлениям жизни, выражает форму установочного отношения к явлениям объективного мира. Множество черт характера, которые трудно даже учесть, сформировались в человеке на его жизненном пути на основе фиксированных установок. Выявленные черты характера (скупость, зависть, героизм и другие) подразумевают комплекс определенных психических действий; например: зависть (амбивалентное чувство), геройство, как выражение силы воли личности — подразумевают участие многих психических сил. Можно дать феноменологический, психологический анализ любой черты характера. Последняя феноменологически выявляет себя в виде конкретных психических действий. В то же время она выражает определенное отношение личности к явлениям; например, скупость выражает отношение к вещам, к собственности; а зависть, по определению Сулхана-Саба Орбелиани, — «есть сокрушение из-за принадлежащего другому добра»²⁹.

На почве частой встречи потребности и соответствующей ей ситуации в личности фиксируются установки на предметы, общественные явления, к себе самой; фиксируется установочное отношение к самому себе, к вещам, деньгам, собственности, друзьям и многочисленным другим ценностям. Оно закрепляется благодаря частому повторению. Фиксированная таким путем установка легко актуализируется в соответствующих условиях и становится основой для возникновения и конфигурации психических сил, включенных в виде черт характера в деятельность человека. Т. о., фиксированная таким путем установка представляет основу актуализации тех психических действий, которые участвуют в поведении как выявленные черты характера. Понимание черт характера согласно теории установки дает возможность подойти к формированию этих черт с исторической и гене-

²⁹ Сулхан-Саба Орбелиани, Грузинский толковый словарь, стр. 406.

тической точки зрения — понять и объяснить, почему та или иная черта является характерной для личности конкретной исторической эпохи, а также понять, какие факторы определяют формирование характера. «Характер как способность либо диспозиция актуализации той или иной установки зависит от того, в какой среде — ситуации происходило формирование данной личности и какая среда — ситуация будет действовать на нее в каждом отдельном случае» (Д. Узнадзе).

Разумеется, у личности есть и такие свойства, объяснение которых на основе понятия установки встречает определенные трудности. Эти свойства неразрывно связаны с врожденными задатками, например, темперамент и способности. Здесь мы не можем остановиться на вопросе о врожденности фиксированных установок, так как в психологии установки он еще не разработан; однако в результате экспериментального исследования бесспорно доказано то обстоятельство, что темперамент, как включенное в поведение явление, как один из его компонентов, его эмоционально-аффективный аспект и одно из определяющих свойств динамики переживаний, в своих проявлениях подчиняется общей закономерности деятельности — закономерности установки.

Темперамент человека, представляющий собой динамический аспект потребности, подчиняется в процессе своего выявления закономерностям установки, является одним из компонентов установочного поведения личности и регулируется психической деятельностью, протекающей на уровне объективации.

Одним из факторов возникновения установки является потребность, поэтому ее динамический аспект — темперамент принимает участие в выработке установки, в частности, в формировании типа установки. Слабость, инертность, динамичность, гибкость импульса потребности несомненно налагают свой отпечаток на тип установки. Выяснено, что у человека с аморфными потребностями, например, в условиях тяжелой депрессии, совершенно не фиксируется установка. У истерических субъектов со слабыми, колеблющимися потребностями установка лабильна, иногда она вовсе не фиксируется. У психастеников — людей, обладающих пониженными, неустойчивыми склонностями, фиксируется слабая установка. Известно и то обстоятельство, что если у человека в экспериментальных условиях нет потребности в сравнении установочных объектов, у него установка не фиксируется. Все эти факты говорят о том, что темперамент, как явление, связанное с динамикой потребности, несомненно представляет собой весьма значительный фактор формирования типа установки. Закрепленные в филогенезе биологические потребности у каждого человека характеризуются определенным своеобразием со стороны динамики. Это своеобра-

ние динамики
ных потребностей
но, что своео
дельном инди
на его устано

Однако,
шире, чем п
установка я
ды, целостны
но развернут
но поэтому
наков устано
ляется дейст
лее сложное,
ление темпер
лостного сос

В то же
рождения ти
ности, прояв
обнаруживае
понента пове
нения. По м
развития со
тановкой, не
субъекта; он
настроенного
объективной
форма созна
ки»³⁰.

Эта при
так и с созн
разием. Инд
мент, своеоб
лизации уст
хе и неуспех
В таких усл
намический
определенн
ворении пот
—неприятн
раamenta св
Темперамен
ни, имеющие
щей, со св
человека.

зие динамики потребности сохраняет свою силу и в социальных потребностях, и в части переработанных социальными потребностями биологических потребностях; поэтому понятно, что своеобразие динамики потребностей в каждом отдельном индивиду оказывает влияние на формирование типа его установки.

Однако, следует подчеркнуть, что установка больше, шире, чем потребность и один из ее аспектов—темперамент; установка является продуктом единства потребности и среды, целостным состоянием личности, на почве которого должно развернуться целесообразное поведение личности. Именно поэтому признаки темперамента не могут покрыть признаков установки; наоборот, действие темперамента определяется действием установки. Темперамент входит в нечто более сложное, чем потребность,—в структуру установки; проявление темперамента определяется закономерностью этого целостного состояния личности.

В то же время темперамент, как один из факторов порождения типа установки, и как динамический аспект потребности, проявляется в начале же установочного поведения и обнаруживает себя в виде эмоционально-аффективного компонента поведения, как первое примитивное проявление сознания. По мнению Д. Н. Узнадзе, «эмоция, как первый этап развития сознания, пока еще непосредственно граничит с установкой, непосредственно связана с целостным состоянием субъекта; она больше является отражением так или иначе настроенного субъекта, чем дифференцированной картиной объективной действительности. Она — самая примитивная форма сознания, существующего на грани нашей установки»³⁰.

Эта примитивная форма, связанная как с потребностью, так и с сознанием, характеризуется индивидуальным своеобразием. Индивидуальная особенность эмоций или темперамент, своеобразно проявляется в условиях затрудненной реализации установки, преодоления препятствия, вообще в успехе и неуспехе поведения, в трудности переключения поведения. В таких условиях темперамент проявляется не только как динамический аспект деятельности, но и в виде совершенно определенных эмоциональных содержаний. Успех в удовлетворении потребностей вызывает приятные эмоции, а неуспех —неприятные и т. д. В соответствии с особенностями темперамента своеобразна и содержательная сторона эмоций. Темперамент сказывается в динамике эмоциональной жизни, имеющей определенное содержание в динамике, оказывающей, со своей стороны, влияние на всю психическую жизнь человека.

³⁰ Д. Узнадзе, Общая психология, 1940, стр. 96—97 (на груз. яз.).

На основе наших материалов выясняется, что темперамент, участвующий в формировании типа установки, включен в установочное поведение личности, является компонентом такого поведения; проявление всех его свойств подчиняется общей закономерности поведения.

Установлено, что сангвинический темперамент определяется закономерностью пластично-динамической установки со средней возбудимостью, меланхолический темперамент — сильно возбудимой, косно статичной иррадиированной установкой, флегматический темперамент — трудно возбудимой, стойкой, пластично-динамической установкой, а холерический — сильной, возбудимой, грубо-динамической и косно-локальной установкой. В этих типологических особенностях установки ясно отражены основные признаки темперамента — эмоциональная возбудимость, ее динамика, переключаемость, интенсивность и глубина эмоционального содержания³¹.

Следует думать, что и способности разделяют судьбу темперамента. В советской психологии подчеркивается, что способности личности, данные в виде задатков — врожденной анатомофизиологической организации мозга — формируются в процессе деятельности человека. Практика личности дает направление задатку. Задатки личности выявляются и формируются в деятельности (С. Л. Рубинштейн). Способности, находящиеся в действии, даны в виде деятельности личности, они всегда входят в структуру поведения и зачастую отчетливая специальная способность накладывает своеобразный отпечаток на всю структуру деятельности.

В результате анализа сущности художественной одаренности Д. Н. Узнадзе пришел к выводу, что нельзя искать специфику художника в чрезмерном развитии какой-либо одной психической функции, так как экспериментально доказано, что у художника одна какая-либо функция развита не больше, чем у обычного человека. «Это обстоятельство заставляет нас думать, — говорит Д. Н. Узнадзе, — что способность художественного творчества имеет в основе не какой-либо один психический момент, а какую-то целостно личностную особенность... Действительность прежде всего воздействует на личность и вызывает в ней определенную личностную реакцию — определенную установку, которая ложится в основу последующей деятельности человека. Следует полагать, что у художника эта целостная личностная реакция — особенная, отличающаяся от созданной в таких же условиях реакции обычного человека, а в чем именно заклю-

³¹ В. Г. Норакидзе, Темперамент личности и фиксированная установка. Сб. Экспер. исслед. по психологии установки, 1958.

чается эта особенность, это уже дело будущих психолого-эстетических исследований»³².

Таким образом выясняется, что и свойства личности, когда они включены в деятельность человека, подчиняются закономерностям деятельности; некоторые же из них, например, черты характера, формируются на почве фиксации установок, и их основу составляют эти фиксированные установки. А те свойства, относительно которых еще не доказано, что в их основе лежит фиксированная установка, которые сами являются определенными диспозициями, также требуют для своей актуализации наличия установки; они являются собой актуализированную установкой конфигурацию конкретных психических действий.

Всякая деятельность личности как реализация установки, выявляется в виде структуры не только психических действий. В эту структуру входят и свойства личности, ее черты характера, темперамент, способности; и, даже больше, в каждой отдельной личности каждое психическое действие является одновременно и свойством, например, воля проявляется как твердая или слабая воля, наблюдение — как аналитическое или синтетическое, внимание — как динамическое или статическое и т. д. Структура деятельности личности, отдельные компоненты этой структуры носят печать индивидуальных особенностей. Избирательная актуализация этих различных психических действий и свойств и формирование их в целостную структуру деятельности определяется установкой, которая порождена на почве отражения среды, удовлетворения определенной потребности. Анализ этой структуры, согласно понятию установки, показал, что структура личности не только подчиняется общим закономерностям, но и подразумевает индивидуальные особенности. Участие в структуре личности индивидуально-типологических особенностей показывает, что структура личности выявляется в каждом отдельном индивидуе как явление, имеющее определенную историю — связанное с фило- и онтогенезом. В процессе удовлетворения своих потребностей личность является не только существом, наделенным мышлением и волей, но и в то же время ее мышление и воля, все стороны ее поведения выявляются в разрезе фиксированных в прошлом свойств. Поэтому личность является как носителем общечеловеческих признаков, так и одновременно обладательницей определенных особенностей индивида, который по этим особенностям может быть отнесен к определенной группе или типу людей, не будучи исключенным из общих законов характерных для человека вообще.

В психологии установки путем экспериментального исследования выявлен целый ряд общепсихологических и диф-

³² Д. У з н а д з е, Общая психология, 1940, стр. 484.

ференциально-психологических по значению признаков. Для понимания природы установки личности необходимо знать ее общие признаки, необходимо учитывать, что установка представляет собой целостное изменение личности, что для возникновения такого целостного изменения необходимо единство потребности и ситуации. Это целостное изменение предваряет психические переживания, являющиеся его проявлениями. Установка характеризуется фазовым течением, стабильностью, константностью, иррадиацией и генерализацией и определяет течение импульсивного поведения. Знание природы установки личности не будет полным, если наряду с учетом этих общих признаков, не будет обращено внимание на тот аспект установки, которым можно охарактеризовать типологию человека, ибо его прошлое, круг и сила его фиксированных установок имеют большое значение для понимания особенностей его поведения. Поэтому типологическая характеристика установки производится на основе анализа ее содержательной природы, с учетом того, каковы в том или ином случае особенности механизма установки и формальная сторона фиксированной установки. Экспериментально установлено, что между людьми могут иметь место различия со стороны возбудимости установки, течения ее угасания (статичность, динамичность, пластичность, грубость, генерализация, иррадиация и локальность), устойчивости, стабильности (стабильная-лабильная), константности (константная-вариабильная). Дифференциально-психологические признаки установки представляют своеобразные проявления в отдельном индивиде общих закономерностей установки, поэтому в случае каждого отдельного человека структура личности является носителем индивидуально-психологических особенностей, однако понимание частного возможно лишь в единстве с общим, на основе учета общей закономерности.

Психология установки рассматривает своеобразие всей психической жизни согласно закономерностям субъекта (установки); поэтому типологическое своеобразие как целой структуры личности, так и всех компонентов, входящих в эту структуру (например: мышления, воли, эмоции, характера, темперамента), может быть понятно на почве знания центрального фактора — природы установки. Это обстоятельство дает возможность преодолеть существующую в психологии личности односторонность типологических систем. Некоторые исследователи, как например Оллпорт, отрицают возможность типологии личности, исходя из того соображения, что личность есть неповторимая индивидуальность, содержащая в себе множество систем, а тип выражает только один сегмент личности. Например, такие типы, как интровертированный и экстравертированный (Юнг), экономический и тео-

ретический (Шпрангер), циклотимический и шизотимический (Кречмер) и другие этого же рода типы отражают не структуру личности в целом, а одну ее сторону, другие же стороны личности остаются вне характеристики.

По отношению к построенной на почве понятия установки типологии такой упрек лишен основания. В нашем случае установление типа опирается на закономерность субъекта. Экспериментальными и клиническими исследованиями доказано, что можно установить тип структуры установки личности и, учитывая законы такой структуры, охарактеризовать темперамент, характер, психические расстройства. Своеобразие установки личности накладывает отпечаток на все стороны этой структуры, определяет типологическую особенность ее составных частей. Для иллюстрации можно привести факты, установленные путем клинико-экспериментального исследования взаимоотношения статического и динамического типов установки и структуры поведения. Констатируется, что в человеке типа фиксированной динамической установки названная установка не может оказать большого противодействия ситуации, она не долго господствует в личности; наоборот, здесь фактор фиксации отходит на задний план, и установке, адекватной ситуации, легко удается регулировать деятельность субъекта; личность легко объективирует свое поведение и избирает новую деятельность в соответствии с новой ситуацией. Здесь I и II уровни психики гармонично сочетаются.

Совершенно противоположное положение имеет место в людях типа статичной—иррадиированной установки. В этом случае согласованное взаимоотношение установки и объективации нарушается, вследствие инертности установки, и в структуре деятельности ведущим становится напряженный акт объективации, несогласованной с установкой. Такая структура установки субъекта обуславливает особенность структуры его характера — особенности типа характера и темперамента. Тип характера человека динамичной установки гармоничен, темперамент сангвинический. На почве структуры статично иррадиированной установки может возникнуть только конфликтный характер при меланхолическом темпераменте.

Исследование патологических личностей подтвердило, что природа управляющей поведением личности установки накладывает свой отпечаток не только на характер и темперамент, но и на все стороны патологически измененной психики в целом. Установка сообразно своей природе формирует все психические действия. Исследованиями И. Т. Бжалава установлено, что присущая эпилептику грубая статичная и

локальная³³, а шизофренику³⁴ — грубая иррадиированная установка характеризуют не только общую закономерность структуры этих психозов, но и лежат в основе формирования отдельных сторон структуры их личности, в частности психических действий — познания, воли, эмоции. Аналогичный факт был установлен и в результате исследования психастении³⁵ и изменений психики, вызванных церебральными нарушениями³⁶. Такие результаты исследований будут вполне понятны, если принять во внимание, что все психические действия и свойства личности представляют собой проявление установки и организуются в единую целостную структуру.

Понятие установки дает возможность определить как тип структуры субъекта — установки, так и типологические особенности психических действий и свойств индивида, произвести интраиндивидуальный анализ свойств, рассмотреть личность как типкомплекс — единство типа. В таком типкомплексе типологическая особенность отдельных сторон личности будет обусловлена особенностью структуры целостной личности, каждая отдельная сторона будет окрашена природой структуры личности; все они, как выразители особенностей организованных в одну целостную структуру различных сторон индивида, будут носить печать природы своей основы.

Это станет вполне понятно, если учесть природу понятия установки, о чем мы говорили выше. Согласно теории установки, воздействие внешней действительности не непосредственно вызывает поведение, а через имеющийся между внешней средой и поведением, определяющий это последнее, психологический «механизм» — установку; природа этого механизма, его особенность обуславливает индивидуальное своеобразие активного приспособления человека к среде. Согласно существующим типологическим системам, установление различия между людьми происходит на основе или внутренних — диспозиционных, психических феноменов или внешних проявлений поведения. Но то, что связывает поведение с внутренними или внешними стимулами (система потребностей, возникших в результате воздействия среды, образа и т. д.), что создает единство внешнего и внутреннего — струк-

³³ И. Т. Б ж а л а в а, Психопатология эпилепсии, Тбилиси, 1960 (на груз. языке).

³⁴ И. Т. Б ж а л а в а, Психопатология шизофрении, Тбилиси, 1958.

³⁵ К. М. М д и в а н и, О психологической природе психастении, (кандидатская диссертация), 1947.

³⁶ М. А. С а к в а р е л и д з е, К психопатологии нарушения системной деятельности головного мозга (кандид. диссертация), 1953. Т. Г. А б р а м и ш в и л и, К психологии прогрессивного паралича. Сб. эксп. иссл. психологии установки, т. II, 1963.

туру, т. е. то, какой психологический механизм обуславливает целесообразную деятельность человека во внешних условиях, — это в типологических концепциях игнорируется. Типология поведения человека должна отражать индивидуальные особенности не по внутренним стимулам (потребность, инстинкт, комплекс вытесненных переживаний и др.) и свойствам выявленного во вне поведения, а на основе изучения объективным методом природы установки — личностного явления, определяющего поведение и переживания человека, объединяющего стимул и деятельность, дающего направление поведению. Ясно, что особенность такого центрального по виду явления личности накладывает свой отпечаток на все стороны человеческой деятельности — как на отдельные аспекты личности, так и на целостное ее поведение — характер.

По теории установки множественность психической жизни формируется в одну целостную структуру конкретным субъектом, который в каждый момент своей активности дан как установка или такая настройка целостного субъекта, такое динамическое состояние, которое обеспечивает возникновение психических действий, необходимых для правильного отражения среды и формирования актуализированных переживаний в одну целостную структуру деятельности. Структура же деятельности дана в единстве со структурой установки, она формируется согласно законам последней, ее существенным признакам. Включенная в деятельность и организованная в виде одной целостности, множественность переживаний представляет собой проявление установки. Поэтому в каждый данный момент личность как субъект активной деятельности (но не вся личность в целом) является установкой и системой данных в единстве с этой установкой психических переживаний и свойств, охваченных структурой деятельности на почве установки.

Рассмотрение деятельности в единстве с установкой подразумевает и то, что деятельность и ее компоненты находятся в тесной связи с породившими эту установку факторами — средой и потребностью; они являются продуктом взаимоотношения этих факторов. Вследствие того, что деятельность включена в систему потребностей личности, она имеет для нее определенный смысл, значение, т. е. она мотивирована.

Структура деятельности подчиняется общим закономерностям установки, но эта структура является в то же время и структурой конкретного индивида; она в каждый данный момент формируется и под влиянием находящейся в единстве с общими законами специфической для индивида фиксированной установки, т. е. свойств как диспозиций. Поэтому описываемая структура всегда является и общей и индивидуальной, что является основой решения как проблемы структуры личности, так и типологии компонентов этой структуры.

На основе понятия установки можно правильно решить проблемы факторов структуры личности, феноменологической природы этой структуры и типологии. Понятие установки дает возможность рассмотреть названные обязательные моменты структуры личности в их целостности — как три необходимых аспекта этой целостности, пополняющие друг друга и способствующие всестороннему отражению данной действительности.

Так в психологии установки решается древнейшая проблема психологии — проблема взаимоотношения множественности и целостности психической жизни, т. е. проблема структуры личности.

ЦЕЛЬ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В процессе изучения природы установки методом фиксированной установки в лаборатории Д. Н. Узнадзе выяснилось, что данные установки человека имеют дифференциально-психологическое значение, что люди различаются по отдельным признакам установки, например, по ее возбудимости, течению угасания, стойкости, константности, стабильности, иррадиации, генерализации. Следовало выяснить, какое значение имеют эти признаки для формирования структуры поведения личности. Перед нами встал вопрос: является ли возникновение отдельных признаков установки случайной вариацией выявления последней или же, наоборот, эти признаки являются моментами целостной структуры установки, лежащими в основе целостного по характеру поведения, связанного с глубокими слоями человеческой психики, например, в основе проявления в деятельности характера, т. е. возник вопрос — каково отношение между структурой установки и структурой характера.

Исходным пунктом исследования мы избрали несомненный факт типологического различия со стороны характера. В первую очередь мы решили установить четко выраженные типы характера испытанными в характерологии методами; затем экспериментально изучить установку лиц, относящихся к определенным типам характера и, наконец, путем соответствующего психологического анализа установить соотношение между типами структуры характера и типами структуры установки. Для установления типов характера мы отобрали 225 человек. С каждым из испытуемых нас связывало старое знакомство: у нас было довольно основательное представление о стиле их жизни и характере. Мы изучали этих лиц на протяжении ряда лет биографическим методом, методом клинической беседы, путем непосредственных наблюдений над их действиями в типичной жизненной обстановке.

путем анализа продуктов их творчества, а также, в некоторых случаях, их личной корреспонденции, дневников.

С целью изучения проблемы изменения (константности) характера мы выделили 25 типичных субъектов и изучали динамику их характера и фиксированной установки в течение 8—12 лет. Кроме того, мы исследовали с той же целью 268 тяжело раненных и контуженных участников Отечественной войны, больных посткоммоционным неврозом и также больных, заболевших психозом³⁷.

Особенность структуры личности не совпадает полностью со структурой характера. Структура личности обнаруживается во всех ее проявлениях. Природа взаимоотношения двух уровней психической жизни личности с особенной силой проявляется в характере — в основе волевых поступков человека, в этой центральной по значению сфере личности, как социального существа. Характер личности отмечен печатью своеобразия структуры деятельности. Поэтому для исследования природы характера, прежде всего, необходимо знание особенностей структуры личности, носительницы этого характера. Своеобразие структуры личности — особенность взаимоотношения двух уровней ее психической жизни — безусловно специфически обнаруживается в характере, как проявление в поступке потребностей и установок большого личностного веса, как основа такого поступка. Как уже отмечалось, характер есть «способность актуализации диспозиционно данной установки» (Д. Узнадзе). Если под понятием диспозиции подразумеваются не только врожденные возможности, но и выработанные на почве взаимосвязи потребностей и среды установки большого личностного веса, способность актуализации этих установок в соответствующей им ситуации, т. е. способность вновь легко возникать, — тогда ясно, что характер является той стороной личности, которая дана в виде потребностей и установок исключительно большого личностного веса, осуществляемых, главным образом, в виде волевых поступков. Такая трактовка понятия характера диктует нам, что для установления типов характера людей необходимо изучить их потребности и фиксированные установки, имеющие большой личностный вес.

Поскольку в основном нас интересует отношение наиболее общих и формальных признаков цельной структуры установки — этого модуса взаимоотношения личности и среды

³⁷ Результаты экспериментального исследования проблемы изменения характера опубликованы в книге: В. Г. Норакидзе, Динамика изменения характера, в ней же дана обширная схема исследования личности. АН Груз. ССР, 1961 (на груз. яз., резюме на русск. языке).

с целостным поведением личности — характером, в ходе исследования мы заостряли внимание, в первую очередь, на наиболее общем и коренном для характеристики человека аспекте структуры поведения личности. Мы, например, исследовали, является ли личность импульсивной, владеющей собой, или конфликтной, наблюдается ли гармония между потребностями и волевыми целями или же превалирует их резкая несогласованность. Какова особенность адаптации личности к среде — легко или с трудом приспосабливается она к новой, изменившейся ситуации, затрудняется или легко переключается с одной деятельности на другую, каков уровень устойчивости избранных для деятельности целей (намерений) — твердость, устойчивость во времени, гибкость, своеволие, упрямство, широта и точность плана действий, возникших в ходе борьбы за достижение цели, эмоционально — аффективная сфера, т. е. дисколические и эвколические эмоции, направленность интересов субъекта — интровертированная или экстравертированная. Особенно заостряли мы внимание на силе импульсов потребностей личности и на негативном моменте действия воли — насколько удастся субъекту объективация внутренних импульсов, мешающих исполнению его намерений, удастся ли ему сдерживать их и направлять свое поведение на уровне воли.

Таким образом, мы изучали такие структурные стороны деятельности и фиксированной установки личности, которые присущи каждому человеку, и, являясь в этом отношении безусловно общими, они в то же время могут лежать в основе индивидуальных различий. Хотя нас интересовали общие структурные признаки характера, но, так как последний обнаруживается в социальных отношениях, все формальные аспекты его структуры изучались в единстве с содержательной стороной социальных взаимоотношений личности, в частности, изучались выявленные в этих взаимоотношениях потребности личности, цели и мотивы ее деятельности, мировоззрение и интересы — содержание волевого и импульсивного поведения, т. е. все аспекты направленности личности.

В процессе исследования мы просили испытуемых подробно рассказать историю своей личной жизни, заостряя при этом внимание на критических моментах, избегая всяких интерпретаций, отмечая только факты. Нас интересовало течение жизни человека, его жизненный путь, что должно было быть использовано как материал для соответствующей психологической интерпретации. Испытуемое лицо должно было рассказать, как протекало его детство, в какой среде он вос-

харак-
остряли
наибо-
рости-
едения
ли лич-
бликтой,
волевыми
ванность.
— легко
ившейся
с одной
избран-
сть, ус-
во, ши-
борьбы
сфера,
енность
аверти-
импуль-
е дей-
я внут-
ерений,
ведение

питывался, каковы были его стремления и наклонности, чем увенчались эти стремления, как боролся он за достижение этих целей, какие обстоятельства мешали ему, т. е. мы старались накопить фактический материал. Опираясь на сведения относительно стиля жизни и характера личности, мы исследовали с возможной последовательностью по приведенному в нашей схеме плану все стороны характера личности, используя в первую очередь метод клинических бесед, применяемых психиатрами в качестве материала для диагноза. «Клиницист ставит себе проблему, создает гипотезы, меняет условия в процессе своих исследований и, наконец, проверяет каждую отдельную гипотезу реакций вызванных беседой. Он является ведущим беседу и одновременно ведомым...» (Ж. Пиаже).

С помощью трудного, не достаточно надежного метода мы исследовали основные импульсы личности, ее ведущие потребности, установки, эмоциональную аффективную сторону и волевою динамику. Клиническая беседа базировалась на полученном в ходе предварительных исследований материале о жизни испытуемого. Путем клинических бесед мы вникали в суть определенного действия личности, в переживания, сопровождающие это действие, внутреннюю его мотивацию. Данный метод широко использовался нами при изучении эмоций и воли личности. Клинический метод, как известно, является самым убедительным и достоверным из всех существующих для исследования эмоций и воли методов.

При изучении жизненного пути личности мы определяли, какого характера потребности, интересы и мировоззрение обусловили этот путь. Если на основании изучения биографии личности выяснялось, что основным девизом ее жизни являлось личное благосостояние, личные интересы или высокие общественные интересы, мы старались установить, насколько личностными, существенными были эти стремления, представляло ли определенное стремление ведущий импульс личности или же оно было обусловлено необходимостью жизни, было вынуждено.

Клиническим методом мы исследовали потребности и цели во взаимоотношениях с переживаниями и глубину этих переживаний; мы исследовали эмоционально эффективный фон этих стремлений.

В процессе исследования мы редко обращались к личности с просьбой рассказать, какие цели и стремления являлись девизом ее жизни; чтобы такой вопрос не получил характера внушения и чтобы испытуемое лицо не ответило бы только с целью удовлетворить исследователя: мы старались установить характер на основании анализа фактов конкретной деятельности.

Исследуя личность методом клинической беседы, мы наблюдали за его поведением, манерой рассказывать, т. е. за

теми сторонами поведения, в которых мог бы выявиться характер личности. При исследовании ясно была видна особенность уверенности личности, внутренняя энергия или тенденция быть в центре внимания. Некоторые из них старались в процессе опыта казаться иными, нежели они были в действительности. Обнаруживались прямота, тенденция выявить интенсивные переживания, или, наоборот, внутренняя замкнутость и многие другие важные для характеристики личности свойства.

Ни в процессе исследования, ни при анализе полученного материала, мы никогда не забывали, что к ответам испытуемых лиц следует относиться критически, не принимая всякий ответ за истину, поскольку часто, даже в тех случаях, когда ответы испытуемых лиц, казались бы, были искренними они невольно вследствие субъективности воспоминаний вообще, могли ввести наблюдателя в заблуждение. Поэтому каждый ответ личности мы рассматривали непосредственно в процессе беседы в связи с его жизненным путем в целом. Методом клинической беседы мы стремились проверить правильность ответов. Если мы замечали, что испытуемые лица неискренни в своих ответах и избегают выявлять интимные стороны своей жизни, мы прекращали их исследование. Поэтому можно с полной уверенностью утверждать, что среди наших материалов нет ни одного ответа испытуемого, который бы не основывался на искренней попытке данного лица полностью выявить интимные стороны своего характера. Мы исследовали 225 субъектов, но отобрали только материал, касающийся 150 субъектов. Остальной материал, по нашему мнению, не заслуживал доверия.

Испытуемыми лицами, как выше сказано, были наши близкие знакомые. У нас накопились собственные наблюдения относительно своеобразия их жизни и характера. Однако с целью собрать более точные сведения об их жизни и проверить правильность их ответов, мы производили опрос близких друзей и членов семейств испытуемых.

Итак, характер личности, рассматривался нами в его развитии, в тесной взаимосвязи с жизненными условиями, в которых он формировался. Для нас, однако, имел определенное значение статус характера личности. Нас интересовало — каковы существенные отношения между важными сторонами характера личности, импульсивным поведением и фиксированной экспериментально установкой, соответствует ли резко отличающийся тип импульсивного поведения резко отличающемуся типу фиксированной установки. Поэтому для разрешения нашей задачи было необходимо установить и статус свойства характера личности, подлежащего на протяжении жизни развитию и разнообразной модификации.

В период проведения опытов над фиксированной установкой мы особо заостряли внимание на выявлении состояния характера. Нас интересовал статус характера, являющийся результатом течения всей жизни личности. Определение портретов характерологических типов мы также производили в основном с этой точки зрения.

Характер является выражением индивидуальных особенностей личности. Каждая личность обладает характером своеобразной структуры. Наши исследования велись, в первую очередь, именно в направлении определения структуры индивидуального характера. На основе психологического анализа выявленных признаков индивидуальных характеров мы устанавливали типы структуры характера. Мы установили характерологический образ отдельных личностей, выделив для каждой личности типичные черты; затем мы выделили в одну группу лиц, имеющих подобные характерологические свойства, и так описали особенности лиц этой группы в виде типичных характерологических портретов, чтобы индивидуально типичное было отображено в обобщенном портрете типа с определенной концентрированностью.

Для исследования фиксированной установки мы избрали наиболее проверенный метод (метод фиксации установки путем сравнения величин), многократно применяемый разными исследователями как для общепсихологических, так и для дифференциально-психологических целей. «Метод сравнения величин» позволяет очень четко выявить у личности способность фиксировать установку и своеобразие течения этой фиксированной установки. Особенности фиксированной установки мы исследовали в случае каждой личности в оптической, гаптической и моторной сферах. Опыты во всех трех модальностях проводились в следующем виде:

Для изучения экспериментально фиксированной установки в оптической сфере в качестве материала были использованы два круга различной величины. Один диаметром в 20 мм, второй — в 10 мм. В критических опытах предлагались 2 круга с диаметром в 14 мм каждый.

Для фиксации установки в гаптической сфере из двух отведенных для этого деревянных шаров один имел диаметр 97 мм, второй 58 мм. В критических опытах давались шары диаметром в 58 мм каждый.

В моторной сфере установочных опытов испытуемым давали два различных по тяжести (190 г и 69 г), но равных по объему (89 мм по диаметру каждый) шара. В критических же опытах — два шара равных как по тяжести (69 г), так и по объему (89 мм). Мы старались исключить действие фактора асимметрий. В оптической сфере с целью исследования асимметрии испытуемому лицу тахиостоскопически показывали два равных круга. При гаптическом сравнении давали

два шара одинакового объема, а при сравнении тяжести — две равные тяжести. Если устанавливалась асимметрия в опытах фиксации установки, на асимметрическую сторону давали большую величину (круг, шар, тяжесть). Таким путем мы исключали возможность влияния асимметрии³⁸.

Вначале исследовался минимум и оптимум возбудимости установки личности.

Оптимум и минимум фиксированной установки исследовались отдельно в каждой модальности. Закончив исследование уровня возбудимости фиксированной установки в одной сфере, мы переключались на вторую, а затем на третью сферу. В первый день мы исследовали означенные свойства установки 2, 5, 10 экспозициями, во второй день — 15, 20, 25 экспозициями. В нужных случаях мы продолжали опыты и на третий день. Максимум критических экспозиций во всех модальностях не превышал 40 экспозиций.

Оптимум возбудимости установки считался достигнутым лишь в том случае, если испытуемый три раза подряд давал установку одинаковой прочности (например, по 15, 20, 25 случаям установочной экспозиции).

За минимум возбудимости мы принимали факт первичной фиксации установки независимо от ее слабости или прочности. За оптимум же — первый случай самой прочной установки.

На основе оптимума возбудимости мы приступали к исследованию других сторон установки личности. Количество установочных экспозиций для нас всегда определялось числом, выражающим оптимум. Мы заранее предполагали, что проведение опытов согласно оптимуму установочных опытов позволяет более четко выявить способность фиксации установки личности и даст большую возможность для дифференциации импульсивного поведения личности. Проведение опытов в таком виде более целесообразно для характерологических исследований; и с другой стороны, особенности личности выявляются с исключительной ясностью в максимально критических условиях, в частности, в случае воздействия большого числа интенсивных возбудителей. Прежде всего нами исследовалась стабильность фиксированной установки. Установочные опыты над испытуемыми в первый же день проводились по характерному для них оптимуму; в дальнейшем, в течение пяти дней, последовательно проводились критические опыты. Ввиду того, что главным образом нас интересовала стабильность фиксированной однажды установки, мы не закрепляли установку ежедневным повторением. Если бы в критических опытах ежедневно предлагались только равные величины, это, конечно, должно было вызвать постепен-

³⁸ По этому вопросу см. В. Х а ч а п у р и д з е, Асимметрия в опытах сравнения величин, „Психология“, т. I, 1942.

ное ослабление стабильности фиксированной установки. Зато мы получали возможность наблюдать за постепенным ослаблением однажды фиксированной установки. Такое ведение исследования имеет безусловное преимущество перед иным способом поставленными опытами. Для характеристики течения импульсивного поведения человека важна прочность во времени именно раз фиксированной установки. Вслед за опытами по изучению стабильности установки, нами была исследована константность установки личности. Установочными экспозициями одного и того же количества (по оптимуму возбудимости установки) мы исследовали течение установки у всех испытуемых. Эту сторону установки мы последовательно изучали в продолжение 5 дней, благодаря чему выявились различия между испытуемыми.

Затем мы исследовали способность иррадиации установки каждого испытуемого по всем четырем модальностям (с объема на глаз, с глаз на объем, с глаз на тяжесть и с тяжести на объем). Количество установочных опытов и в данном случае определялось оптимумом возбудимости. Опыты по иррадиации проводились долгое время спустя после изучения возбудимости, стабильности и константности, после того, как мы вполне убеждались, что ранее фиксированная установка в личности уже потеряла способность действия. В некоторых случаях опыты по иррадиации были проведены год спустя после первых опытов. В сферах оптики и гаптики опыты по константности проводились в один и тот же день. Так же проводились опыты по стабильности.

По окончании опытов по этим двум модальностям мы приступили к опытам по фиксации установки в сфере тяжести. Опыты над всеми испытуемыми по изучению других сторон установки, за исключением опытов по иррадиации, проводились в максимально одинаковых условиях в отношении их последовательности, количества и ситуации.

Во второй серии экспериментов опыты проводились в опосредованной словом ситуации, воздействующей на нас в плане представления, т. е. в воображаемой, вербально репрезентированной ситуации. В этом случае установка вырабатывается на основе объективации ситуации и собственного поведения. Например, в установочных опытах испытуемому предлагается представить, что в одной руке (скажем, в правой) он держит шар большого объема, а в другой — малого. При проведении же опытов в оптической сфере мы просим испытуемого представить, что в эконце тахистоскопа справа имеется большой круг, а слева маленький. Непосредственно после 15-ти повторений установочных опытов испытуемому даются в руки для сравнения два равных шара, а тахистоскопом — два равных круга, затем опыт продолжается в том виде, как в опытах установки в сфере восприятия (опыты Р. Г. Натадзе).

В третьей серии опытов установка фиксируется не путем сопоставления величин, т. е. на основе количественного отношения (сферах перцепции или воображения), а на чисто качественном материале, например, в процессе чтения или письма определенного шрифта. В установочных опытах испытуемому предлагается написать 10 немецких слов в латинской транскрипции. В критических опытах, в первую очередь, даются три русских слова и одно грузинское, затем снова немецкое, русское и грузинское и т. д. Таким образом, у испытуемого сначала фиксировалась установка писать немецкие осмысленные слова в латинской транскрипции, а после этого, в критических опытах, ведется наблюдение за действием фиксированной установки по отношению написания слов другого языка. В опытах обнаруживается, насколько удастся испытуемому сдержать импульс фиксированной установки — объективировать русские и грузинские слова и переключиться, т. е. мы наблюдаем, как поведет себя испытуемый, когда его фиксированная установка натолкнется на препятствие и это вынудит его сразу переключиться с письма латинским шрифтом на совершенно иную — грузинскую транскрипцию и опять сразу вернуться к латинской, потом к русской и т. д.

В четвертой серии экспериментов в установочных опытах испытуемым предлагалось 6 рассказов на русском языке, напечатанных русским же шрифтом, в которые включались немецкие слова, подобранные так, что в них не было ни одной специфически русской буквы. Испытуемый должен был правильно прочесть эти включенные в текст критические слова. Чтение слов на основе установки читать по-русски сделало бы текст бессмысленным. Только на основе преодоления ассимилятивной тенденции установки — на основе объективации чуждого слова можно сохранить осмысленность текста (опыты А. Н. Мосиавы).

В первой и второй серии опытов изучение установки происходит в перцептивно-моторной сфере и сфере воображения, где естественное течение установки встречает меньше противодействия. Испытуемый может сравнительно легко подчиниться характерному для него импульсу установки, т. е. действовать импульсивно. В третьей же и четвертой сериях условия эксперимента создают искусственное препятствие, что способствует выявлению способности объективации — задержки импульса установки и выработки соответствующей ситуации установки при участии мышления. В первой серии в выработке установки активна, главным образом, перцептивно-моторная сфера, а в остальных сериях в выработке установки участвуют образы представления и слова. В первой серии опытов мы наблюдаем проявления первого уровня целостной структуры установки личности, во второй серии — проявления второго уровня — течение выработанной на уровне объективации ус-

тановки; а в третьей и четвертой сериях — проявления способности задержки установки путем объективации и переключения на новую установку.

В результате интенсивного исследования существенных признаков характера и признаков установки (над каждым испытуемым было проведено до 60-ти опытов, всего над 150 испытуемыми — до 9000 опытов) были установлены такие черты характера (в отношении направленности), которые общи для передовых людей нашей страны. Однако было установлено и то обстоятельство, что часто однородность свойств характера, в частности, однородность направленности, не исключает резкой индивидуальной разницы с точки зрения структуры характера. Эту разницу обуславливает своеобразие отношений между поведением опосредованных объективацией и импульсивно-установочным поведением, протекающим на первом уровне психического.

Именно на основе учета указанных индивидуальных различий и стало возможным выделение трех основных типов структуры характера: типы цельного гармоничного с динамической установкой, конфликтного с статической установкой, вариабильного с вариабильной установкой. Каждый из них включает в себя подтипы—варианты.

ТИПЫ ХАРАКТЕРОВ

1. ХАРАКТЕР ЦЕЛЬНОЙ ГАРМОНИЧНОЙ ЛИЧНОСТИ С ДИНАМИЧЕСКОЙ УСТАНОВКОЙ

а) Характер личности с пластично-динамической установкой

Деятельность гармонического человека с пластично-динамической установкой, его отношения с другими, протекают спонтанно и исходят из интимной сущности самой личности. Его деятельность представляет собой беспрепятственную реализацию фиксированных в прошлом установок. У него нет необходимости тормозить свои фиксированные установки, так как последние находятся в полной гармонии с потребностями среды. Он всегда в состоянии объективировать и подчинить воле свой установочно-импульсивный поступок, освободиться от импульсов установки, производить рефлекссию своего поведения и переживаний. Однако объективированное им поведение редко бывает неприемлемым для фиксированных установок, выработанных для его интимной личности на жизненном пути.

Поведение таковой личности, протекающее в плане импульсивно действующей установки, находится в полной гармо-

нии с более высоким, протекающим в плане объективации поступком. Эти два плана (импульсивный и опосредованный) жизнедеятельности личности гармонично сочетаются друг с другом. Вследствие гармоничного единства названных сфер, личность направлена экстравертивно как к предметам, так и к людям. Для нее характерно сосуществование с внешними явлениями: личность живет ими, дышит их жизнью, проникается ими, вращается в сфере их симпатий и антипатий.

Ее экстравертивность никогда не бывает чрезмерной — она не растворяется ни во внешних условиях, ни в людях, так как может свободно выключаться из ситуации. Поэтому подобная личность никогда не является рабой ситуации, рабой собственной установки. Она действует в реально пережитом мире, устанавливает как свободный человек связь с действительностью в соответствии с собственной потребностью. Ввиду того, что ее личные цели всегда совпадают с общими, общественными, она гармонична со средой и не нуждается в торможении своих импульсов.

Сфера целей рассматриваемой личности выходит за пределы собственного «я» и направлена на объективные ценности. Для нее исключительно характерно сочувствие посторонним людям, стремящимся к достижению определенных целей. Труд, борьба за объективные ценности, за осуществление поставленных задач могут стать целью ее жизни. Большинство испытываемых постоянно занято общественной деятельностью, они помогают близким; и все это делается не по принуждению, а согласно внутренним побуждениям. Они сами ищут такие дела, как бы удовлетворяя этим собственные потребности. Таковая личность в процессе творчества, борьбы за высокие цели, даже в процессе самопожертвования полна любви, озарена внутренним светом, добротой, характеризуется пластичностью, определенной экстравертивностью, искренностью. Даже на смертном одре из него ключом бьет оптимизм, безграничная любовь к жизни, людям, родине, человечеству.

Таким людям чужды конфликтные, амбивалентные переживания, чуждо чрезмерное преклонение перед явлениями, негодование, чрезмерный восторг, недовольство. Для них характерны целостность, полнота эмоционального переживания как субъективного состояния. К человеку они относятся с доверием, сочувствием, полны к нему доброты; они проявляют интерес и заботу к близким, искренне разделяют их горе и нужды. В то же время они легко ориентируются в новой среде, быстро находят себе друзей в новой ситуации; их дружба искренна и бескорыстна. Их природе не свойственны внутренние острые конфликты. Они способны на возвышенную гармоничную любовь. Ввиду способности реально воспринимать жизнь и людей, они легко находят соответствующий объект любви. Их любовь продолжительна, прочна, они способны пожертвовать

собой ради нее, но и отказаться от нее они способны без острых конфликтов. Они избегают кого-либо беспокоить.

В конфликтах с окружающими такая личность не теряет равновесия. Печаль, нарушающая равновесие, не проникает в нее. В глубине такой личности всегда теплится искра надежды. В любые трудные минуты жизни ее не покидает вера в прекрасное, в смысл жизни. Жизнь переживается ею как ценность высшего порядка. В критические минуты жизни такая личность не теряет внутреннего спокойствия, веры в будущее. Даже перед лицом опасности для жизни (например, тяжелая операция, невыносимые боли, тяжелая ситуация войны, ранения) ее не покидают спокойствие, жажда жизни; радость жизни наполняет ее в минуты страданий и невыносимой боли. Такому человеку присуще развитое чувство реальности. Его эмоции всегда прямо направлены на объект, являясь его отображением. Объективный мир, социальная жизнь, в частности, его собственная жизнь и жизнь окружающих являются для него носителями ценности высшего порядка. В мире объективных ценностей для каждого человека открыто широкое поле деятельности. Соответствующая удовлетворению потребности личности ситуация может создаваться только в процессе деятельности, труда, борьбы. Таковая личность верит в свои силы, в успех борьбы за лучшую жизнь на широкой социальной арене; верит, что победит и займет в обществе достойное ей место. В случае поражения он не отчаивается, не испытывает чувства униженности. Ей чужды неприятные эмоции по отношению к самой себе. Наши испытуемые, занявшие высокие должностные посты и получившие в нашем обществе моральное и правовое преимущество благодаря своим личным качествам, не обладают ни гордостью, ни высокомерием. Сознание внутренней силы, спокойствие, проявляющиеся в их поведении при высоком интеллекте, покоряют окружающих. Они пользуются общими симпатиями, а потому их личные цели, совпадающие с общественными, достигаются ими легко.

Такие люди энергичны, практичны, деятельны, любят жизнь; во всех сферах жизни им удается проявить свою активность. Но они не властолюбивы, не стремятся быть в центре внимания, наоборот, они стремятся к сотрудничеству, согласию, солидарности. Ввиду того, что подобные тенденции ценятся в нашем обществе особенно высоко, к ним всегда относятся с большим уважением, они везде оказываются любимыми людьми, а поэтому их жизнь протекает без конфликтов и трагедий. Даже в случаях, когда они вынуждены подчиниться ситуации, несоответствующей их основным потребностям и установке, они безболезненно превращают ее в идейную ситуацию и продолжают действовать согласно установке, возникшей на основе сочетания с ней их личных потребностей.

Благодаря способности легко переключаться, они могут жить всецело в волевом плане, устанавливая отношение со средой, развертывая поведение на основе готовности, выработанной в результате фиксации идейной ситуации. Они в состоянии развернуть свое характерное поведение на основе второго плана своей личности. Однако подобный поступок личности не находится в остром конфликте с его внутренним, интимным установочным миром. Процесс удовлетворения вызванных принуждением потребностей к реализации фиксированной установки, каким бы продолжительным он ни был и какой бы хронический характер не носил, не может разрушить основную структуру личности, ее гармоничность, в то время, как у человека иного склада подобное положение может превратить жизнь в подлинную трагедию.

Вследствие того, что между импульсивными стремлениями наших испытуемых, их фиксированными установками и волевыми целями редко возникают существенные противоречия, личности легко удается находить соответствующее поведение для осуществления своих целей. Процесс решения не протекает конфликтно, для него не характерна конфликтная борьба мотивов. Личности нетрудно выносить решение, хотя большинство испытуемых заявляет, что по серьезным вопросам они не выносят решения сразу, необдуманно. В их духовной жизни имеют место некоторые сомнения, переживания, характерные для естественного течения волевого акта. Задержка в процессе решения больше относится к объективации будущего поведения, к его планированию, нежели к самому процессу решения. Приняв решение они чувствуют, что вполне в силах реализовать его. Для них безусловно характерна объективация будущего действия. Наши испытуемые отмечают, что они так или иначе всегда составляют некоторый план действия. Этот план, быть может, не всегда детален, всесторонне обдуман, точен; возможно, что он чаще всего носит схематичный характер, относится к исходному моменту и внутренняя твердая уверенность при этом может носить поверхностный характер и производить впечатление необдуманности до конца. Но, несмотря на это, выполнение решения протекает всегда без конфликтов и неприятных переживаний. Деятельность личности на базе раз принятого решения является непоколебимой. Она не боится препятствий, наоборот, препятствия лишь усиливают ее энергию. После принятия основного решения, встречая непредвиденные препятствия, она по мере необходимости меняет план действия, безболезненно выносит новое решение, т. е. в создавшейся новой ситуации она никогда не чувствует себя в неловком, безвыходном положении. Если личность убеждается в несоответствии принятого решения, она его легко меняет. В таких случаях ее легко переубедить, что, однако, не может

вызвать в ней чувства уязвленного честолюбия. Ее честолюбие не бывает уязвленным и в том случае, когда решения, по причине объективной необходимости, остаются невыполненными. Твердость воли характерна и для людей других типов, но в данном случае своеобразен процесс проявления воли, потребностей личности, в тесной связи с ее целевой системой, эмоциональной жизнью, с ранее фиксированными установками. В такой личности все эти отдельные частные моменты как бы взаимно согласованы и создают гармоничную структуру.

Ввиду гармоничности структуры личности, воля как агент, реализующий содержание, цель этой гармоничной личности, всегда беспрепятственно ее обслуживает. Вследствие этой общей внутренней согласованности, воля, в целях торможения импульсов, не нуждается в излишней трате энергии. Она не нуждается в компенсации какого-либо дефекта личности, так как таковой дефект вряд ли в ней найдется. Поэтому творческая жизнь такого человека протекает без внутренних конфликтов.

Следует отметить и то обстоятельство, что у этих людей даже в весьма тяжелой критической ситуации, редко выявляются неврозы. Тяжелые критические условия жизни вызывают и в них изменения характера, внутренние конфликты, однако эти конфликты компенсируются гармоничной структурой личности.

Под влиянием тяжелых условий жизни отмечается отклонение от основного гармоничного в сторону конфликтного типа. На нашем материале мы выделяем два подтипа. В случаях обоих подтипов в личности усиливается склонность к чисто импульсивному установочному поведению. В обоих случаях имеет место зарождение нарушения гармонии между двумя планами. Людей, входящих в названные группы, в основном характеризуют те же свойства, что и описанный выше тип. Здесь мы укажем на новое свойство, проистекающее на почве своеобразия импульсивности. Гармонична и структура характера I-го подтипа, однако в нее вклиниваются легкие конфликты. Воля личности нуждается в большей активности для торможения импульсивного поведения. Такая личность, живя в волевом плане, преодолевает на своем жизненном пути множество трудностей; она временами оказывается в тяжелых условиях, ей приходится, например, перенести тяжелое соматическое заболевание, хирургические операции, получить на фронте ранения. У некоторых лиц в детстве наблюдались фиксированные страхи. Позднее эти переживания сгладились и большей частью оказались ком-

пенсированными на фоне гармоничной структуры личности, лишь изредка слабое отражение описанных переживаний всплывает на поверхность их сознания.

Тяжелый жизненный опыт породил у этих людей некоторые изменения. Сами испытуемые заявляют, что в их жизни произошел некоторый перелом: раньше их существа не касалась грусть и печаль, редко когда им что-либо было неприятно, теперь же ими долго переживается даже небольшая неприятность. Часто имеют место случаи некоторой легкой депрессии. Здесь процесс волевого решения и переключения стал труднее и острее. В личности как бы зародилась тенденция к внутренним конфликтам. Мы говорим — внутренним конфликтам, так как внешние конфликты, т. е. конфликты, выявленные в поведении, в их жизни редки. Они и не помнят о конфликтах с другими людьми, хотя те и причиняли им много неприятностей. Итак, лиц, входящих в I подтип, вследствие тяжелого критического жизненного опыта, характеризует быстрая возбудимость эмоций, легкость проявления неприятных переживаний, способность долго хранить их в себе и вместе с тем тенденция разряжаться от них посредством фиксированных приятных переживаний; этим лицам присущи легкие конфликты и депрессия. Все это почти совершенно незаметно в проявляемом поведении личности, оно вполне компенсировано и урегулировано волей и высокой сознательностью личности.

Для II подтипа характерно преобладание импульсивного поведения. Процесс решения, даже относительно серьезных вопросов, происходит сразу. Мотивация, этот подготовительный период волевого акта, как будто выключена. Его в меньшей степени характеризует объективация, плановость, он стремится без задержки реализовать фиксированные установки. Личности, принадлежащие ко II подтипу, стремятся жить в первом плане жизни. В то же время им чужды неуверенность, конфликты. В процессе выполнения намеченного они беспечны, беззаботны. «Не помню, чтобы перед началом какого-либо дела я глубоко задумывался. Начинаю дело сразу и конец выходит хороший», почти единогласно заявляют испытуемые этого подтипа.

В случае большого затруднения они часто прерывают действие, необходимое для достижения цели; характеризует их и непродолжительное упрямство, несообразное упорство в стремлении достичь невозможного, поведение, не соответствующее ситуации, вследствие чего в их жизни часты внешние конфликты, которые между тем вследствие симпатии к таким лицам в их общественном кругу, редко принимают острый характер. Внутренние конфликты для них не характерны. Такие личности могут вступать с внешней средой в конфликты, иногда переходящие в ссору, в острый, неприят-

ный спор. Однако внутренне личность остается как бы неизменной. Даже обычный в таких случаях, характерный для всякого человека аффект не носит острого и эксплозивного характера; он бывает скоропроходящим. Несмотря на столь импульсивную природу, таковая личность все же гармонична. Между ее потребностью, целеустремленностью и ситуацией нет ничего спорного. Это — социальная личность высокой морали. Ее потребности, импульсы и моральные тенденции не противоречат друг другу. Причина ее внешних конфликтов состоит в излишней импульсивности и эмоциональности. Благодаря исключительно чуткой реакции на жизненные явления, вследствие выраженной способности адекватного понимания реальности, в социальной ситуации рассматриваемой личности всегда удастся удовлетворить свои потребности.

Отбирая существенные черты характера гармонически цельного человека, получаем следующую картину: структура характера таковой личности гармонична, ей чужды как внутренние, так и внешние конфликты; ее цели, личные потребности гармонируют с требованиями, предъявляемыми ей социальной средой. Она легко избирает ситуацию, соответствующую удовлетворению своих потребностей и всегда стремится к служению объективной социальной цели, вне острых внутренних конфликтов, будто служение объективной цели составляет ее собственную потребность. Эти практические цели в некоторых случаях не выходят за пределы того коллектива, в котором проходит каждодневная жизнь данной личности, но и в этих пределах достигается полное единство личных и объективных целей. Для нее характерны высокие социальные эмоции, чувства долга, патриотизма, дружбы, симпатии. Личность эта обращена к внешнему объективному миру, она живет в кругу социальных интересов, она вращается в сфере действительности, ей чужды болезненный самоанализ, исключительный интерес к самой себе, собственным переживаниям. Чувство субъективного состояния овеяно оттенком удовольствия. Внутренний мир личности характеризуется полным моральным удовлетворением, весельем, довольством, и уверенностью в своих силах. Действия ее энергичны, тверды, пластичны, а импульсы сильны, интенсивны, живы, но уравновешены, сдержаны, легко переключаемы. Без внутренних конфликтов, она активно приспосабливается к ситуации и преодолевает препятствия, преграждающие путь к выполнению намеченного решения. Ее поведение настолько урегулировано, что ей легко удастся обуздать собственные импульсы. Вся деятельность ее, протекающая в первом плане жизни, гармонирует с деятельностью, протекающей в плане объек-

вации. Ее волевые цели, сознательное поведение вполне согласованы с интимными фиксированными готовностями.

* * *

Опыты по изучению фиксированной установки нами проведены над 33 лицами вышеописанного типа характера.

В первую очередь мы остановимся на рассмотрении своеобразия экспериментально фиксированной установки лиц, входящих в основной тип. Если дать испытуемым в установочных опытах 10—15 раз подряд два шарика, две тяжести различной величин, два круга разного диаметра (тахистоскопически), а затем в критических опытах предложить равные величины, то у всех испытуемых, под влиянием фиксационных опытов установки, возникает контрастная иллюзия установки — равные величины кажутся неравными. Следует отметить то обстоятельство, что если в опытах по фиксации установки означенные величины предлагаются менее 10 раз, то установка либо вовсе не фиксируется, либо фиксируется слабо. Повторение же опытов по фиксации свыше 15-ти раз не дает нового эффекта; прочность установки остается неизменной. Это последнее обстоятельство указывает на то, что у подобных испытуемых оптимум экспериментально фиксируемой установки равен 10—15 установочным экспозициям.

Теперь посмотрим, каково выявление в поведении фиксированной однажды установки. Равные шарик и испытующему долго кажутся неравными. Он уверенно отмечает резкое неравенство двух совершенно равных величин. Сначала он находится в плену фиксированной установки, но в процессе опыта эта тенденция постепенно нарушается: теперь равные величины кажутся ему большими то на одной стороне, то на другой (колебание между контрастной и ассимилятивной иллюзиями) или же у него появляется тенденция оценить их как равные. Далее продолжается колебание между контрастной и ассимилятивной иллюзиями и оценкой, как равных, или же между двумя из них, и, наконец, побеждает адекватное восприятие величин. Таким образом, испытующему постепенно удается освободиться от влияния установки и приспособиться к действительности. Это и есть пластичное течение установки. Иллюзия установки до полного устранения проходит несколько фаз. Течение установки является динамичным, так как она окончательно пресекается, переходя в совершенно новое состояние.

77—86% всех опытов, проведенных над этими испытуемыми, указывают на пластичность установки, а 91—94% на динамичность ее. Тип установки пластично-динамический (от 75% до 86%) (см. прилагаемую таблицу). Такая установка прочна, так как прочную установку выражают от 12 до 16 иллюзий.

Пластично-динамическая установка константна, т. е., когда бы мы ни проводили опыты над испытуемыми, они всегда выявляют прочную пластично-динамическую установку. Процентный показатель константности установки колеблется (в зависимости от различных объемов) от 80% до 95%. Установка во всех случаях выявляется в виде смены нескольких фаз и, наконец, исчезает. Для установки таковой личности характерна также стабильность. Раз фиксированная установка остается в личности надолго, она днями сохраняется неизменной или в малоизмененном виде и вновь реализуется при соответствующих условиях. Если, например, несколько дней спустя после первичной фиксации, предложить испытуемому равные величины, он вновь подтвердит наличие фиксированной установки: равные величины он воспримет как неравные. Действие установки динамично. Почти для 100% испытуемых характерна стабильность. Стабильность установки прочна, однако, ее действие постепенно ослабевает и, наконец, спустя несколько дней, в ситуации опыта совершенно исчезает. Установка наших испытуемых, кроме того, иррадиирована. Например, если у испытуемых выработать установку на неравные по объему шары, а в критических опытах показать равные круги, то последние покажутся неравными. Установка распространяется с объема на глаз, с глаза на объем, с глаз на тяжесть, с тяжести на объем. Однажды фиксированную установку характеризует экстенсивность, она охватывает всю личность, но иррадиация установки характерна не для всех; иррадиированная установка также очень слаба и динамична, личность легко избавляется от этого явления.

В опытах фиксированной путем письма установки, которые содержат 20 возможных ошибок и торможений, испытуемые проявили в среднем 5,8 торможений (ни одного случайной ошибки в письме) и переключились на правильное написание. В опытах фиксированной путем чтения установки из шести возможных ошибок или из шести возможных торможений средний коэффициент торможения равен 3,7. Нет ни одного случая ошибки.

Следует отметить и то обстоятельство, что у наших испытуемых посредством представления вырабатывается прочная динамичная, а зачастую и пластическая установка.

Первый вариант только тем и отличается от основного типа, что испытуемому для фиксации характерной установки необходимо менее 10 опытов. Его установка легко возбудима и в то же время более прочна (20—24 контрастных иллюзий). Иррадиированная установка также более прочна (см. прилагаемую таблицу).

Установка испытуемых II варианта трудно возбудима, при этом у них вырабатывается слабая установка (3—6 кон-

трастных иллюзий). Слаба также стабильность установки, иррадиация не характерна. В основном для обоих подтипов характерна пластично-динамичная установка (см. прилагаемую таблицу).

Итак, результаты анализа опытов, проведенных над 33 испытуемыми (всего в количестве 1640 опытов: в среднем 50 опытов на каждого испытуемого), с целью изучения всех сторон установки, подтверждают, что экспериментально фиксированная установка этого типа людей в опытах как в сфере восприятия, так и объективации течение установки пластично-динамично, константно-стабильно и слабо иррадировано. Установка такого типа характерна только для человека вышеописанного гармоничного характера. Полное соответствие типа гармоничной структуры характера и пластично-динамического типа установки является несомненным фактом.

Теперь попытаемся проанализировать отношение между чертами описанного нами характера и экспериментально фиксированной пластично-динамической установкой и проследить отмечены ли черты структуры характера свойствами пластично-динамической установки.

В экспериментальных условиях устанавливается, что не всякий раздражитель может вызвать в таковой личности фиксацию прочной установки (1—2 установ. опыта), как это бывает с сензитивными людьми с конфликтным характером, всецело зависящими от внешних впечатлений (см. ниже). Для фиксации прочной и стабильной установки в личности названного типа необходима ситуация, с которой нельзя не считаться. Действительно, человек этого типа не обусловлен в жизни случайными ситуациями, он противостоит среде, как личность с глубокими тенденциями. Во взаимоотношениях со средой он проявляет себя как внутренне уравновешенный человек, равнодушный к случайным раздражителям, не имеющим существенной связи с его личностью.

После возникновения в таковой личности установки и фиксации этой установки, эта последняя проявляется в нужный момент в виде определенного импульсивного поведения. Она быстро не исчезает, а прочно сохраняет свой типичный вид.

Констатированная в экспериментальных условиях прочность установки означает устойчивость актуализированной установки, ее интенсивность, неугасание до завершения адекватного ей поведения, легкое преодоление условий, тормозящих поведение, настойчивое доведение до конца наметившегося установочного поведения. Установка личности описанного типа прочна.

Установка таковой личности динамична. Констатированная в экспериментальных условиях динамичность установки, как известно, означает, что личность в полной мере обладает способностью освобождаться от влияния установки, переключаться на новую установку, объективации своего поведения, выявления реакции, адекватной действительности. Действительно, как мы видели, и в жизни личность этого типа противостоит явлениям, как имеющая определенные установки, противостоит со своих индивидуальных позиций, однако, не остается рабой собственных установок. Если ее позиция нецелесообразна и не соответствует достижению цели, ей удается освободиться от этой установки и привести себя в готовность в соответствии с новыми условиями. Вследствие динамичности установочно-импульсивного поведения, воле личности легко удается подчинить его, уравновесить, урегулировать импульсы и целесообразно использовать эту импульсивность в борьбе за достижение своих целей.

В необходимых случаях личности этого типа легко удастся объективировать свое поведение и переживания, переводя их в план объективированной действительности, фиксировать адекватную новой ситуации установку и строить поведение на основе последней.

Установка таковой личности не только динамична, но и пластична, т. е. в процессе течения по фазам до полного исчезновения установка испытывает некоторые колебания, в особенности в виде включения тенденции адекватного восприятия; в процессе установочного поведения личность особенно считается с внешней действительностью, поведение ее характеризуется пластичностью.

Угасание установки личности происходит не сразу, отрывисто, а постепенно, сообразно с действительностью; до полного своего исчезновения установка проходит фазы развития. Вследствие пластичности установки, личности легко удается регулировать волевое поведение, она никогда необдуманно не начинает и не прерывает внезапно начатого дела, не становится рабой своих импульсов. Начатое дело, борьба за цель у нее — последовательны, пластичны. Ей удается без конфликтов переключиться в область как повседневных, так и новых, согласованных с сущностью данной личности, целей. Ее поведение всегда адекватно внешней среде и целесообразно; равновесие между внешней средой и личностными целями нарушается редко.

Пластичность, динамичность, прочность и, в необходимых случаях, легкость переключения установки, способствующие легкости объективации поведения, влияют на формирование структуры личности, в частности поведения, протекающего во втором плане. Воля есть проявление существенных

потребностей, интересов и установок личности. В каждой отдельной личности они безусловно должны быть отмечены печатью своеобразия установок. Волевое поведение предполагает необходимость считаться с реальной ситуацией, освобождения от влияния установки, объективацию поведения и переживаний, способность в необходимых случаях менять решение, преодолевать импульсы, предполагает твердость и уверенность в деятельности. Динамичность и пластичность фиксированной установки, как видно из вышеизложенного, обуславливает волевое поведение личности. Личность противостоит внешнему миру с совершенно определенной позицией, и, если эта позиция нецелесообразна по отношению к новой ситуации, ей удастся преодолеть это препятствие, объективировать свое поведение и переживания и переключаться в новом направлении. Ввиду прочности раз возникшей установки, личность с этой установкой обладает достаточной энергией для доведения начатого дела до конца, поэтому и переживания, сопутствующие процессу решения и поведения, характеризуются уверенностью. Субъект проявляет по отношению к объективной действительности самостоятельное персональное отношение, но вместе с тем он всегда принимает во внимание внешние условия, его не связывают внутренние сильные импульсы. Он считается с требованиями жизни, с каждодневными изменениями внешних условий и меняет свое поведение в соответствии с этими изменениями. Особенности твердой воли такой личности в том именно и заключаются, что закрепленные установки и потребности гармонируют с требованиями среды. Благодаря этому личность легко находит целесообразное поведение для достижения намеченной цели. Установочное поведение в такой личности вполне гармонирует с поведением, протекающим в плане объективации. Личности всегда удается объективировать свой поступок, свое положение, но содержание этого объективированного поступка редко вступает в противоречие с ее интимными установками. Установочно-импульсивный поступок личности и поступок, протекающий в плане объективации, как бы слиты воедино. Оба плана жизни личности (установочный и объективации) даны в одной гармоничной целостности. Само собой понятно, что поведение личности с подобной установкой не может сопровождаться острыми и неприятными эмоциями, так как сама по себе пластично-динамическая установка исключает конфликт, внутреннее напряжение, вследствие чего и субъективное состояние личности в процессе характерного поведения в основном полно удовольствия. Ее эмоциональная жизнь характеризуется целостностью, полнотой.

Кроме отмеченных основных признаков, установку такой личности характеризует также константность и стабильность. Экспериментально выявленная константность установки ука-

зывает на то, что установка личности в разное время и при различных условиях дают один и тот же тип. Когда бы мы ни изучали эту личность, ее установка всегда выявляет пластично-динамический тип одной и той же прочности. Это обстоятельство безусловно означает, что особенности импульсивного поведения прочны, вообще особенности течения импульсивного поведения и переживаний относятся в общем к одному и тому же типу. Это внутренне сформировавшаяся личность вполне определенной ориентации. Ее всегда характеризует поведение для личности с пластично-динамической установкой, ее характер всегда носит отпечаток гармоничности.

Констатированная в этой личности стабильная установка указывает, что возникшая на основе единства потребности и ситуации целостная модификация личности, не является моментальной, а, наоборот, устойчива в темпоральном отношении. Однажды фиксированная установка носит хронический характер. Она долго остается в личности и в случае нового воздействия ситуации, сходной с имевшейся при первичной фиксации, вновь актуализируется. В жизненной обстановке такую личность не характеризует поверхностное отношение к явлениям, она не оторвана от своего прошлого, наоборот, пережитые в прошлом впечатления, личностные изменения сохраняются в ней и вновь выявляются в случае конфликта с конкретными явлениями, сходными с пережитыми ранее. Это обстоятельство указывает на то, что ее не характеризует ограниченность переживаний ситуацией, наоборот, ей свойственна относительная стабильность этих переживаний. Своеобразие стабильности установки такой личности выявляется также и в том, что однажды фиксированная установка сравнительно ослабевает при вторичном возникновении. Это обстоятельство указывает на то, что личность не навсегда прикована к фиксированной в течение определенного времени установке и к возникшим на ее основе переживаниям. Она не является рабой прошлого. Переживания не проникают глубоко в личность, они не фиксируются в ней в виде навязчивых комплексов, а постепенно идут к естественному ослаблению. Действительно для этих лиц не характерны острые переживания прошлых впечатлений. Благодаря их способности легко приспособляться к среде, происходит сравнительно быстрая реализация установок. В них мало нереализованных установок, вследствие чего для них не характерно господство комплексов переживаний. Это обстоятельство подтверждается и в условиях эксперимента, однажды фиксированная установка с течением времени постепенно слабеет и, наконец, совершенно исчезает.

Субъекты этого типа характеризуются иррадиацией установки, но это явление выражено слабо. Как показывает анализ

нашего материала, прочная и бесконечная иррадиация характерна именно для лиц, у которых однажды возникшее переживание настолько интенсивно, что оно полностью охватывает личность, отрывает ее от среды и обуславливает несоответствующее среде поведение. Явление иррадиации вообще, наряду с прочностью установки, указывает также на экстенсивность и глубину переживаний, возникших на основе установки. Для человека с пластично-динамической установкой характерно, что в него проникают возникшие на базе установки переживания, однако эти последние не превращаются в эмоции настолько покоряющие личность, что исключается всякая возможность их контроля. У личности всегда имеется возможность объективации собственных переживаний. Для нее не характерно погружение в себя, аутизм, свойственные лицам с прочно иррадиированной установкой. Иррадиация их установки слаба, и переживания, связанные с установкой, адекватны среде, воле личности легко удастся их урегулировать.

Означенные свойства установки не выявляются вне зависимости друг от друга, а выражают отдельные стороны закономерности структуры установки личности. Мы их рассмотрели отдельно только из-за необходимости анализа этой структуры.

Анализ характерной для такой личности пластично-динамической, константно-стабильной, слабо иррадиированной установки и формальных признаков соответствующего ей характера указывает, что между таким типом установки и вышеописанным типом структуры характера существует вполне понятное и закономерное взаимоотношение. Течение установки в виде пластично-динамической формы ясно отражает пластично-динамическое течение поведения и переживаний — противопоставление личностью себя среде с собственными позиций, учет требований среды, адекватное среде поведение, легкость осуществления поведения в плане объективации, согласование осуществляемого в плане объективации поведения с собственными потребностями и с требованиями общества.

Изменению какого-либо важного компонента установки соответствует изменение некоторых компонентов структуры характера. Например, в случае I-го подтипа высокой возбудимости установки (2—6 установочных экспозиций) и излишней прочности интенсивности соответствуют: быстрая возбудимость эмоций, легкость появления неприятных переживаний и продолжительность их господства в личности, конфликты переходящего характера и легкая депрессия, склонность к импульсивному поведению, сдерживаемому вслей. В связи с понижением порога возбудимости (низкий порог) и проч-

ности установки, а также ослаблением ее стабильности (II подтип) в гармонической личности зарождается стабильность эмоций, превалирование импульсивного поведения, однако все эти признаки обнаруживаются только исследователем. Они компенсированы личностью на основе второго плана деятельности.

б) Характер цельной гармоничной личности с грубо-динамической установкой

Если для личности I гармонического типа характерно развертывание деятельности на почве гармоничного единства импульсивного и волевого поведения, то в личности II гармонически цельного типа эта гармония достигается исключительной активностью воли. Такой личности часто приходится сдерживать свои импульсы, объективировать свое поведение, активно привлекать волю к участию в реализации морального поведения. Гармония между двумя планами (импульсивным и опосредованным объективацией) ее жизнедеятельности устанавливается опять-таки посредством воли. Человек этого типа—личность сильных и глубоких, социальных импульсов, волевых целей. Существенной ее чертой является проявление неисчерпаемой энергии в борьбе за цели, сросшиеся с личностью и превратившиеся в активную готовность. Для нее характерны принципиальность, способность к упорной борьбе за поставленную цель, проявление в этой борьбе большой энергии, чувство прочной уверенности, преимущества, способность преодолевать свои импульсы, адекватные реальности переживания, внешняя и внутренняя сдержанность, серьезность, а также понимание всякой активной деятельности человека, способность реально оценивать людей, сочувствовать их переживаниям, способность пожертвовать даже любимым человеком ради высшей ценности. Описываемая личность обладает способностью в общем усмотреть и частное, в Родине, в человечестве видеть и отдельного, индивидуального человека, сочетать служение общему и частному. Это—лица с вполне определенными целями, совершенно искренне считающие целью своей жизни благополучие родины, борьбу за высокие социальные идеи, они служат этим идеям и готовы в нужный момент пожертвовать ради них собственной жизнью. Процесс борьбы за эти цели протекает не на почве тенденции быть в центре внимания, на почве честолюбия, упрямой принципиальности, внушения, принуждения и личных интересов, а, наоборот, они отличаются простотой, присущей истинно благородным героям, людям с сильной волей. Целеустремленность у этих личностей редко выступает в виде таких непосредственных импульсов, когда между ними и требованиями воли нет ничего спорного. Гармония между

этими двумя процессами в данном случае устанавливается регулирующей активностью воли. Импульсы подобных личностей не всегда совпадают с их волевой целью, процесс решения протекает довольно напряженно. Твердое и принципиальное отношение к собственным целеустремленностям, сильная тенденция борьбы за раз намеченные цели, непримиримость не всегда могут совпадать как с их собственными импульсами, так и с моралью социальной среды, в которой им приходится жить. Например, ставшая импульсом альтруистическая тенденция личности не может согласовываться с противоположными ей действиями, являющимися с точки зрения основной целевой установки личности более целесообразными. Жертвовать другим неприемлемо и болезненно для ее натуры, но если это требуется для благополучия Родины, то волевая цель должна затормозить противоположный альтруистический импульс и овладеть им. Подобная личность отличается жизнелюбием, однако, когда ставится вопрос о самопожертвовании во имя более высоких ценностей, нежели ее собственная жизнь, она, несмотря на внутренний конфликт, активностью воли овладевает эгоистическим импульсом и подчиняет личную жизнь более высоким ценностям. Неуклонная принципиальность часто бывает причиной конфликтов со средой, вследствие чего творческий путь таких людей часто преграждают тормозящие условия, им приходится прокладывать путь к намеченной цели в упорной борьбе. Именно поэтому они нуждаются в исключительном функционировании основного этапа волевого акта — решения. Для достижения своей цели личность как носитель сильного чувства реальности должна избрать поведение, согласованное, с одной стороны, с ее собственными потребностями — основными мотивами, и, с другой стороны, являющееся более эффективным и позитивным с точки зрения достижения волевой цели; предполагается, что это поведение будет протекать в условиях минимального конфликта со средой и будет сопряжено с минимальной затратой энергии. Все это требует достаточно напряженной активности. Такое лицо всегда чувствует себя волевой личностью, осознает свое поведение как акт собственной воли; как процесс, проистекающий из его активности.

Акт решения протекает весьма активно. Имеет место колебание. Это процесс достаточно длительный. В нем принимают участие все силы личности, предварительно создающей многообразные идейные ситуации, предусматривающей соответствующее этой ситуации поведение и планирующей возможное в будущем поведение.

Весь этот процесс протекает при большой уверенности личности в том, что она безусловно сможет вынести необходимое решение, найти наилучшее, соответствующее данной це-

ли поведение и выработать необходимую для этого установку. Когда личность, в результате ярко выраженной самоактивности, уже готова к реализации необходимого поведения, она бывает убеждена в успешной реализации своего решения. Процесс выполнения также энергичен, тверд; личность уверена в правильности своего действия. Препятствия, возникающие в процессе действия, не так легко могут заставить личность изменить свое решение. При этом личности всегда удается изменить решение в соответствии с ситуацией, если это продиктовано намеченной целью. Личность не проявляет упрямства, но подобное переключение в процессе действия довольно неудобно и неприятно для нее. Ей бесспорно трудно сворачивать с избранного пути, основная тенденция всегда влечет ее к завершению раз намеченного действия. Она проявляет неуклонную принципиальность в борьбе за доведение его до конца. Поэтому она попутно, по мере необходимости, меняет решения, примираясь со столь неприятным процессом. В конечном итоге она никогда не остается рабой установочного импульса. Сила ее воли тверда. Воля всегда с успехом служит делу завершения основных целей. Особенности переживаний подобных личностей тесно связаны с процессом активной борьбы за достижение цели. Субъективное состояние этих людей, за неимением другого термина, можно обозначить следующим образом: она серьезна, уравновешена. Эти черты характерны как для общего субъективного состояния, так и для проявляемого поведения. В этом отношении ее поведение и переживания не противоречат друг другу.

К своим целям такая личность никогда не относится поверхностно, беспечно; они являются сущностью ее жизни, она ими дышит, живет, цели ее всегда ясны и осознаны. В сфере этих целей ее не характеризует ни пессимизм, ни беспокойное переживание поражения. С чувством глубокого удовольствия переживает она успех и с чувством глубокого неудовольствия — неудачи. Она способна к проявлению сильной радости и глубокой печали. Такой личности присущи значительные и яркие эмоциональные переживания. Она в состоянии переживать заботу, печаль, гнев, отвращение и пр., но вследствие ее общей оптимистической тенденции она редко характеризуется отчаянием, грустью, страхом, смятением, печалью, пустотой, т. е. чувствами, проистекающими от пессимистического настроения.

Такая натура, предрасположенная к деятельности, к практике, к борьбе за цели, не может быть объята пессимистическими переживаниями. С глубокой болью переживает она поражение, превратности судьбы, свои ошибки и заблуждения, но тем не менее для нее не характерны чувства приниженности и безнадежности. Ее характеризует чувство достоинства, преимущества перед другими, внутренняя гордость. Это пос-

леднее никогда не является выражением чрезмерного честолюбия, тенденции быть в центре внимания или упрямой непримиримости, а проистекает из внутренне присущего ей оптимизма, из оптимистического восприятия жизни. Жизнь для нее является серьезной ареной борьбы, где, борясь за цели, в перипетиях одержанных побед и понесенных поражений, волнующими переживаниями она смело идет вперед. Внутренняя уверенность и гордость, сознание собственного достоинства всегда умалют сильные переживания и исключают возможность аффективного состояния сознания.

Переживания, относящиеся к другим лицам, у таких людей всегда обусловлены собственной активностью. Они никогда не относятся с сомнением к достоинству и силам других, им чуждо эмоционально нейтральное состояние, они всегда готовы выявить свои альтруистические чувства, хотя в то же время избегают филантропии. Они стремятся помочь человеку восстановить силу его активности, творческие способности, помочь обрести уверенность в борьбе за общественные цели. Процессы их активности не всегда протекают беспрепятственно. Случается, что цели других людей встают на их пути к достижению цели. Иногда они не отказываются от борьбы, не отступают от своих целей, совпадающих с общественными, чтобы только доставить кому-либо удовольствие. Он способен многим пожертвовать, не щадя своих сил, но не пощадит и противника. В борьбе с противником он проявляет твердость, прямоту, упорство и выносливость. Слабость и мягкотелость ему чужды.

В процессе такой активности, адекватной ситуации, он не скрывает переживаемых им чувств ненависти, отвращения, вражды, недоверия, недовольства, но никогда не унижает противника, не издевается над ним. Ему чужды немотивированные вражда и ненависть, которые всегда обуславливаются сознательными мотивами и увязываются с процессами активности. По завершении активности эти переживания теряют интенсивность и часто исчезают вовсе.

Любовь, часто являясь сильной и навязчивой эмоцией, никогда не переходит у него в аффект. Его влечение к другому полу полно гармонии, восторга, радости, хотя ему не чужды характерные для этого чувства амбивалентное состояние, переживание чувства удовольствия и неудовольствия во взаимном проникновении. Наши испытуемые вспоминают и описывают эти состояния с большой симпатией и уважением. Вспоминают радость, счастье, восторг и глубокую веру в жизнь, охватывавшие их при возможности соединиться с объектом любви, и тоску, печаль, беспокойство, омрачавшие их состояние при потере любимого существа или невозможности владеть им. Любовь являлась для них источником активности и энергии. Она всегда возвышала их, придавала им силы, усиливала

их способность активного действия. Они способны отказаться от любви, если она тормозит их способность, мешает общественной деятельности. Правда, это будет связано для них с сильными переживаниями. Расставание сопровождается чувством глубокого неудовольствия, радостные или печальные воспоминания о предмете любви могут сопровождать их долгие годы. Однако, в случае необходимости они уступают. Их любовь может быть страстной, очень волнующей, сопровождаться негодованием, разочарованием, но она никогда не овладевает полностью личностью, не нарушает ее гармонии.

Вряд ли такая личность когда-либо бывает вполне спокойна. Ее мечты всегда конкретны, исходят из реальной действительности, способствуют активности, сопровождают процесс объективации и воображения будущего поведения, либо являются его следствием. Такое интимное состояние не является непонятным, аутистическим, эгоцентрическим, оно всегда определено, ясно. В его серьезном, деловом выражении, в поведении, порою оставляющем впечатление гордости, преувеличенной деловитости, обособленности, педантичности, пытливый взор всегда может обнаружить внутреннюю теплоту, симпатию, вообще глубокую любовь и уважение ко всяким ценностям жизни и присущую ему простоту в частных взаимоотношениях.

Описанный тип содержит еще два подтипа. Для первого подтипа характерно понижение, по сравнению с основным типом, силы внутренних импульсов, внутренняя инертность, спокойствие, флегматичность и в то же время стремление к импульсивному поведению. Такие лица избегают волнующей активности, полной внешних и внутренних конфликтов. У них отмечается склонность подчиниться своим флегматическим импульсам. Внешне, вследствие слабости импульсов, воля не нуждается в большой затрате энергии для урегулирования поведения. Волевой процесс характеризуется как бы меньшей напряженностью. В то же время их потребности, цели всегда определены. Эти цели являются сущностью их жизни. Им всегда удается подыскать нужное для достижения цели поведение и согласовать его с мотивами поведения. В этом отношении они сравнительно легко выносят решение, нужное для будущей деятельности. Течение акта решения у них напряженное, имеет место так называемая борьба между мотивами. В процессе принятия решения, после него, а также и в процессе действия они полностью уверены в правильности и истинности этих действий. Планирование действия не столь детальное и конкретное, как это характеризуют типы описанных выше людей. Оно более схематично, больше пре-

дусматривает ближайшие моменты, нежели отдаленные перспективы, однако эта схема в представлении их сознания всегда дана в виде плана. Препятствия их не пугают и они не так к ним чувствительны. Непреодолимость препятствий не может нарушить их равновесие, заставить почувствовать беспокойство. Отступают они редко, без внутренней боли. В таких случаях их не характеризует проявление неиссякаемой энергии, беспокойство, тревожная борьба за достижение цели, так как они вообще избегают конфликтов. Однако, в исключительных случаях, когда это неизбежно, они проявляют большую энергию. Внешне спокойные, вялые, разнеженные довольством, такие лица производят впечатление мало активных субъектов. Наблюдения же над их переживаниями и жизнью показывают, что это не совсем так. Они постоянно вращаются в сфере практики и находятся в состоянии постоянной готовности добиться своих целей. Им нехватает лишь избыточной спонтанной активности, но в основном они все же живут в волевом плане. Их активность регулируется волей.

В случае II подтипа мы имеем дело со значительными особенностями, хотя структура личности, целевое устремление, динамика воли, а также сфера эмоций в основном остаются по существу неизменными; однако здесь в личность проникает совокупность новых элементов, грозящих вывести ее из группы гармоничных людей и перевести в ряды конфликтных. Но эти конфликты пока еще не столь глубоки, чтобы полностью нарушить гармонию личности. В таковой личности зарождаются элементы избыточной чувствительности, сензитивности. Малейшая неприятность причиняет ей большую травму. В ней с избытком представлены неприятные чувства самооценки: стыдливость, раскаяние, униженность, почтительность и отрицательные чувства такого характера вообще. Следует отметить, что, несмотря на это, личность была бы проникнута оптимистическими тенденциями; если бы не раздражители, вызывающие в ней конфликтные эмоциональные переживания, она оставалась бы спокойной, гармоничной, основной тенденцией внутренней гармонии; однако эта гармония, часто нарушается в несоответствующей для раскрытия ее ситуации. Таковую личность не характеризует беспричинная спонтанная смена настроений.

У подобных личностей мы часто наблюдаем фиксированные «идеи», характерные для невротиков, однако они никогда не доходят до болезненного драматизма и представлены в личности в виде навязчивых идей. Человек видит, что они абсурдны, не имеют под собой никакого основания, но не может от них избавиться. Вообще же эти идеи нарушают эмоциональной сферы рассматриваемой личности.

Ей удастся их объективировать, наблюдать за ними как бы со стороны. Человек задает себе вопрос, почему это с ним случается, а рассказывая об этих идеях другим, он в шутку называет их навязчивыми.

Один из наших испытуемых в продолжении целого месяца после похорон тестя, прах которого вынесли из его квартиры, слышал капание воды из ледника с покойником. Он будто видел ситуацию: гроб, покойник, таяние льда, капание воды и т. д. И это вызывало в нем неприятные переживания. Нормальное течение его жизни из-за этих переживаний не нарушалось. В таком настроении он принимал гостей, шутил, описывая другим свои переживания и т. д. Невзирая на зарождение описываемых невротических симптомов, личность остается, как мы отмечали выше, вполне активной, деятельной, полной любви к жизни и желаний. Такая личность является синтонной, любящей общество, друзей. Она социальна и вообще со стороны эмоций является носительницей основных свойств, характерных для лиц с фиксированной грубо-динамичной установкой.

В проявлении воли таких личностей акт решения болезнен: в него вкрадываются неуверенность, сомнение. Он всегда сопровождается переживанием ситуации, но после принятия решения, если оно самостоятельно, личность энергично стремится реализовать его. Поощрение подбадривает ее и усиливает активность. Характерна точная и детальная плановость. Несмотря на проникновение в волевой акт элементов слабости, целевое поведение личности всегда протекает без задержек, субъективные причины не мешают целесообразному поведению, личность стойко борется за достижение поставленной цели. Это объясняется полной определенностью и ясностью потребностей и сфер целей такой личности. Это — люди, призванные к служению активным целям. Трудностям формирования готовности, нужных для достижения этих целей, конфликтам, множеству болезненных эмоциональных переживаний не удастся затормозить эту активность. Только неприятные переживания, вызванные безуспешностью активности, болезненное и сильнее действуют здесь на настроение, нежели это характерно для других людей, родственного с ним типа.

Вышеописанные невротические переживания протекают внутри личности, они редко проявляются в ее поведении. Не превращаясь в несдерживаемый импульс, а постоянно находясь под контролем воли личности, эти невротические импульсы и не так сильны, чтобы она не смогла с ними справиться. Поэтому такие лица относятся опять-таки к категории твердого характера.

Описанные типы, в особенности основной тип, как мы видели, характеризуются сильными и глубокими импульсами и определенными волевыми целями. Импульсы потребностей таких лиц не всегда совпадают с сознательными целями, но в результате регулирующего воздействия воли между ними устанавливается гармония. Акт решения протекает весьма активно. Процесс решения и его выполнение совпадают с переживанием твердой уверенности. Процесс решения сложный и напряженный. Личность чувствует себя волевым человеком. Со стороны динамики воли в борьбе за цель она тверда. Она может тормозить внутренние импульсы, противостоящие осознанным целям.

Напряженное течение волевого процесса указывает на то, что это — личность, эмоционально эффективная жизнь которой интенсивна; эмоции ее глубоки, и при этом личность производит впечатление серьезной и степенной. Таким образом, существенными свойствами этого варианта характера цельно-гармоничного типа являются: отсутствие согласованности между двумя уровнями (уровнем объективации и уровнем установки) поведения — между сильными импульсами потребности, фиксированными установками и волевыми целями. Постоянная готовность к борьбе за осознанные высокие цели, непоколебимая принципиальность в этой борьбе, полная возможность переключения на новые цели, вместе с тем — устойчивость раз возникших и превратившихся в импульс целей, урегулирование разногласий между импульсами потребностей и волевыми целями при помощи сильной воли личности, установление гармонии между двумя уровнями деятельности путем особенной активности твердой воли свидетельствуют о цельности структуры характера личности.

Теперь охарактеризуем течение экспериментально фиксированной установки вышеописанной личности такого типа. Если такому испытуемому предложить для сравнения 10—15 раз подряд различные величины (два круга различной величины, два шарика или тяжести), мы заметим, что в личности произойдет фиксация возникшей установки. Фиксированная установка тотчас выявится, если в критическом опыте испытуемому дать равные величины. Под влиянием установки, фиксированной установочными опытами, равные величины покажутся испытуемому неравными. Оптимум возбудимости установки равен 10—15 установочным экспозициям. Экспозиции числом менее 10-ти не могут выработать характерную для личности установку, а больше 15 не дает нового эффекта для выработки более прочной установки. Один раз фиксированная установка, проявляющаяся в кри-

тических опытах в виде иллюзии, характеризуется в отношении течения грубостью. Личность полностью погружена в иллюзию фиксированной установки, равные величины на одной стороне долго кажутся неравными (контрастная иллюзия), не отмечаются колебания, смены фаз, пластичность. Установка долго остается инертной, неподвижной, переключаемость исключена. Лишь потом она сразу отпадает, и личность освобождается от влияния установки и дает адекватное восприятие величин. 92—96% всех опытов, проведенных над всеми испытуемыми этого типа, показывают грубость течения установки в оптической сфере 92%, в гаптической 96%, при сравнении тяжести — 92%. Грубость установки характерна для обоих вариантов на 100%. Суммарный показатель процентного распространения грубости установки подтверждает это же положение. Кроме грубости, характерна также и динамичность установки: в оптической сфере — 98%, гаптической — 93%, при сравнении тяжестей — 94%. Тип установки грубо-динамический (88—95%) (см. прилагаемую таблицу).

Один раз фиксированная грубо-динамическая установка до угасания характеризуется устойчивостью. Например, в случае основного типа коэффициент прочности в оптической сфере равен 13, гаптической и моторной — 19 (количество иллюзий). Процентный показатель прочности установки достигает 74% (в моторной сфере).

Форма раз фиксированной установки константна. В какое бы время ни проводились опыты над этими испытуемыми, они всегда выявляют грубо-динамическую установку. Показатель константности превышает 92%. Установка такой личности стабильна. Раз фиксированная установка устойчива надолго. Процентный показатель как константности, так и стабильности установки указывает на то, что течение установки личности при всех условиях грубо-динамично. В опытах стабильности установка слабеет, но и здесь она опять-таки грубо-динамична.

Для большинства лиц основного типа характерна также и иррадиация. Иррадиированная установка сравнительно слаба, но и здесь она выявляется в грубо-динамическом виде. Из 1945 опытов, проведенных над 38 субъектами этого типа (в среднем 50 опытов на каждого), с целью изучения разных сторон установки, для абсолютного большинства характерны грубо-динамическая, константно-стабильная, интермодально-константная и иррадиированная установка. Раз выработанная установка стойка, инертна и темпорально устойчива, хотя личности все же удается освободиться от иллюзии установки. У наших испытуемых фиксируется установка и в сфере представления. Она прочна и грубо-динамична (90%).

Первый подтип только тем и отличается от основного типа, что порог возбудимости его установки низок. Необходимое число экспозиций для выработки типичной установки обычно превышает 15. Выработанная установка также сравнительно слаба. Например, показатель прочности в сфере оптики равен 9. Установка, выработанная в опытах стабильности, сравнительно слаба, иррадиация для нее почти не характерна.

В случаях второго подтипа установка более слаба. Коэффициент прочности равен 2—4. Установка лабильна и локальна. Процентный показатель лабильности в сфере оптики равен 87%, локальности 71%. В основном же и этот подтип относится к типу грубо-динамической установки.

Установочно-импульсивное поведение личности этого типа отличается от пластично-динамического установочно-импульсивного поведения лишь одной чертой — грубостью.

Прочность и динамичность установки указывают на те же особенности импульсивности, какие были отмечены нами при характеристике пластично-динамического импульсивного поведения. Способность фиксации установки указывает на то, что такая личность противостоит внешней среде с собственными фиксированными позициями. Она противостоит внешним явлениям как личность, наделенная определенной установкой. Вследствие прочности раз возникшей установки поведение личности характеризуется стремлением довести действие до конца. Прочность установки является основой активности личности, завершенности переживания и доведения начатого дела до конца. Это подтверждается и тем обстоятельством, что лица со слабой установкой характеризуются лабильностью и вариабильностью переживаний, они полны тревоги, вызванной незавершенностью переживаний. У них появляется чувство внутренней слабости, неуверенности, зарождаются внутренние конфликты. Таков II вариант грубо-динамической установки. Она характеризуется слабостью. В этом случае в личности возникают психастенические элементы. Установка описанного типа бывает стойкой. Такой человек чувствует в себе большую силу. Эта сила связана с определенной целью, активностью. Личность уверена в достижении цели, за которую она самозабвенно борется. Сильной активности сопутствуют пронизывающие друга переживания удовольствия и неудовольствия; но стойкая установка имеет для личности положительное значение лишь в том случае, если у нее одновременно есть и свойство динамичности. Благодаря динамичности установки личность может изменить свою деятельность, может стать на новую позицию согласно измененной среде. Она не остается рабой раз возникшей установки.

Но как уже было отмечено, от установки людей I гармонического типа его установка отличается грубостью. Грубость указывает на инертность, неподвижность установки. Раз выработанная установка остается в течение определенного времени в одном и том же положении, фазовая смена исключена. Данная черта установки обуславливает трудность переключения. Такой личности очень трудно свернуть с однажды избранного пути. Переключение в процессе деятельности происходит не сразу и не с удовольствием. Этот процесс довольно затруднителен. Описанная основная тенденция личности всегда направляет ее к завершению избранного действия, даже в том случае, если оно не соответствует ситуации. Ее характеризует прикованность, постоянство в отношении к возникшему импульсу. Неотступная борьба за раз избранную цель, чрезмерная принципиальность, частично педантизм. Намеченные ею цели не всегда совпадают с требованиями среды, ибо, если она борется за их достижение, то признание за собственную цель нового требования жизни встречает в ней сильное сопротивление. Она принципиальна и непримирима. Однако, благодаря динамичности установки, ей в конце концов удастся изменить решение, что вызывает в ней внутренние конфликты.

Внутренняя природа установки человека вышеописанного типа груба, инертна; внутреннее и внешнее проявления ее, возникшие из такой установки, характеризуется некоторой «грубостью». Возникшие в личности внутренние конфликты и интенсивные эмоции являются результатом трудности приспособления к среде и внутреннего напряжения, необходимого для принятия нового решения в соответствии с новой ситуацией. Грубость установки действует и на особенности течения волевого акта; акт решения протекает активно, с внутренними конфликтами. После принятия решения возникает чувство уверенности. Появившееся в процессе деятельности препятствие не легко может заставить личность изменить решение. Однако то обстоятельство, что установка данной личности характеризуется и динамичностью, является залогом того, что в итоге личности удастся подавить возникшие импульсы и произвести объективацию импульсивного поведения. Если грубость установки стимулирует сильную активность воли, динамичность установки смягчает эти черты. Динамичность импульсивного поведения облегчает объективацию импульсивного поведения, помогает воле приспособиться к требованиям среды, проявить адекватное среде поведение, установить гармонию между требованиями среды и импульсами личности. Грубость установки становится источником конфликтных тенденций, но динамичность этой же установки способствует их устранению и в то же время обуславливает интенсивность течения переживаний, внут-

ренное напряжение. Если установка такой личности оставалась бы до конца грубой, то она стала бы источником импульсивного поведения, бесконечных внутренних и внешних конфликтов, неприспособленности к внешней среде, как это характерно для лиц типа грубо-статичной установки.

Грубость установки и обусловленную этим трудность переключения смягчает и то обстоятельство, что у таких лиц есть полная возможность объективации собственного поведения. Это ясно доказывается опытами объективации и фиксации установки путем представления. В опытах объективации им удается побороть импульс установки и осуществлять поведение в плане объективации. Динамичность установки, полная возможность объективации указывают на то, что у такого человека есть способность гармоничного сочетания поведения, протекающего в импульсивном и волевом планах.

Установка подобной личности константна. Тип ее установки всегда грубо-динамичен. Поэтому, несмотря на изменчивость обстоятельства, деятельность ее сравнительно постоянна. В то же время установка стабильна, что выражается довольно ярко. Стабильность установки указывает на то, что личность тесно связана со своим прошлым опытом. Однажды выработанная готовность к поступку остается в ней латентно и в соответствующей ситуации легко актуализируется. Несмотря на то, что эта готовность и здесь груба и стойка, личность не остается в постоянной зависимости от этой готовности, от своего прошлого опыта. Энергичной, деятельной и практической натуры такой личности всегда удается реализовать установку. Экспериментальное течение стабильности установки свидетельствует о том, что личность в конце концов постепенно освобождается от фиксированной установки.

И здесь фиксированная установка иррадиирована, что указывает на экстенсивный характер эмоциональных переживаний. Ввиду прочности иррадиированной установки переживания наряду с экстенсивностью приобретают и глубину; но переживания не столь глубоко проникают в личность, чтобы нарушить ее способность приспособления к внешней среде. Иррадиированная установка динамична и сравнительно слаба, вследствие чего личность не погружается в мир своих переживаний. Интенсивные и глубокие переживания сопутствуют активности личности. Таким образом, анализ взаимоотношения характера и установки описанного типа указывает на то, что у такой личности между грубо-динамической, константно-стабильной установкой и отмеченными структурными чертами характера имеется существенная и понятная связь.

Одновременно с изменением типичной грубо-динамической установки мы находим определенные отклонения и в

структуре характера (I и II подтипы). Например, при уменьшении трудности выработки фиксированной установки, ослабление ее прочности, стабильности и иррадиации, обнаруживается целый ряд своеобразий и в характере личности: в эмоциях личности ослабляются дисколические элементы и возбудимость эмоций, уменьшается во времени продолжительность эмоциональной сферы. Одновременно ослабляются и внешние конфликты.

Лица, обладающие высоким порогом возбудимости фиксированной установки, весьма слабой и лабильной установкой (II подтип) характеризуются следующими особенностями: сензитивностью, болезненным чувством неуверенности в некоторых ситуациях, склонностью к неврозам, возможным наличием фиксированных идей, появлением в некоторых случаях внутренней слабости, сомнений, неуверенности. Вообще в личности зарождаются элементы психастении, но они настолько компенсированы тенденцией сильной активности личности, структурой целостной личности, что не проникают внутрь ее, с характерной для невротиков интенсивностью. Во внешнем же поведении они незаметны.

Таким образом, между структурой гармоничного характера и течением экспериментально фиксированной установки существует вполне определенная закономерная связь. В основной картине течения фиксированной установки в обоих планах ясно выражены наиболее характерные свойства структуры личности. Как мы видели, для обоих вариантов цельно-гармоничных людей характерна динамичность установки (динамичность является их общим признаком). Динамичное течение установки стабильно, константно, прочно и слабо-иррадиировано. Динамичная установка содействует приспособлению человека к сложной, изменчивой среде. Такая фиксированная установка недолго и несильно сопротивляется воздействию на нее среде, недолго господствует в личности; соответственно ситуации, среде, фактор фиксации отступает на задний план, и для установки становится возможным нормально, без тяжелых конфликтов направить приспособление деятельности личности к сложным условиям среды. Динамичная установка облегчает процесс объективации среды и собственных импульсов. Везде, где это необходимо, она без сильного напряжения сдерживает свою импульсивную деятельность на уровне воли и, таким образом, находит относительно целесообразные пути для своего поведения. Поэтому в такой личности проявление в характере обоих уровней психики носит печать цельности.

Гармоничная личность пластично-динамической установки, личность, характерные черты которой (легкость активного приспособления к среде при полном сохранении собственной индивидуальности, внутреннее равновесие во всевозможных сложных и трудных условиях, оптимистические эмоции, чистосердечность, экстравертированность, гармония между интимными влечениями и волевыми целями), отображена с большой художественной правдой во многих произведениях искусства, имеющих мировое значение. Среди них наиболее типичны: Автандил — герой «Витязя в тигровой шкуре» Руставели, Порция — героиня пьесы Шекспира «Венецианский купец», Уленшпигель Шарля де Костера, Кола Брюньон Романа Роллана, комиссар Воробьев — герой «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого. В изобразительном искусстве гармоничный человек с непревзойденным мастерством отображен на полотнах Корреджо, Рафаэля, Леонардо да Винча (из них наиболее типичны картины Корреджо, потрясающие своим внутренним светом, оптимизмом, уравновешенностью), в статуях представителей античного гения — Фидия и Праксителя.

Гармоничный человек был идеалом высокого искусства всех эпох. Красота человеческой души всегда отождествлялась с идеалом человека внутренне уравновешенного, чистосердечного, цельного в критические моменты жизни. Причиной трагедии человека обычно считались врожденные или же возникшие на почве внешних условий внутренние конфликты, невозможность урегулировать эти конфликты силой своей воли. В великих художественных произведениях жизненный путь гармоничного цельного человека, трагический финал его жизни окружены ореолом света, ясности, красоты и величия. В самих художественных образах внутренне раздвоенных, конфликтных людей подразумевается неуклонное стремление к восстановлению нарушенной под влиянием ряда факторов гармонии и закреплению в себе цельной, гармоничной человечности. Да и трагический финал жизни конфликтных людей рассматривается как результат невозможности добиться восстановления внутреннего равновесия и уравновешивания личности с внешней средой. Великий художник под влиянием устремлений, идеалов своей эпохи создает идеальные или реальные гармоничные типы, в которые вплетено эстетико-мировоззренческое кредо художника. Содержание стремлений этих героев, стиль их жизни отмечены печатью эпохи, социального класса, сословной особенности. Например, жизненный путь Порции (Шекспира) и комиссара Воробьева (Полевого), их цели и стремления резко раз-

личны. Гармоничный душевный мир Порции сформирован в только что вставшей на ноги буржуазно-собственнической среде; она дитя этой среды. Воробьев — гармоничный человек, воин, борющийся с оружием в руках во имя идеи коммунизма. Но в один тип человеческого характера их объединяет общее свойство: пластичность и динамичность установки, а это, в свою очередь, определяет гармоничность их душевного мира и поведения, естественный ритм его протекания, сохранение душевного спокойствия и равновесия при всех условиях, чистосердечность, неуклонная борьба во имя высших жизненных ценностей.

Несравненные шедевры типов гармоничного человека дало нам классическое искусство. Как отмечал Гегель, греческие боги не голые абстракции, а конкретные, самостоятельные индивидуальности. Поэтому каждый бог обладает своим особым характером. Индивидуальность без характера есть фикция. В представлении грека душа и тело бога нераздельное целое, порождающее удивительное спокойствие души и внутреннюю уверенность. Это строгое (а не неподвижное, холодное, безжизненное), осмысленное, уравновешенное спокойствие есть самая высшая и адекватная форма изображения классических богов. Такую цельность и гармонию лучше всех в греческом искусстве отображала греческая скульптура³⁹. И в самом деле, отличительной чертой шедевров греческого искусства является «благородная простота и спокойное величие» как в позе, так и в выражении лица. Вечно спокойна глубина моря, как бы ни волновалась его поверхность. Так и греческие фигуры, несмотря на гнездящиеся в них страсти, выражают величие и общее равновесие душевного состояния. Благородная простота и спокойное величие греческих статуй являются характерными чертами также и произведений греческой литературы в высшем периоде ее развития. Эти же черты придают произведениям Рафаэля безграничное величие, которого он достиг, подражая классическому искусству⁴⁰. В живописи итальянского Ренессанса особенно выделяется Корреджо, все произведения которого полны любви к жизни, душевного благородства и безграничного внутреннего умиротворения, например, его «Святая ночь» (Дрезден).

В художественной литературе замечателен образ Автандила (Руставели) — человека, воплотившего в себе гуманные стремления грузинского Ренессанса, воспламенного возвышенной любовью и пафосом дружбы. Со спокойной естественностью и упорством борется он за достижение своей

³⁹ Гегель, Эстетика, т. XIII, стр. 50—59.

⁴⁰ Винкельман, Избранные произведения, 1935, стр. 107—

цели. Его цели превращены в убеждения, в естественные стремления: глубокие и конфликтные эмоции, обнаружившиеся в нем при разлуке с любимой или другом, не нарушают цельность его личности. Из всех сложных критических положений жизни он находит выход, приспособляясь к любому, совершенно неподходящим для него ситуациям (прибытие в роли купца, ухаживание за Фатман и др.). В то же время он сохраняет свою индивидуальность и остается верным своей основной идее. «Центр» его личности — установка — постоянно стимулирует его быть во всех условиях адекватным среде, ненапряженным, верным, гибким, активно приспособляющимся, естественным и, в то же время, вооруженным высокой способностью объективации своего собственного поведения, критического анализа. Согласование его внутренних стремлений и продиктованных жизненной необходимостью волевых целей происходит безболезненно, без тяжелых конфликтов. Анализ многогранного и сложного поведения Автандила со всей очевидностью показывает, что природа «центра» его личности — его установки — пластична и динамична, что обуславливает своеобразие возникновения и протекания поведения и переживаний человека такого типа.

Совершенным образцом идеального гармоничного человека является Порция — героиня драмы Шекспира «Венецианский купец». По характеристике Брандеса, Порция дышит здоровьем, на лице ее всегда выражение радости, светлое счастье — ее стихия. Она родилась в счастье, выросла в довольстве, окружена всеми условиями и атрибутами счастья и сама она щедро наделяет им окружающих. Она полна благородства. Не лебедь она, родившийся среди утят. Нет, она в полной гармонии с внешним миром и самой собой... Всегда находит опору в своей здоровой натуре, полной естественной любви к жизни, никогда не изменявшей ей. В острые моменты жизни, характеризующиеся определенностью, она может оставаться веселой, а при волнующей радости — быть сдержанной, в ожидании несчастья — энергично действенной. Она хранит в себе неиссякаемый источник человеколюбия. Отсюда ее уравновешенность и царственное спокойствие. Порция полна врожденной гармонии, хотя последняя и не лишена некоторых противоречий; поэтому нужна определенная фантазия, чтобы ясно ее себе представить. «В этой сложной гармоничной личности есть нечто, напоминающее женские головки Леонардо: достоинство и нежность, чувство превосходства и подчинение, мудрость и наивная женственность, серьезность и шаловливая насмешливость

тайнств
Шекспи
века. Э
другой
два бога
щины.
менно
ую, под
жалком
Пла
тествен
ранением
мость, б
переплет
ния Шар
шпигель
Но в это
монный,
век, кото
лем, оста
И Ко
иллюстра
к тяжелы
гармонич
символом
гической
фигура че
высокими
своим
множеств
мой, пожа
но он сто
условиях
жизни, во
что дом е
ния, обра
ровшемуся
«Магдален
ми, согрет
Робине, с
сказал не
бот: души
все до тла
41 Бр
286-289.
42 В. П
43 Ро
6. Вл. Нор

таинственно смешиваются и соединяются в ней»⁴¹. И сам Шекспир восторгается природой такого гармоничного человека. Это восхищение в словах, приписываемых Шекспиром другой героине драмы — Джесики: «Если бы каких-нибудь два бога побились об заклад и закладом оказались две женщины, из которых одна бы была Порцией, к другой непременно надо было бы что-нибудь прибавить, потому что другую, подобную Порции, едва ли отыщешь в этом грубом и жалком мире»⁴².

Пластичность поведения гармоничного человека, его естественность, гибкость в сложных и острых коллизиях с сохранением собственного достоинства, активная приспособляемость, безграничная любовь к жизни, оптимизм — все это переплетается в характере Уленшпигеля, — героя произведения Шарля де Костера «Легенда об Уленшпигеле». Уленшпигель — идеальный герой, борющийся за счастье народа. Но в этом идеальном типе со всей полнотой воплощен неутомимый, полный жизни, душевно богатый, конкретный человек, который из всех тяжелых перипетий выходит победителем, остается душевно здоровым, жизнерадостным.

И Кола Брюньон Гомена Роллана являет собой яркую иллюстрацию того, какой большой стойкостью по отношению к тяжелым травмирующим факторам обладает характер гармоничного человека. Кола Брюньон, являющийся скорее символом гармоничного человека, своего рода характерологической гиперболой, — это живая индивидуализированная фигура человека гармонического характера, отличающегося высокими стремлениями, благородством целей, идеальными свойствами. Он проходит через горнило гражданской войны, множество бед обрушивается на его голову: он переболел чумой, пожар испепелил его жилище и плоды его творчества, но он стойко переносит все эти ужасы, оставаясь во всех условиях уравновешенным, полным оптимизма, любви к жизни, веселья и юмора. В минуты личного несчастья, узнав, что дом его сожгли и в огне пожара погибли его произведения, обращается к своему другу Робине, самоотверженно борющемуся с пожаром и спасшему его любимую статую «Магдален», как представителю всех своих друзей со словами, согретыми любовью и признательностью: «И взглянув на Робине, сжимавшего статую в своих израненных руках, я сказал небесам, указывая на него: «Вот лучшая из моих работ: души, изваянные мною. Их у меня не отнимут. Сожгите все до тла! Душа цела!»⁴³.

⁴¹ Брандес, Литературные характеристики, т. XVI, 1909, стр. 286 — 289.

⁴² В. Шекспир, Полное собр. соч., т. I, 1902, стр. 662.

⁴³ Ромен Роллан, Кола Брюньон, 1956, стр. 139.

Завершенные типы гармонических людей обрисованы Л. Н. Толстым в романе «Война и мир». Толстой использовал психологический тип гармоничного человека для выражения своей идеи («толстовства»). В этом отношении интересен Платон Каратаев, который, несмотря на присущие русскому патриархальному крестьянству идейную отсталость и дух покорности, характерологически является типом гармоничного человека. В советской художественной литературе блестящим примером типа гармоничного человека пластично-динамичной установки является герой «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого комиссар Воробьев. Контуженный, будучи в тяжелом физическом состоянии, этот человек, даже терпя невыносимые боли, не теряет веры в красоту жизни, не утрачивает своей жизнерадостности, он полон высоких идей, оптимизма. Даже в последние минуты жизни он внушает окружающим стремление к борьбе во имя высоких идей, во имя высших ценностей жизни. Он исключительно сердечен и чуток, для каждого человека у него находится теплое слово, он умеет к каждому сердцу подобрать ключи.

«Природа» идеального гармоничного человека состоит во внутренней и внешней гармонии без особого напряжения воли. Его темперамент, импульсы и волевые цели в любых тяжелых условиях являют собой гармоническое целое. В случае же цельного гармоничного человека (люди грубо-динамичной установки) внутренней силой является твердая воля. Цели сильной воли могут вступить в конфликт с естественными потребностями и влечениями, но всякое внутреннее противоречие может быть урегулировано волей, и личность остается всегда цельной, устремленной к великим целям. Такие цельные, обладающие твердой волей люди, отображены в искусстве различных эпох и направлений.

Гениальные художественные образы человека, преодолевающего волей невыносимые физические и душевные страдания, созданы еще в античную эпоху — Праксителем (статуя Ниобеи) и особенно группой скульпторов — Полидором, Агесандром и Афинодором («Лаокоон»). «Лаокоон» полон потрясающего пафоса. Сюжетом скульптурной группы является наказание разгневанным Аполлоном жреца Лаокоона, осквернившего священное место. Натравленные Аполлоном змеи душат Лаокоона и его незаконных сыновей. Несмотря на страшные мучения и страдание, о которых свидетельствует каждая мышца тела Лаокоона, он сохраняет свою благородную красоту. Мучительная боль и напряжение не смогут заставить его тело уродливо изгибаться, лицо не выражает душевного упадка. По словам Винкельмана, невыносимые

боли не о
реченности
ника, изда
она не го
тревога и
равной ме
уравнове
на страда
глубину н
лы этого
подобные

Галер
представи
античной,
Микеланд

Грече
создала т
метей и А
пользовав
Прометей
ностью, бо
против не
хитил у в
обучил и
ного Зевс
страшные
оставаясь
покоряется
ле, ему у
мучения⁴⁵
«Я не пр
лучше я
ным раба
ловечеств
цов прот
метей об
тей» мол
тей», про
Байрона
ликой це
торым уд
ную бор
лых пере

боли не отражены на его лице, в его позе, в выражении обреченности и ярости. Он не прибегает к изображению мученика, издающего раздирающие крики, положение губ Лаокоона не говорит об этом. Здесь скорее отражены внутренняя тревога и сдерживаемый стон. Муки тела и величие души в равной мере распределены на всем строении фигуры, как бы уравновешены. Лаокоон страдает, но его страдание похоже на страдание Софоклова Филоктета: его муки проникают в глубину нашей души, но при этом мы мечтали бы иметь силы этого великого человека, быть в состоянии выдержать подобные мучения⁴⁴.

Галерея людей с сильным, твердым характером создана представителями изобразительного искусства всех эпох — античной, ренессанса, новой и современной — искусством Микеланджело, Делакруа, Родена, Мухиной и других.

Греческая и грузинская мифология древнейших времен создала тип цельного человека с твердой волей в лице Прометея и Амирани. В своей трагедии «Прометей» Эсхил, используя одноименный миф, создал общечеловеческий образ Прометея-человека с нестигаемой волей и принципиальностью, борющегося во имя высокой идеи. Прометей восстал против несправедливости Зевса по отношению к людям, похитил у верховного божества огонь и передал его людям; он обучил их всевозможным ремеслам. По велению разгневанного Зевса Прометея приковывают к скале. Испытывая страшные мучения, он все же не отказывается от своих идей; оставаясь до конца нестигаемым, принципиальным, он не покоряется могучему Зевсу. Благодаря сверхчеловеческой воле, ему удастся овладеть собой, выдержать страшную боль и мучения⁴⁵. Обращенные им к Гермесу, слуге богов, слова: «Я не променяю эти свои страдания на твое рабство; уж лучше я буду пленником этой черной скалы, нежели покорным рабом, курьером Зевса» — на протяжении истории человечества были девизом людей с твердым характером, борцов против несправедливости. К легендарному образу Прометея обращались многие художники. «Восставший Прометей» молодого Гёте, драма Шелли «Освобожденный Прометей», проникнутое революционным оптимизмом произведение Байрона «Прометей» рисуют идеальный образ человека великой цели и нестигаемой воли. Люди с твердой волей, которым удастся, преодолев естественные импульсы, вести упорную борьбу во имя великой цели на фоне внутренних тяжелых переживаний, можно сказать, с древнейших времен и до

⁴⁴ Винкельман, Избранные произведения, 1935, стр. 108.

⁴⁵ С. Каухчишвили, История античной литературы, 1953, стр. 177 (на груз. яз.).

наших дней составляют основную тему большинства произведений классического искусства. Множество выразительных портретов таких людей дал нам Шекспир. Среди них особенно выделяется Брут, организовавший убийство своего друга Юлия Цезаря. До принятия соответствующего решения Брут переживает тяжелое внутреннее колебание, но, убедившись, что Цезарь является его политическим противником, угрожающим низвергнуть демократический строй, он принимает твердое решение и начинает действовать так, как ему диктует долг. В буржуазном искусстве особенно резко очерченные типы характера цельных людей, проникнутых идеалистическим мировоззрением, даны в творениях Ибсена (Бранд, Штокман).

Люди с сильным характером, с глубокими переживаниями, отображены представителями социалистического реализма. Героиня повести М. Горького «Мать» — Ниловна, Тариэл Голуа, герой одноименного романа Лео Киачели, Павел Корчагин — герой романа Н. Островского «Как закалялась сталь», Павел Кречет—Корнейчука, Мересьев — герой «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого и многие другие являются художественными портретами реальных людей. Главной темой советского изобразительного искусства является отражение именно таких сильных, волевых людей. В этом отношении особенно интересно творчество Мухомовой.

В грузинской литературе, в историческом романе Константи́на Гамсахурдиа «Давид строитель», автор воплотил в монументальном образе царя Давида, человека с глубокими переживаниями, великодушного, с сильным негибаемым характером. Во имя интересов родины царь Давид приносит в жертву свою любовь, глубокие интимные влечения. Железной волей подавляет он внутреннее смятение и всю свою титаническую энергию посвящает служению родине. Как цельные личности весьма привлекательны герои большого исторического романа Левана Готуа «Удел героев» — Зосимэ и царь Александр, чьи характеры раскрываются на фоне бурной и сложной обстановки тогдашней Грузии. Но зенитом обрисовки художественного образа человека с сильным характером в грузинской литературе является «Отарова вдова» Ильи Чавчавадзе. Сама Отарова вдова — это символ негибаемой воли, коренящейся в человеческой природе, неиссякаемой жизненной энергии. Внутренний мир Отаровой вдовы согрет великой любовью к людям, ее душа — бурный океан высоких человеческих чувств. Однако эта мятежная внутренняя жизнь настолько подавлена в ней ее же твердой волей, что во взаимоотношениях с окружающими людьми она предстает человеком холодным, грубым, неприступным, наделенным высоким чувством собственного достоинства.

Черты сильной личности с особой силой выявляются в финале повести, когда Отарова вдова глядит на умирающего сына.

«Как подстреленный пулей воин, оставшийся в строю, не поддалась она силе смертельной боли. Окаменевшее лицо матери ничем не отразило острую, нестерпимую боль сердца. Горе, всепожирающим огнем охватившее сердце матери, сумело растопить лишь слезы, оледеневшие под огромным усилием воли, не вызвав, однако, ни малейшего изменения в чертах ее застывшего лица»⁴⁶. Илья Чавчавадзе обрисовал в этом эпизоде сущность характера сильного цельного человека. Он нарисовал монументальную картину сдержанного глубочайшего горя, горя матери, потерявшей единственного сына, но сумевшей выявить сверхчеловеческое самообладание, внутреннее равновесие в крайне трагический момент жизни. Сохраняя большую психологическую правдивость, он создал портрет человека, обладающего мощными внутренними импульсами, стойкой, грубой установкой на деятельность и в то же время величайшей способностью объективации этих импульсов, их задержкой. В этом человеке неизменно живы сильные, здоровые эмоции, однако его отношение к внешнему миру определяется не эмоциями, а вторым уровнем психики — волевыми целями, сознанием долга.

II. ХАРАКТЕР КОНФЛИКТНОЙ ЛИЧНОСТИ С ГРУБО-СТАТИЧНОЙ УСТАНОВКОЙ

Основным и существенным свойством конфликтной личности является контраст между внешним поведением и переживаниями, протекающими внутри личности. Человек такого типа, судя по поведению, вполне активно приспособлен к внешней среде, его поступки, деятельность в основном адекватны социальной среде, часто, даже более адекватны, нежели это характерно для лиц гармонического типа. Однако мир их переживаний является остро конфликтным. С точки зрения активного приспособления к внешней среде он гармоничен. В этом отношении его можно было бы поместить в группу гармоничных людей. Для них характерна высокая сознательность, сильная тенденция борьбы за социальные идеи. Во всех отраслях деятельности они проявляют энтузиазм, глубокое сознание долга. Эти люди совершенно полноценны, проникнуты высокими общественными идеями. С точки зрения отношений к внешней среде, по социальному своему поведению они не отличаются от

⁴⁶ И. Чавчавадзе, соч., т. 1, 1937, стр. 461 (на груз. яз.).

вышеописанного гармоничного целостного человека, но острота переживаний у них часто достигает грани патологического состояния. Чтобы ярче очертить психологический портрет, структуру характера человека такого типа, мы особо заостряем внимание на своеобразиях остро протекающих его переживаний, подчеркиваем их типичные черты, иногда даже преувеличиваем эти свойства с целью отчетливее показать полный контраст между социальным волевым поведением и миром переживаний.

Такая личность погружена в собственные переживания, среди которых преобладают неприятный самоанализ собственного сознания, ее настроение — расположение духа отягощено названными неприятными переживаниями. Экстенсивность ее приятных переживаний весьма ограничена и мало стабильна, характеризуется непродолжительностью, локальностью и поверхностностью. Приятные эмоциональные переживания редко овладевают такой личностью вполне, она большей частью объята меланхолическим настроением. Характерно проникновение в глубь личности, распространение на всю личность некоторых эмоциональных переживаний. Подобное проникновение характеризует не только экстенсивность эмоций, не только создает тонус настроения, но становится источником конфликтных, выявленных аффектов, которые даже после угасания оставляют «комплексы». Последние становятся источником множества странных переживаний, раздраженных настроений, внутренней тревоги и аффекта. Некоторые эмоциональные переживания настолько сильно проникают в субъект, настолько полностью овладевают его личностью, что требуется большое усилие, чтобы они не вылились в виде аффективной реакции. В процессе преодоления склонностей и эмоций личность проявляет напряжение. Лицо человека при этом выражает излишнюю серьезность и состояние сдерживаемого уныния, его движения мало координированы, внимание рассеяно и фиксировано во внутрь. Столь острые эмоции обуславливают общее состояние его эмоциональной жизни.

Нарушение прочного неприятного настроения, смена его приятным происходит с трудом. Такие лица не могут припомнить моментов в своей жизни, когда бы они чувствовали полный покой, довольство, полную радость.

Столь сильная внутренняя возбудимость подобных личностей не является следствием гордости, честолюбия. Наоборот, как нам показало изучение эмоций, они совершенно не имеют склонности выявлять эмоции положительной самооценки; хотя весь их внешний облик оставляет впечатление гордости. Однако это «гордость» кажущаяся, она является результатом трудности контакта, а не преувеличенной самооценки. В субъекте, наоборот, преобладают отрицательные

стороны самооценки: стыдливость, скромность, почтительность, раскаяние, чувство виновности и др. Эти эмоциональные переживания однако редко выходят за пределы субъективного мира личности, редко выявляются в действиях.

Неприятное состояние сопровождается и чувство оценки других. Своеобразное чувство симпатии у таких лиц проявляется в понимании чувств других, в способности прочувствовать чужие переживания, переживать чужое субъективное состояние, соболезнуя ему. Клинические беседы с такими субъектами и примеры из их жизни помогают определенно установить, что у них переживание симпатии, вследствие глубины и многообразного содержания сферы эмоций, безусловно, очень сильно развито, но сфера действия этих возможностей весьма ограничена. Из широкого круга людей симпатии данного субъекта привлекают те из них, чьи действия касаются моральной сферы, входящей в круг его интересов. Вообще же он избегает конфликтов, вызываемых чувством симпатии. Если в людях с иным характером переживание симпатии вызывает удовольствие, здесь имеет место обратное: как сочувствие переживаниям других, так и раскрытие другим своих переживаний причиняет ему боль. Чувство симпатии всегда сопровождается в нем чувством недовольства, неполноты сочувствия, недостаточности его. Для рассматриваемых субъектов характерно излишнее проявление заботы о друзьях, близких, предъявление слишком больших требований к объекту симпатии. Их сочувствие и жалость безусловно глубоки, даже избыточны, но полны конфликтов и вызывают у них самих неприятные переживания. Им постоянно кажется, что они проявляют недостаточную жалость и сочувствие.

Чувства уважения, благодарности в них также сильны и глубоки. Однако и эти чувства сопровождаются у них переживанием недостаточности, упреками к самим себе в том, что они не смогли выразить сопереживание в должной мере, как того требовала ситуация. Исключительно специфично, что чувство симпатии в основном остается невыявленным, так как субъект всегда затрудняется в проявлении его, из-за не соответствия между переживаниями и действиями субъекта. Он жаждет выразить сочувствие, но слова его резки; на душе у него печаль, а выражение всего лишь серьезное; он оказывает большую услугу, а благодарность ставит его в неловкое и неприятное положение. Делает доброе, всем приятное дело, сам переживает его необходимость, действует при этом из чувства симпатии к определенному лицу, но одновременно этим переживаниям противопоставляются переживания меланхолического характера. Он говорит себе: «Им будет хорошо без меня; это мог бы сделать и кто-нибудь другой». Внутренний мир таких лиц исключительно хорошо выявляется в эмоциях любви.

Почти у всех наших испытуемых были в прошлом сильные любовные переживания. Любовь эта во всех случаях характеризовалась одним основным своеобразием: она была полна неприятных чувств, боли, конфликтов. Даже в случаях, когда были налицо все объективные условия для гармоничной любви, все же у наших испытуемых проявлялись внутренние конфликты. Любовь у них во всех случаях заканчивалась трагично. В настоящее время все они состоят в браке. Но при этом каждый считает, что спутник жизни не отвечает его требованиям. Не проявляя своей неудовлетворенности внешне, они всю жизнь недовольны своей судьбой. Тем не менее высокое сознание чувства долга заставляет их оставаться верными своей семье. Будто такими людьми и выдуманы муки любви. Конфликты зарождаются там, где для других людей они совершенно непонятны, но эти конфликты остаются внешне невыявленными, в виду сдержанности личности. Объект любви редко даже догадывается о причинах переживаний, которые выявляются лишь в искусственных, холодных фразах.

Основными особенностями таких конфликтов являются: недовольство невозможностью выразить любовь, сомнения и неуверенность в искренности объекта любви, стремление проникнуть во внутренний мир объекта любви.

В случаях, когда инициатива развода исходит не от него, интенсивность конфликтов достигает зенита. Измена объекта любви является для него величайшей трагедией. Четверо из наших испытуемых пережили ее. Ими полностью овладело чувство тяжелой утраты. Они утратили способность трудиться, мыслить и мечтать. Они целиком погрузились в свои мучительные переживания, толкавшие их на путь самоубийства. Восстановить трудоспособность, вернуться к нормальной жизни, как отмечают они сами, им удалось ценой больших усилий. Какая бы сторона ни была виновником конфликта, переживания любви бывают длительны и в продолжение еще многих лет довлеют над субъектом и оставляют в нем неизгладимый след. Наши испытуемые даже спустя 10 лет после своего романа, сохраняют чувство любви; даже случайные встречи с объектом первой любви могут пробудить годами дремавшее чувство.

Такие люди способны к сильной ненависти, зачастую не имеющей мотивации. Для них характерно невзлюбить человека, но переживание ненависти не проникает глубоко в субъект и редко становится основанием для враждебных действий. Выражение ненависти в определенном действии — (вражда, месть) — явление редкое.

Внутренний конфликт в основном не выявляется в поведении личности. Поведение субъекта, благодаря способности объективизации, может протекать вполне нормально, но внут-

ренние конфликты, переживаемые субъектом, превращают его внутреннюю жизнь в арену борьбы множества противоположных эмоций, мыслей, мечтаний. Причиной такой раздвоенности конфликтных субъектов является то, что все их социальное поведение представляет собой продукт непрерывного внутреннего самоконтроля. Все их внешнее поведение вырастает не на основе импульсивной деятельности, а на базе объективации и обусловленной этой последней волевой активности. Вся деятельность таких субъектов не первичная, вытекающая из их природной сущности активность, а объективированная, построенная на базе осознания волевая деятельность. Эти лица, совершая акты деятельности, внутренне всегда наблюдают за собой. Однако это не мешает им напрягать свои волевые силы с тем, чтобы успешно завершить начатое дело. В своих обычных актах деятельности они, отказываясь от требований, предъявляемых к ним их собственными внутренними импульсами, следуют указаниям своей воли. Это состояние внутренне не удовлетворяет их: интимные импульсы — глубокие и интенсивные эмоции, возникшие на основе критического опыта, и зафиксированные раз и навсегда, остаются нетронутыми, и это обстоятельство становится источником их вечной неудовлетворенности и внутренней раздвоенности. Только одна фантазия открывает этим неудовлетворенным импульсам свободное поле деятельности.

Их характеризует не только погружение в мир мечты, которая сопровождает каждое восприятие, представление, в особенности процессы мышления и труда, является спутницей каждого его действия. На напряженные, неприятные, конфликтные процессы его деятельности мечта действует успокаивающе, однако она в то же время тормозит его работу. Часты случаи внезапного перерыва работы, оцепенения, неожиданного отрыва мысли от объекта мышления и перенесения ее в иной мир.

Однако фантазия полного настоящего удовлетворения не доставляет, и поэтому неудовлетворенность жизнью, нигилистическое и пессимистическое настроения представляют собой господствующие формы жизнеощущения конфликтных субъектов.

Проникновение в глубины такой личности, изучение почти недоступного субъективного ее мира, полного противоречивых переживаний, представляет большие трудности. Это особенно осложняется несоответствием данных, полученных объективными наблюдениями над поведением личности со всем тем, что происходит внутри личности. Наблюдая поведение такой личности, процессы ее труда, отдыха, развлечения и сравнивая поведение с ее переживаниями, с душевным состоянием, мы констатируем большое несоответствие между переживаниями и действиями. В большинстве установленных

нами типов людей всякое переживание, в частности, эмоции, легко выявляются в отражающих их движениях; здесь же мы наблюдаем совершенно иное положение. Крупные конфликты, бесконечный самоанализ, вызывающие внутренние терзания, труднодоступны не только обыкновенному наблюдателю, но даже исследователю, если только сам испытуемый не расскажет о своих переживаниях.

В продолжение многих дней мы специально наблюдали поведение такого конфликтного субъекта (женщина-врач, весьма культурная личность, активная, передовая общественная деятельница), её взаимоотношение с сотрудниками, беседы, труд, в частности, служебную деятельность, интерес к фактам окружающей среды и пр. Для нас было почти невозможным уловить в этом субъекте внутреннее беспокойство, волнение, витание в мире мечты; да и не только это, даже грусть и оцепенение, накладывающие на поведение исключительный отпечаток, были мало заметны. Личность вела себя обыкновенно, она ничем не обращала на себя внимания, говорила с сотрудниками спокойно, в её беседе замечалась теплота, дружеский тон. Каждодневные неурядицы учреждения интересовали её так же, как и других. Её наравне с другими интересовали вопросы, касающиеся учреждения, либо другие случайные события. Иногда она говорила больше других, но редко о своих переживаниях. Шутила, рассказывала анекдоты. Исключительно много беседовала о современной политике, о мировых событиях, о положении на фронтах. Была в восторге от побед нашей армии. Она с увлечением ухаживала за ранеными воинами (она врач военного эвако-госпиталя). Заслужила большую любовь раненых и получила правительственные награды. В работе она была добросовестна, энергична, обязанности свои выполняла точно и четко. Временами можно было заметить некоторую грусть, иногда у неё проявлялось плохое настроение, что обычный наблюдатель мог принять за лень. Она как будто ничем не отличалась от других людей. Итак, её поведение было вполне социально, вполне нормально и временами более приспособлено к ситуации, нежели поведение лиц, чьи переживания и действия были вполне адекватны этой ситуации. Мы даже усомнились в правильности наших исследований этой личности, в искренности её исповеди.

Изучение течения жизни и переживаний этой личности давало нам полное право считать её личностью глубоких внутренних конфликтов. С детства её характеризовало погружение в собственные переживания, что особенно часто наблюдалось в минуты одиночества, когда она вспоминала пережитые неприятности. Она часто вспоминала о том, как отец убил её любимую собаку. Ей было страшно неприятно, она долго плакала. Это детское горе и по сей день не забыто.

«Боль, пережитая мной тогда, не покидает меня всю жизнь», — говорит испытуемая... — Пять лет тому назад в Харьковской больнице я видела слепого ребенка, который скончался во время операции. Полученное тогда тяжелое впечатление отравляет мне жизнь и сейчас». В ней фиксировано множество подобных переживаний, поэтому настроение у нее постоянно тяжелое. Источником его часто бывает даже небольшая неприятность. Если, например кто-либо недостаточно вежливо и приветливо с ней поздоровался, это причиняет ей глубокую боль. Неприятные переживания ею не выявляются. «В момент, когда мне грустно, если кто-либо заденет мое самолюбие, сколько бы потом он не извинялся, ему ничем не искупить своей вины. Обида надолго останется во мне... Тяжелое настроение, внутренняя тревога сопровождают меня и во сне, кошмарные сны вечно преследуют меня». Каждое выступление в обществе вызывает в ней страшное волнение, тревогу. «Сердце бьется тяжело, при этом просто чувствую физическую боль». Ей незнакомо чувство душевного равновесия. Тяжелое настроение иногда настолько овладевает ею, что она теряет трудоспособность; необходим внешний толчок, чтобы вернуть ее к работе, которая потом уже целиком поглощает ее. В процессе труда она проявляет большую энергию. Всякое переключение причиняет ей боль. Процесс труда сопровождается неприятными переживаниями. Она стремится скорее закончить дело, но и конец дела не приносит ей большой радости. Акт решения протекает весьма тяжело. Она редко выносит полное решение.

«Во время принятия решения во мне зарождается множество мучительных желаний. Побеждает всегда чувство долга. Не будь этого чувства, я осталась бы в бездействии. Ничего меня не радует, но знаю, что обязана работать, служить родине, семье, обществу. Насилю себя и выношу решение работать».

Внутреннюю тревогу усиливает излишняя забота о ребенке, о членах семьи, близких. Если кто из членов семьи опоздает прийти домой, ею овладевает внутренняя тревога, мучат страшные мысли: «не попал ли под трамвай», «не убили ли».

Ее характеризуют глубоко моральные альтруистические чувства. Она озлоблена против аморальных людей. Она и теперь считает своим кровным врагом одну личность, которая на почве ревности облила любимого человека кислотой и изуродовала его. Презирает одного мужчину за то, что оставил жену и причинил этим семье большое горе. Она бескорыстно помогала нуждающимся. Весьма развито в ней чувство благодарности. Прежде ее ребенку оказывала услуги одна женщина, которая теперь болеет. В течение десяти лет она часто навещает ее и помогает ей.

Раз в жизни она сильно полюбила. Любовь породила в ней множество неприятных переживаний, сомнений. Дело дошло до замужества, однако брак не состоялся. По дороге в ЗАГС жених пошутил, будто раньше любил другую женщину. Она тут же бросила его и в ту же ночь уехала в другой город, к родственникам. Впоследствии она сожалела о совершенном и страдает из-за этого всю жизнь. Возможно и до сих пор она любит этого человека. Вышла замуж без любви. Внутренний импульс всегда влечет ее оставить семью, изменить мужу, но долг подсказывает верность семье, которой она остается верной. Она идеальная, заботливая мать.

Ее внутренний мир испытывает раздвоение, расщепление. «Я часто чувствую, что во мне сидит кто-то другой, противоречащий моим стремлениям, в корне убивающий все мои любимые желания. Что бы я ни делала, — все мне кажется, что это не то, что надо, не то, что должна была делать в действительности... — Мое дело и мои желания всегда противостоят друг другу».

Поведение человека таких переживаний вполне адекватно ситуации. Эта личность внешне совершенно морально втянута в повседневную жизнь, с ее горем и радостями.

Однажды, когда она с восторгом рассказывала что-то интересное, ее попросили прийти на опыт. Результаты опыта: грубо-иррадиированная (бесконечная) установка. Ей был задан вопрос: когда она рассказывала интересные вещи, когда на ее лице играла улыбка, ведь эта улыбка была искренней, выражающей удовольствие. Ей были поставлены и другие вопросы о соответствии некоторых случаев ее поведения с переживаниями. Выяснилось, что и в тех случаях, когда субъект внешне поступает соответственно приятным переживаниям, у нее на душе какая-то тяжесть, на сердце давит камень, ее что-то терзает. «Я, вероятно, человек меланхолического темперамента и вместе с тем весьма импульсивного, — говорит она. Кроме того, должна сказать, что во мне много эгоистического. Моя общественная работа — это, моя мораль, мое сознание, а не моя внутренняя сущность. Мои сознательные обязанности, вероятно, не согласованы с моим интимным существом. В этом, видимо, и заключается причина моего беспокойства. Я все же сильно изменилась, раньше я была хуже. Давно борюсь со своим меланхолическим, нигилистическим настроением. Очевидно, я сумела переделать себя, я уже не подчиняюсь своей внутренней сензитивности, действуя на основе сознания, у меня вполне определенные жизненные цели: служить народу, воспитывать моих детей. Горестные переживания вполне подчинены мною, хотя внутренне они все еще не оставляют меня». Затем с неудовольствием и вместе с тем шутя добавила: «Мне дорого

стоило открыть вам свои душевные тайны. Я не спала несколько ночей, из-за того, что раскрыла вам интимные стороны моей духовной жизни. Дайте мне покой, больше мне не под силу».

Фиксированная установка этого субъекта характеризуется высокой возбудимостью, статичностью, грубостью, иррадированностью, стабильностью, константностью. В опытах объективации и переключения испытываемая проявляет сильное напряжение. Путем представления вырабатывается стойкая, грубая, статичная установка.

Аналогичные наблюдения мы производили и над другими испытуемыми этого же типа. Результаты получены везде одни и те же. У всех имеются какие-то фиксированные глубокие эмоции, «комплексы» переживаний, и все вокруг измеряется под углом, с позиций этих эмоций. Редко субъект переживает удовольствия: в этих случаях в нем говорит какой-то внутренний голос, сводящий на нет это переживание и утверждающий, что все это суэта и ничего этого не нужно. Этот внутренний голос — продукт до крайности развитой объективации — делает невозможным всякое непосредственное переживание, и поэтому преобладающею формою чувств этих лиц становится неудовольствие. Оно непрерывно нарушает гармонию их внутреннего мира. Если бы они отдавались своим интимным импульсам непосредственно и жизнь их протекала бы, не отражаясь специально в их сознании, не было бы тяжелых внутренних конфликтов. Но этого не наблюдается. Сознание постоянно стоит на страже своих собственных переживаний, объективирует их и, передавая субъекту, дает ему возможность воспринять их сквозь призму своих зафиксированных эмоций и, таким образом, всегда отвергает их. Так вырастает вечно отрицательное отношение этих субъектов ко всем событиям жизни, их нигилизм и пессимизм.

Мы не утверждаем, что внешнее поведение такого человека не отличается от поведения других людей, что его поведение не характеризуется своеобразием. Не только между характерологически различными людьми, но и между поведением людей с однородным характером наблюдаются различия. Это не требует доказательств. Мы только подчеркиваем, что между миром переживаний, самой интимной стороной его личности, и действием такого субъекта лежит пропасть. Переживания его асоциальны, действие — поведение вполне социально. Мы не утверждаем, что его субъективный мир не выявляется в поведении. Это, конечно, невозможно. Наблюдая его стиль жизни, прослеживая всю историю его жизни, мы видим особенности, которые, быть может, являются характерными для такой личности. Что в повседневной жизни проявляется бледно, не столь заметно, отчетливо выступает в стиле его жизни и, в частности, в критические моменты жизни.

ни. Дружба, любовь, ненависть, симпатии, труд, аффекты, особенности тенденции социальности и многие другие свойства, своеобразно данные в личности такого субъекта, формируют особый облик этого человека. В его биографии мы находим странные поступки, непонятные выступления, аффекты без мотивации, самозабвенную борьбу за высокие цели, обусловленные витальными потребностями действия и многое другое. Здесь мы хотим подчеркнуть несоответствие внутреннего и внешнего конфликта, как бы являющегося менее или вовсе нехарактерным для людей других типов. Если представить на один момент, что таковой субъект дал бы объективное выражение всем собственным переживаниям в соответствующих моторных актах, мы получили бы какую-то кошмарную картину. Если внутренний мир этого человека нашел бы отражение в проявляемом им поведении, мы столкнулись бы с асоциальным человеком; однако рассматриваемый субъект по поведению своему вполне социален. Его поведение целиком приспособлено к внешней среде, вполне целесообразно. Где же искать причину этого. Конечно, в способности объективации и в воле личности, в особенности в своеобразии течения волевого акта, являющемся основой характера личности.

Когда личности не удастся сдерживать с помощью воли естественные тенденции, проявляется импульсивное действие, часто совершенно несоответствующее ситуации; начинаются странные действия, придающие течению жизни личности своеобразный оттенок. У субъекта возникает необходимость осмыслить поведение, продумать все до мельчайших подробностей, придать исключительную действенность подготовительному периоду, выбору, мотивации. Ему часто приходится принимать решение. Процесс решения болезненный, длительный и шаткий. Переживание в момент принятия решения лабильно, полно сомнений, беспокойства. Акт решения всегда сопровождается интенсивными неприятными переживаниями. Но после того как решение принято, субъект действует энергично, только эти энергичные действия излишне возбуждены, болезненны. Процесс деятельности неприятен. Постоянно мучат сомнения в правильности собственных действий. Процесс деятельности полон амбивалентных эмоций. Субъект поглощен делом. В это время он никого не видит, мир для него не существует. Ради дела он забывает о себе. Мешать ему в процессе работы — значило бы причинять неприятность. Исключительную трудность представляет переключение, приспособление к новой ситуации. Переключение установки болезненно и часто становится для него невозможным.

Таковая личность имеет сильную склонность к импульсивному поведению. И это импульсивное поведение протека-

ет под знаком конфликта. Ее действия энергичны и тверды; добиваясь удовлетворения своих желаний, внутреннего призвания, она выявляет большую силу. Лишь сдерживание собственных природных наклонностей вызывает в ней сильные конфликты. Для нее характерны трудность принятия решения, слабое переживание возможности его реализации, чувство безнадежности, слабая очерченность плана действия, но в то же время энергичное действие, выявление большой энергии, упрямство, трудность приспособления к новой ситуации и вынесения нового решения. Внутренняя раздвоенность подавляет силу их воли. Когда они решают, как поступить в том или ином случае, то никогда не бывает, чтобы это решение было твердым и окончательным. Им постоянно приходится подтверждать его и таким образом наращивать свою энергию. При этом они отворачиваются от настоящих природы импульсов и, отдаваясь требованиям воли, одновременно скептически наблюдают за ее деятельностью. Так протекает доступная наблюдению их социальная жизнь.

Как бы ни были остры происходящие в личности конфликты, регулятором проявляемого действия личности всегда является воля. В основном только воля делает возможным ее нормальное поведение. Среди тенденций, стимулирующих противоречивые действия, в раздвоенной личности почти всегда побеждает тенденция социальности, хотя это переживается личностью очень болезненно и тяжело.

Статическое течение установки может быть характерным и для тех лиц, основными чертами которых являются индивидуализм, эгоизм; им свойственно предпочитать частное общему и выявлять волевой акт на почве индивидуалистических мотивов. Особенности свойств второго плана психического, этой важнейшей стороны в деле формирования структуры характера, дает своеобразное направление выявлению статичности установки личности. В условиях эксперимента у таких испытуемых устанавливается грубо-статическая иррадиированная установка (можно обнаружить незначительную разницу лишь в возбудимости установки). Приведем для иллюстрации два различных типичных портрета (I и II подтипы). I подтип указывает на эпилептоидные свойства человека. Несомненно, что и само поведение человека эпилептоидных импульсов может быть упорядочено высокомолевой волевой целью. И человек эпилептоидных переживаний, даже в психопатическом состоянии, может остаться социально полноценной личностью, если эти свойства урегулированы высоким сознанием личности. Мы имеем к тому много фактов. Для примера приведем человека таких эпилептоидных свойств, деятельность которого, ввиду неимения

высоких моральных целей, направлена асоциально. Опишем несколько схематично этот подтип.

Для данного типа (I подтип) конфликтных субъектов в основном опять-таки характерны неприятные эмоции, сильная тенденция к импульсивному поведению, полное противоречие между сильными импульсами и волевыми целями, острые внутренние конфликты. Между миром переживаний личности и проявляемым поведением и здесь отмечается полный контраст. Переживания конфликтны, а поведение гармонично, согласовано с внешней средой.

Разница в следующем: не всякое явление может возбудить в личности болезненные переживания. Она часто безразлична к окружающим явлениям и производит впечатление равнодушного, индифферентного человека, которого трудно вывести из равновесия. Его внутренний мир, интимная сфера целей, кажутся недоступными. Он погружен в мир своих интимных переживаний. Наши испытуемые обзеревают с философской высоты мелочи жизни; ежедневная деятельность, злободневные вопросы своего учреждения, горе и радости близких редко находят в них горячий отклик, хотя эти лица энергично включаются в течение жизни, часто проявляя в практической жизни изумительную твердость в борьбе за возложенные на них обязанности. В то же время они часто с иронией, даже с сарказмом, глядят сверху вниз как на собственную, так и чужую практическую деятельность. Пессимизм, разрушающий его существо, одновременно выраженный индивидуализм, часто переходящий в сильный эгоизм, не дают такому субъекту возможности быть полным искренней симпатии. Он глядит с недоверием на общественные достоинства человека, на высокую ценность жизни и поэтому в глубине души относится отрицательно к деятельности человека, борющегося за высокую мораль. Для него характерны зависть, вражда, злоба, эмоции отрицательной оценки окружающих. Вызвать сильные внутренние боли, острые переживания в такой личности могут лишь воздействия внешней среды, непосредственно касающиеся его интимного, эгоцентрического «я».

Один из наших испытуемых так описывает свои переживания: «Даже будучи в хорошем настроении при встрече с неприятным человеком, я прихожу в дурное расположение духа. Для этого бывает даже достаточным услышать фамилию, имя, если хотите упоминание однофамильца нелюбимого мною человека. Человека, доставившего мне неприятность хотя бы раз, я ненавижу. Достаточно человеку сказать мне оскорбительное слово, чтобы он навсегда для меня умер. Терпение у меня большое, но если кто-либо меня обидит, я готов желать ему смерти, стремлюсь сам ему отомстить. Дружбы не существует, я не вижу людей, достойных дружбы.

Дружба — пустое слово. Я не доверяю людям, хотя и не выявляю своих переживаний».

Следует отметить, что этот испытываемый внешне не оставляет такого впечатления. Его близкие, в частности, его школьные и университетские товарищи, даже подолгу жившие с ним в одной квартире, заявляют, что он всегда разделял чужие радости и горести. Он никогда не проявлял асоциального поведения. В то же время на посторонних он производил впечатление труднопонижаемого человека. Он часто бывал задумчив, никогда не говорил о своих переживаниях. Был энергичен, деловит. Несмотря на более чем средние способности, ему удалось окончить высшее учебное заведение. В юности он был мастеровым. Поставил себе целью учиться и достиг ее. В настоящее время он педагог и работает энергично. Благодаря неустанному труду и экономии ему удалось построить собственную квартиру из четырех комнат. В продолжение четырех лет он был на фронте. Получил несколько ранений, одно коммю. Перенес большие трудности на войне, он, с небольшими изменениями в характере, снова вернулся к гражданской жизни.

Мы попытались изучить интимные переживания этого человека путем клинических бесед и длительных наблюдений над его поведением и убедились в существовании огромной пропасти между течением его переживаний и его поведением. Характер его отношений к людям обусловлен необходимостью жизни. Его симпатии или антипатии определяются не исходящей из глубины личности потребностью, а необходимостью приспособления к внешней среде. В глубине души он эгоист, его переживания носят мизантропический оттенок. Внутренне он всегда равнодушен, брюзжит, недоволен, свою личную жизнь он считает «адам» и «безобразиям» (слова испытываемого). На самом же деле он сравнительно хорошо устроен, имеет хорошую квартиру, получает достаточную зарплату. Для улучшения своей жизни проявляет большую энергию, как мы уже отметили, даже построил себе дом. По словам его близких, в период постройки дома питался одним хлебом и в продолжение трех лет похудел так, что, казалось, стоит на краю могилы, но дело все же довел до конца.

Энергичное поведение такой личности, по нашим наблюдениям, не определяется твердой волей. Клиническое изучение убедило нас в том, что сильно выраженное переживание «я хочу!» для нее не характерно. Акт решения всегда сопровождается чувством неуверенности, безнадежности. Когда ставится вопрос о выборе будущего поведения, необходимого для удовлетворения личных эгоцентрических импульсов и приспособления к обществу, ей удается избрать моральное поведение, но это поведение не сопровождается внутренним теплом и уверенностью. Ей часто удается обуздать свои

импульсы, но для нее все же характерна склонность к импульсивному поведению. Часто помимо волевого решения, помимо даже намерения, она все свои возможности ставит на службу осуществления собственных эгоцентрических стремлений. Даже поведение, протекающее на почве решения, не может считаться чисто волевым поведением, т. к. личность, остается рабой своего решения, ей не удастся переключиться. Люди этого типа отличаются упрямством.

Во II группу конфликтных личностей (II подтип) мы помещаем конфликтных лиц, для которых характерным является высокий порог возбудимости, грубо-статическая установка и невозможность фиксации установки в зрительной сфере.

Таковая личность, вследствие слабости воли и недостаточно высокой морали, часто выходит за пределы нормы и даже порою впадает в совершенно патологическое состояние.

В основном для таких людей характерны эксплозивные аффекты, возбужденное, раздраженное настроение. Названные аффекты, эксплозивные реакции, эпилептоидные свойства вообще являются не следствием неврозов, а скорее характерологическими свойствами. Волевою целью таковых личностей чаще всего представляет собственная персона. Ко всему и всем они относятся как к средству осуществления собственных целей, вследствие чего для них неизбежны конфликты с внешней средой, их импульсы всегда и везде упрямо требуют осуществления собственных эгоистических целей. Ввиду частой невозможности реализовать их, они становятся раздражительными, холодными, индифферентными, носителями статических патологических аффектов, которые они часто даже проявляют. Они часто вступают в конфликт с внешней средой. Конфликт протекает не столь болезненно, как это характерно для сензитивных лиц. Их отношение к внешней среде более агрессивно. Они не обладают настолько сильной волей, чтобы бороться со своими импульсами. По природе это люди слабой воли.

Однако их импульсивность, упрямство часто оставляют впечатление будто эти люди сильной воли. Регуляция либо торможение аффективности, импульсивности происходят под воздействием упорядоченной внешней среды, под влиянием внешнего принуждения. Их урегулированное поведение зачастую становится результатом насилия ситуации. Под ее влиянием они вынуждены сдерживать свои импульсы, эгоистические цели, упрямство, капризы, подчиниться требовани-

ям общества. Это все бывает продиктовано интересами самозащиты. Им, как разумным существам, удастся таким путем сдерживать свои аффекты, но именно поэтому они и носят в своем существе ненависть, месть, вражду и другие подобные чувства. Они часто бывают полны злости, и достаточно какого-либо повода, чтобы она вылилась в виде аффекта. Ввиду того, что внутренним эгоистическим тенденциям не противопоставляется взращенные на высокой морали волевые цели, их переживания также носят мизантропический характер.

Вопрос относительно закономерных отношений между импульсивным поведением примерно такого типа людей и их фиксированной установкой подробно рассмотрен в книге И. Т. Бжалава «К психологии эпилепсии»⁴⁷. Этого же вопроса касается и наше исследование «Установка конфликтных субъектов»⁴⁸. Поэтому мы не будем останавливаться на детальной характеристике этого типа, тем более, что он выходит за пределы нормы. Люди этого типа, вследствие слабости воли, не способны регулировать собственную импульсивность. Из-за этого они не только сами страдают, впадая во внутренние конфликты, но и мучат других; зачастую они доходят до полного патологического состояния. Большинство наших испытуемых подобного типа лечились в психоневрологических учреждениях. Один из них и теперь страдает припадками эпилепсии.

Отбирая существенные черты нормального конфликтного субъекта с грубо-статической установкой, мы получаем следующую картину: такого субъекта характеризует резкое расхождение между феноменами характера, протекающими в импульсивном плане и в плане объективации; внутренняя дисгармония, конфликт между переживаниями и обусловленными жизненной необходимостью волевыми целями; чрезмерная сензитивность и склонность к импульсивному поведению, сопровождаемое мучительными переживаниями течение волевого акта, которым полностью задержаны внутренние импульсы и урегулированы внешние конфликты. Переживания человека такого типа глубоко конфликтны, внешнее же его поведение гармонично согласовано со средой и часто выглядит даже более адекватным, чем это характерно для гармоничного типа.

⁴⁷ И. Т. Б ж а л а в а, Психология эпилепсии. Изд. „Сахелгами“, 1958.

⁴⁸ В. Г. Н о р а к и д з е, Установка конфликтных субъектов, Сб. трудов Батумского пединститута, 1941.

В личности означенного типа, наряду с высокими социальными мотивами, наблюдаются индивидуалистические, субъективистские мотивы. Для того, чтобы направить поведение личности соответственно среде, даже в жизненных мелочах возникает необходимость в деятельности воли, объективации поведения, представлении ситуации, осуществлении поведения на основе воли. Ее социальное поведение не проистекает свободно из личных естественных тенденций, поэтому возникают сильные конфликты, переживание напряженного состояния, чрезмерная серьезность.

Процесс решения бывает болезненным, продолжительным и неустойчивым. Принятие решений переживается такой личностью лабильно; она полна сомнений, беспокойна, не верит в целесообразность собственного решения; словно это решение исходит не от нее, а навязано ей. Личность не уверена, совершит ли она то действие, которое считает приемлемым. Часто для принятия решения бывает необходима сильная актуальность ситуации, принуждение. Но после вынесения решения субъект действует энергично, упрямо, хотя все же сомневается в правильности своих действий и в процессе поведения бывает полон амбивалентных эмоций. Переключение на другое поведение причиняет ему сильную боль и часто неосуществимо.

Люди конфликтного типа обнаруживают сильную склонность к импульсивному поведению, которое протекает у них всегда под знаком конфликта. Эти люди для удовлетворения своих желаний, внутренних субъективистских признаний прибегают к всевозможным средствам и проявляют большую силу. Задержка собственных естественных склонностей, их согласование с требованиями социальной среды, вызывают в них сильные конфликты.

В результате дисгармонии между двумя планами психического личность превращается в арену противоречивых эмоций, мыслей и грез. Задержанные волей фиксированные импульсы находят полный исход в мире грез. Личность часто погружается в сферу интимных переживаний. И эмоции ее легко возбудимы, сензитивность переживаний является ее существенным свойством. Каким бы ни был конфликт между двумя уровнями психической жизни, регулятором зримого поведения личности все же всегда является второй уровень — воля, интеллект, в основном именно они делают возможным нормальное поведение. Из тенденций личности, стимулирующих два противоречивых поведения, почти всегда побеждает тенденция социальности, хотя для личности это очень болезненно и тяжело. В конце концов она настолько овладевает собой, что внутренняя тревога, самоанализ, обилие аутистических, индивидуалистических тенденций становятся почти незаметными. Личность окончательно приемлет требования

среды; она
жизнь, бор
ность энер
лентных эм
ски часто
ренне это
ления к

Каков
ловека так
У тако

батывают
рованная
грубо. Это
только про
подчиняет
сперимента
гаптическо
ной устано
всех мода
вают стати
гаптическо
таблицу).
очень высо
зия устано
93% (в га
тичной ус
установка
40 (не уга
показывае
как бы ис
новка вов
обладающ
статичной
мы ни про
бо-статичн
стигают 8
неизменно
проявляет
Показател
стабильно
статичным
течение ус
тановки п
но ирради
сированна

среды; она вместе с другими включается в общественную жизнь, борется за высокие общественные идеи. Такая личность энергична, непреклонна с наличием тяжелых амбивалентных эмоций; она служит высоким ценностям практически часто даже лучше, чем человек гармоничного типа. Внутренне это личность конфликтная, а с точки зрения приспособления к среде — гармоничная.

Какова экспериментально фиксированная установка человека такого типа?

У такого человека 2—5 установочных экспозиций вырабатывают в сфере восприятия прочную установку. Его фиксированная установка легко возбудима; течение ее статично и грубо. Это значит, что у подобной личности возникает настолько прочная установка, что она после этого бесконечно подчиняется иллюзии, возникшей на основе установки. В экспериментальных условиях его поведение, в особенности в тактической и моторной сферах, целиком определено статичной установкой. От 57 до 99% всех опытов, проведенных во всех модальностях над 31 испытуемым такого типа, показывают статичность установки (в оптической сфере — 57%, в тактической — 99%, в моторной — 92%). (См. прилагаемую таблицу). Показатели грубости в сфере сравнения объемом очень высоки (99%). Испытуемым всецело овладевает иллюзия установки. Показатель грубо-статичной установки равен 93% (в тактической сфере). Средний показатель грубо-статичной установки для всех модальностей равен 84%. Такая установка прочна (100%), количество иллюзий достигает 40 (не угасает на протяжении 40 критических опытов). Как показывает таблица, оптическая сфера представляет собой как бы исключение: в этой сфере иногда (28% случаев) установка вовсе не фиксируется, но когда фиксируется, то в преобладающем большинстве случаев проявляется в виде грубо-статичной установки. Такая установка константна: когда бы мы ни проводили опыты, испытуемые всегда проявляют грубо-статичный тип установки. Показатели константности достигают 85—90%. Раз фиксированная установка стабильна, в неизменном виде она длится днями. И на пятый день часто проявляется как грубая и часто — как статичная установка. Показатель стабильности также достигает 100%. В опытах стабильности тип установки в основном также бывает грубо-статичным. В опытах как константности, так и стабильности течение установки ограничивается одной фазой. Иллюзия установки полностью овладевает личностью; ее установка прочно иррадиирована: в случае всех испытуемых установка, фиксированная путем одной модальности, распространяется и

на другие модальности. Например, если испытуемым, у которых установка фиксируется в оптической сфере, дадим для сравнения несколько раз подряд неравные шары, а затем будем показывать в тахистоскопе равные круги, эти круги будут всегда казаться им неравными. Иррадиированная установка тоже чаще всего бывает грубо-статичной.

Это своеобразие установки проявляется и в течении установки, фиксированной путем представления. У таких лиц путем представления вырабатывается стойкая, грубая и иррадиированная установка; но некоторые из них вместо контрастных иллюзий бесконечно проявляют ассимилятивные иллюзии.

Тенденция статичности характерна и для установки, фиксированной на качественные содержания, которая указывает также на своеобразие объективации у личности. Например, если мы выработаем у такого испытуемого установку писания немецких осмысленных слов латинским шрифтом, а затем дадим совершенно другие слова по-русски или по-грузински, то под влиянием установки писания по-латыни, он долго будет писать эти грузинские и русские слова латинским шрифтом. Такое же положение повторяется и в случае течения установки, выработанной и фиксированной путем чтения.

Здесь же надо отметить одно обстоятельство: в опытах объективации и переключения испытуемые проявляют сильное напряжение.

У субъектов статичной установки импульс раз фиксированной установки настолько силен, что написание на основе установки беспрепятственно распространяется не только на первые, но вообще на все критические слова. Один испытуемый, педагог, который пришел на опыт прямо с урока, несмотря на нашу ясную инструкцию каждое слово писать соответствующим шрифтом — писал слова всех трех языков по-грузински и, вероятно, так и продолжал бы писать до конца эксперимента, если бы наша повторная инструкция не вывела его из такого состояния. Выяснилось, что испытуемый до начала опытов писал на доске по-грузински. Он оказался настолько статичным, трудно переключающимся человеком, что не смог переключиться с грузинского на другой шрифт. После повторной инструкции он правильно написал первые три немецких слова, но затем продолжал писать с сильными задержками и ошибками.

Мы дали одному испытуемому со статичной установкой переписать материал наших опытов, и хотя у него было полное визуальное впечатление гештальта каждого шрифта, он все же не смог переписать материал без ошибок. Этими опытами устанавливается, что для таких лиц характерна боль-

шая трудность переключения установки. С количественной стороны для них характерно, что они в три раза больше делают ошибок (установочные прочтения и задержки), чем люди с динамической установкой. Однако, в конце концов им все же удается объективация, время от времени они освобождаются от импульса установки. Например, из 20 возможностей установочного написания 8 приходится на полностью установочное написание, 8 — на адекватное написание с задержкой и 4 — на адекватное без задержек. Таким образом, в аналогичных условиях возможность объективации, задержка импульса установки бывают осуществимы и в экспериментальных условиях.

Итак, интенсивным исследованием фиксированной установки (1570 экспериментов над 31 испытуемым) выясняется, что для них характерна грубо-статическая, иррадиированная, стабильная, константная и интермодально-константная установка, обладающая высокой возбудимостью. Такие результаты экспериментального исследования говорят о том, что личность легко оказывается в плену установки. Освободиться от этого плена бывает трудно и тогда, когда испытуемый знает, что его поведение не соответствует ситуации. В описанном эксперименте проявляется своеобразие установки личности. При внимательном рассмотрении названных свойств установки станет понятным в основных чертах описанный нами выше комплекс свойств характера на фоне своеобразия такой установки.

Благодаря высокой возбудимости установки каждый новый раздражитель легко активирует в такой личности соответствующую потребность, легко фиксирует установку соответствующего поведения. Но ввиду того, что такая фиксированная установка бывает прочной, грубой, статичной и бесконечно стабильной, личности не удается реализовать возникшую установку в поведении. Установка всегда остается в ней в случае повторения соответствующих условий, как готовность к повторной актуализации. Столь легко фиксированная установка может иметь большую личностную ценность и поэтому быть легко возбудимой. Такие нереализованные фиксированные установки, имеющие большой личностной вес, определяют содержание конфликтной личности.

Статичность установки указывает на то, что личность не может освободиться от импульса установки даже тогда, когда происшедшее в ситуации изменение требует другого поведения и выработки новой установки. Ей приходится прилагать особые условия, прибегать к помощи других людей для того, чтобы создать в себе новую готовность приспособления к новой ситуации. Она может без конца следовать импульсу раз возникшей установки, что может вызвать внешние и внутренние конфликты.

Если бы воля не препятствовала течению установки в статичной форме, если бы не имела места объективация, такая личность превратилась бы в полностью импульсивное существо. Но у такого человека, как у разумного существа, есть возможность объективации своего поведения. Он может задержать установочное поведение, осуществить рефлексирование переживаний; он может вообразить ситуацию и на этой основе создать установку, определяющую волевое поведение. На это ясно указывают результаты опытов объективации и переключения. Личность может с большими внутренними конфликтами осилить импульс установки и переключиться в новом направлении. У такой личности есть способность фиксации установки на основе представления. А ведь способность объективации и выработки установки путем представления является залогом возможности возникновения волевой установки, осуществления поведения на основе воли! Личность может примириться с требованиями социальной среды, принять их в качестве собственных потребностей и развернуть волевое поведение на основе фиксированных установок. Но вследствие статичности установки, определяющей волевое поведение (статичность, проявленная в опытах установки, фиксированной представлением, и в опытах объективации), оно может превратиться в импульсивное поведение и процесс выполнения решения будет протекать импульсивно.

Импульсивность, погружение в мир собственных переживаний оказывают, безусловно, отрицательное влияние на течение волевого поведения такой личности. Для волевого поведения необходимо учитывать реальную ситуацию, менять решение сообразно с необходимостью, уметь быстро переключиться, быть твердым в деятельности, обладать уверенностью и уметь бороться за достижение цели.

Статичная иррадированная установка становится источником неуверенности, сомнений, слабости в борьбе за цели. Для приспособления к среде необходима объективация каждого нового поведения, создание установки на основе воображаемой ситуации, вмешательство воли даже в жизненные мелочи. Такой личности приходится часто выносить решения. Процесс принятия решения бывает болезненным, долгим и неустойчивым. Она преисполнена неуверенности, в ходе же выполнения решения она бывает энергичной, упрямой, вместе с тем излишне возбужденной.

Таким образом, статичность, грубость установки делает поведение личности импульсивным, и сдержанность его, подчинить его себе становится трудным. Личность бывает вынуждена жить на втором плане, в сфере объективации. Затрудняется согласование импульсивно действующих установок с

волевыми установками, которые также имеют статичную природу и характеризуются тенденцией импульсивности. Только постоянная объективация поведения, развертывание своей жизни на фоне сознания делает возможным нормальное социальное поведение такой личности. У этой личности есть возможность объективации, выработки установки, определяющей ее поведение. Ее социальное поведение развертывается в аспекте долженствования. Несмотря на сильные внутренние конфликты, это личность, владеющая собой; несмотря на полное противоречие между протекающими в личности переживаниями, по зримому поведению человек такого типа вполне активно приспособлен к среде. Мир его переживаний остро конфликтен, но внешне, с точки зрения взаимоотношения со средой, он гармоничен. С этой стороны его можно было бы даже отнести к группе гармоничных людей, но по остроте переживаний он часто доходит до грани патологического состояния.

Многие великие художники с целью воплощения своего эстетического идеала в художественном образе использовали психологический тип человека конфликтного характера. Как мы убедились, для конфликтного человека как психологического типа вовсе не является обязательным антисоциальное поведение. Наоборот, поведение такого человека может быть более социальным, гуманным, адекватным среде, нежели поведение иного гармоничного, цельного человека. Но вследствие высокой возбудимости и статичности характерной для него установки, перегрузки нереализованными установками, с меланхолическим темпераментом, с чрезмерной чувствительностью, его душевный мир нередко погружен в глубину болезненных переживаний. Каждое грубое прикосновение внешнего мира, задержка собственной активности переживается им с глубоким трагизмом. Такие люди остро переживают социальные бури своей эпохи, или личные невзгоды. Их борьба во имя великой идеи протекает на фоне пессимистических эмоций. Нередко их ранимая, чувствительная натура не выдерживает тяжести возложенных на них обязанностей. Неосуществимость высоких идей в разъедаемой злом среде наполняет их тяжелой меланхолией, конфликтами («Гамлет», «Меланхолия» Альбрехта Дюрера). Порой личность испытывает мучительный конфликт из-за трудности или невозможности осуществления эгоистических, индивидуалистических стремлений или вследствие содеянного зла (Глостер, леди Макбет, Дункан и др. Шекспира). Мы знаем примеры личностей, борющихся во имя определенной идеи, которые благодаря своей внутренней неуравновешенности, находятся в

психопатическом состоянии (герои Достоевского). Индивиды этого типа выглядят разнo в произведениях художников с различным идеологическим кредо, эстетическими идеалами и разных направлений. Например, Вертер (Гёте), Манфред (Байрона), Рене (Шатобриана), Гамлет и Глостер (Шекспира), Раскольников, Алеша и Иван Карамазовы (Достоевского), богема символистов и декадентов, действующий в соответствии с ницшеанскими доктринами Фальк Пшибышевского, наполовину патологические персонажи Октава Мирбо и многие другие персонажи, совершенно различные по своему мировоззрению, интересам и внутреннему движущему пафосу. Ясно, что на них лежит своеобразный отпечаток эпохи, класса, идеологии, но всех их роднит одна существенная черта: глубокие внутренние конфликты и конфликты с внешней средой. Как говорил Достоевский о своих героях, это люди, которые «живут не в своей собственной среде», постоянно перегружены неудовлетворёнными высоконравственными или же аморальными стремлениями, постоянно ищут соответствующую их индивидуалистическим стремлениям среду. В то же время, благодаря сильной способности объективации, умения владеть собою, им удается настолько хорошо регулировать свое поведение, что присущая им внутренняя, личная драма может долго оставаться незамеченной для постороннего глаза. Бытующие в человеке острые внутренние конфликты, борьба между взаимопротивоположными стремлениями, и одновременно объективация внутреннего мятежного состояния, сдерживание сильных внутренних импульсов, концентрация сознания на столкновениях собственных переживаний, переходящая в мучительный самоанализ, с гениальной художественной глубиной олицетворены в героях корифеев мирового искусства — Шекспира и Достоевского. Аналогичные попытки представлены и в экспрессионизме.

Герои Достоевского живут на уровне непрерывной объективации. И поэтому в его романах развитие действия протекает, в основном, в неразрывной связи с монологической речью. Достоевский искал для своих романов персонажей, обладающих способностью анализировать свой душевный мир, осознавать его, полностью направлять сознание на собственное душевное состояние. Эти герои превращают весь свой жизненный путь и моментальные переживания в предмет рефлексии; они существуют не как «люди живой жизни», а как «субъекты собственного сознания и грез» (Бахтин). Постоянная рефлексия поведения и переживаний задерживает естественный ритм их включения в обычное течение жизни, усиливает внутренние конфликты. С внутренним миром Раскольникова, Карамазовых мы знакомимся в их монологах, являющихся результатом объективации собственных пережи-

ваний. В своем «жестоком таланте» Достоевский создает вокруг своих героев такую социальную атмосферу, которая с непрекращаемой необходимостью вынуждает их объективировать, анализировать собственное поведение, душевное смятение, коллизии, эксцентрические поступки и вскрывать причины своих внутренних конфликтов.

Содержащее в себе глубокие внутренние противоречия капиталистическое общество является источником внутренних и внешних конфликтов. Поэтому судьба внутренне раздвоенного человека-нигилиста, пессимистически настроенного, весь его внутренний мир являются основной темой современного буржуазного искусства. Однако ликвидация условий, вызывающих конфликты с внешней средой, вовсе не означает исчезновения как внутренних человеческих конфликтов, так и типа конфликтного человека. Несомненно правильна мысль, высказанная И. А. Масеевым, что объяснение всякого конфликта социальными противоречиями приводит к вульгаризации понимания таких сложных сторон человеческой жизни, как борьба за счастье, процесс труда, творчества, любовь, преодоление болезни, приближение старости и др. Писатели и критики, которые, по его словам, сводят все конфликты нашей жизни к пережиткам капитализма, очевидно, всерьез считают, что при коммунизме, вместе с исчезновением буржуазных пережитков, исчезнут все трудности или просчеты в творчестве людей, грубые и даже непростительные ошибки в их поступках, муки совести, семейные конфликты или душевная боль неразделенной любви и т. д.⁴⁹ В связи с этим очень интересно выступление А. Довженко на Втором Всесоюзном съезде писателей: «Руководимые ложными побуждениями, мы изъяли из своей творческой палитры страдание, забыв, что оно является такой же величайшей достоверностью бытия, как счастье и радость. Мы заменили его чем-то вроде преодоления трудностей. Нам так хочется прекрасной светлой жизни, что страстно желаемое и ожидаемое мы мыслим как бы осуществленными, забывая при этом, что страдание пребудет с нами всегда, пока будет жив человек на земле, пока будет он любить, радоваться, творить. Исчезнут только социальные причины страданий. Сила страдания будет определяться не столько гнетом каких-либо внешних обстоятельств, сколько глубиной потрясений»⁵⁰.

Глубокое душевное потрясение, проявляющееся во внутреннем благородном страдании, конфликте, обнаруживается в поисках счастья, в стремлении понять сущность жизни, любви.

⁴⁹ И. А. Масеев, Сущность и роль конфликтов в искусстве, Сб. «Проблемы эстетики» АН СССР, 1958, стр. 134—135.

⁵⁰ Там же, стр. 135.

ви и сложном процессе творчества. Они характерны для всех типов человека. Однако с особой остротой это свойство проявляется и будет проявляться в людях меланхолического темперамента, глубоко чувствующих, в людях с утонченными переживаниями, в душевной структуре которых наблюдается тенденция к конфликту между двумя уровнями жизни — объективацией и импульсивно-эмоциональной жизнью. Учет конфликтной структуры психологического типа, как обобщенного прототипа, будет безусловно способствовать художественному постижению глубочайшей тайны душевных движений, внутренних сдвигов человека.

III. ХАРАКТЕР ЛИЧНОСТИ С ВАРИАБИЛЬНОЙ УСТАНОВКОЙ (импульсивный характер)

В результате характерологического исследования были установлены типы характера, резко отличающиеся от гармонического, цельного и конфликтного характеров. Основной признак этих последних: господство над импульсами собственных потребностей, регулирование внутренних конфликтов активностью воли и направленность социального поведения в соответствии с требованиями среды. И сама конфликтная личность, на основе сильной активности второго уровня психической жизни, остается владеющим собой, организованным, социальным существом. Но оказались и такие люди, существенным свойством которых является слабость воли, сильная импульсивность и в результате этого безудержные внутренние и внешние конфликты. Таких людей можно отнести к типу импульсивного характера. Среди людей импульсивного характера встречаются два резко различных типа: 1) импульсивно-экспансивный с сильными потребностями и 2) импульсивно-лабильный со слабыми потребностями.

Установка импульсивно-экспансивного человека вариационно-стабильна, т. е. этой личности не присуща установка одного какого-либо типа, в разное время у нее возникают установки различного типа (например, пластично-динамичная, грубо-динамичная, статичная и др.), однако выработанная однажды установка отличается стойкостью во времени — она стабильна. Из факторов — субъективного и объективного, необходимых для выработки установки в человеке этого типа, преимущество имеет субъективный фактор — потребность. Двигателем его поведения всегда является установка, созданная под приоритетом сильной потребности. С противоположным положением мы имеем дело в случае импульсивно-ла-

бильных людей. Установка личности и здесь вариабильна, но неустойчива во времени, быстро угасает, т. е. лабильна. Поведение личности протекает во внешней среде на основе установки, фиксированной при преимуществе ситуации. Это человек, деятельность которого определяется внешней ситуацией и лишена внутренней направляющей силы. Названные особенности его установки определяют и свойство его характера.

а) Характер импульсивной личности с вариабильно-стабильной установкой

Человек с вариабильно-стабильной установкой — личность сильных устремлений, деятельный, ищущий проявления активности во всех обстоятельствах жизни. Его жизнью, деятельностью, переживаниями управляет импульс интенсивных потребностей, интересов. Столь сильные импульсы стремятся к удовлетворению. На почве потребности и воображаемой ситуации легко создается готовность соответствующего поведения, но объективные условия редко когда дают возможность немедленного выявления импульсивного поведения в форме активности. Личность, будучи человеком разумным, не совершает бессмысленных поступков. Здесь безусловно проявляется функция воли, но она настолько слаба, что ей не удается затормозить импульсивные действия. В этой борьбе воле помогают неподходящая для реализации такой готовности ситуация и импульс сохранения жизни; поэтому возможно, что здесь мы имеем дело не с подлинной человеческой волей. Тенденция импульсивного действия безудержно ищет выхода, а отсутствие его превращает личность в арену конфликтов. В конце концов импульсивность личности все же реализуется, осуществляется в каком-либо эксцентричном поступке.

В таковой личности с избытком, по сравнению с волевым поведением, даны тенденции поведения импульсивного. Это не значит, что ее воля подчиняется иной закономерности. Волю и здесь характеризуют этапы, описанные в общей психологии обычной воли. И мы только подчеркиваем существенные типичные особенности. Воля человека такого типа слаба. В критические моменты жизни ей не удается как успешное выполнение негативной задачи — торможение импульсов, умение скрыть внутренние конфликты, внутреннее волнение, а иногда и нецелесообразный эксцентричный поступок. Этим тормозится и возможность позитивной работы воли. В подобной личности определенным стремлениям по существу служит не воля, а импульсивное поведение, вытекающее из установки, созданной на почве актуальной ситуации. Воля выступает в роли вспомогательной функции, вносящей в пове-

дение, упрямо протекающее на фоне сознания, только сомнения, конфликты, колебания.

Избыточность импульсивного поведения особенно проявляется в критические моменты жизни. Вообще же на протяжении жизни личности часто приходится опираться на волю. В случаях, когда «цель» импульсов и воли совпадает, решение выносится весьма быстро и прочно, действие протекает энергично и непреклонно. Однако, когда воля должна выполнить свою специфическую функцию, т. е. когда действие должно быть направлено против желания, начинаются раздумья, сомнения, внутреннее колебание; для принятия решения в этом случае необходима помощь постороннего лица. Поведение после волевого решения, несмотря на разнообразие эмоционального фона, непреклонно. Личности трудно переключаться, вследствие чего волевое действие в большинстве случаев превращается в упрямство. Для личности не характерно предварительное планирование будущего поведения, вследствие чего и волевое действие протекает в основном подобно импульсивному. В личности наблюдается избыток готовности служения высоким целям. Социальная целеустремленность ее часто становится мотивом поведения, но эти цели все же не являются волевыми. У личности отсутствует тенденция активизировать потребности и установки, представляющие собой основу волевого поведения. Личность, вероятно, обладает соответствующими потребностями, интересами, мировоззрением, поэтому ей будто ничто не должно мешать активизировать эти фиксированные свойства и развертывать действие в волевом плане. Например, когда ставится вопрос о необходимости пожертвовать собой ради ближнего, личности альтруистических целей ничто не должно мешать действовать согласно принятому на почве мотивации решению. Однако описанная нами личность не борется за достижение этих целей на почве специального решения, а действует импульсивно. Когда перед такой личностью встанет вопрос об оказании человеку помощи, о самопожертвовании во имя родины и т. п., соответствующему шагу в этом направлении не предшествуют акты выбора мотивации, решения и планирование предстоящего поведения. Личность начинает соответствующее действие помимо означенных этапов воли. Фиксированные готовности выявляются в актах соответствующего действия сразу, помимо опосредования объективацией. Создается впечатление, будто ее поведением управляют скорее действующие непосредственно импульсы, нежели воля.

Ее моральное поведение напоминает обусловленный благородным «инстинктом» материнский поступок. Мать, видящая своего ребенка в объятый огнем комнате, не раздумывая

бросается спасать его. Ее действие обусловлено не волей, а импульсом потребности. В случае, когда импульсы личности и ее субъективистические тенденции полностью совпадают с объективной целью, она проявляет изумительную энергию, способность неиссякаемой заботы и труда. Она может проявить поразительное мужество и самопожертвование, способна сразу, не колеблясь ринуться в огонь ради возвышенных целей, поставить под угрозу будущее всей своей жизни для реабилитации обиженного, оскорбленного человека.

В социальной ситуации такое поведение не всегда целесообразно. Каждая сфера общественной жизни имеет свои объективные цели. Человек, обладающий готовностью к высоким целям, должен иметь возможность служить этим целям, он должен считаться с объективно существующими целями, а это возможно только лишь на почве активации осознанной воли. У рассматриваемой личности слабо развито чувство реальности, и ей не удается действовать соответственно объективным целям, когда от нее требуется сознательное и плановое поведение. Сила импульса потребности вынуждает такую личность сразу начать действие, соответствующее объективным целям; оно часто протекает весьма целесообразно и достигает большого эффекта, но бывают случаи, когда оно терпит поражение. Характерное для личности упрямство, трудность переключения часто служат причиной ее нецелесообразных действий, приводящих впоследствии к сожалениям. Таким образом, вместо установления между объективными целями и стремлениями личности полного единства в ней зарождаются как внутренние, так и внешние конфликты. Этому способствует и то обстоятельство, что тенденции ее импульсивности стремятся к субъективированию объективных целей. Она часто старается перенести своеобразные субъективные стремления на объективные, что может быть и вредно для последнего.

Итак, стремления личности, призванные служить целям, со стороны этики, порою большой ценности, вследствие слабости воли и вторгшихся в нее субъективистических тенденций, часто не достигают цели. Вследствие этого у личности возникают чувства неуверенности в собственных силах, сомнения, озлобление, презрение и целый ряд аффективно-агрессивных тенденций, направленных против лиц, стоящих на пути его многочисленных навязчивых стремлений.

В таковой личности и чувство любви характеризуется исключительной интенсивностью и своеобразной глубиной. Она любит вполне искренно. Чувство симпатии к окружающим является показателем искреннего сочувствия, переживания чужих горестей и счастья, как собственных. Жалость, сострадание — главные свойства ее эмоций, однако не ко всем

близким она способна проявлять такие симпатии. Хотя круг объектов ее симпатий весьма обширен, рядом с ним оказывается группа лиц, к которым она относится с недоверием, может невзлюбить, возненавидеть, выявляя ненависть, презрение, вражду. По отношению к противнику она полна зависти и презрения. У нее всегда готовы для противника ядовитый сарказм, насмешка, уничтожающее ядовитое слово. Она не забывает оскорбления и ищет случая отомстить, годами помнит всякое сорвавшееся оскорбительное для нее слово. Такое отношение к окружающим станет вполне понятным, если вспомним, что существенной чертой таковой личности является ярко выраженный «субъективизм», когда все оценивается в соответствии с собственными потребностями. Накопившиеся с избытком неосуществленные потребности характеризуются излишней активностью. Вследствие целого ряда субъективных и объективных условий они стремятся вывестись наружу в соответствующей ситуации. Личность в этом отношении весьма экстравертивна. Она готова отдать весь свой субъективный мир объективному. Однако такое выявление внутренней природы весьма субъективно. Личность только тогда считается с объективным, если оно соответствует ее интересам.

Художественные персонажи романтиков, мистиков и декадентов в подавляющем большинстве являют собой галерею портретов людей с вариабильной установкой. Разнообразие поведения этих людей, романтический душевный строй, полное как бы неразгаданной тайны, странное поведение, беспокойная, эксцентрическая борьба за достижение осознанных и неосознанных влечений, часто полный трагизма финал стремления к цели привлекали к себе романтиков — знаменосцев индивидуализма и субъективизма в литературе. Типы экспансивных личностей щедро использовались романтиками как материал для создания художественных персонажей.

Великие реалисты — Шекспир, Флобер, Толстой, с целью воплощения своего эстетического идеала в художественных персонажах, используют такой психологический тип в качестве прототипа. Довлеющая над мужчиной сила женщины, одаренной безграничной страстью и красотой тела, сила женщины, которая соединяет в себе «черты Евы и змеи» и которая может затуманить сознание даже очень сильного мужчины и бросить его в пропасть, описана Шекспиром. В качестве прототипа он использовал Клеопатру — прекрасную женщину, наделенную мятежной душой, полной неугасимых страстей, капризную, эксцентричную, энергичную, экспансивную, находящуюся всегда под давлением внутренних конфликтов, изменчивую во взаимоотношениях с людьми.

Если Клеопатра располагает всеми средствами для удовлетворения своих капризов, олицетворенная Флобером ма-

дам Бовари, воспитанная в буржуазно-мещанской среде, не имеет ничего для удовлетворения своих стремлений, кроме мечты и тайной, унижительной любви. Жизненная драма мадам Бовари заключается в полном несоответствии ее стремлений и мечты, с одной стороны, и той действительности, в которой ей приходится жить, — с другой. Для обрисовки трагедии человека, носящего в себе такие внутренние противоречия, Флобером использован психологический тип человека впечатлительного, чуткого, с сильными страстями, но со слабостью волей, притом импульсивного и экспансивного. Характерологически и Анна Каренина — персонаж Л. Н. Толстого — стоит в том же плане, хотя и выражает совершенно иную моральную идею, нежели Клеопатра Шекспира и мадам Бовари Флобера. Анна Каренина — женщина глубоко страстная, экспансивная и импульсивная — нарушает традиционные нормы нравственности, но не найдя среды, соответствующую своим стремлениям и собственной беспокойной, мятежной натуре, трагически кончает свою жизнь.

В таковой личности приспособление к внешней среде вызывает внутренние конфликты. По отношению к человеку, приемлемому с точки зрения ее моральных или витальных потребностей, она полна излишних симпатий, доверия, уважения, испытывает чрезмерный восторг, восхищение и даже боготворит его. К тем же, кто преграждает ей путь, относится критически, к его активному импульсивному действию она питает ненависть; такой человек, объект в ее глазах теряет ценность. Поэтому она часто бывает в конфликте с окружающими. Ее многие хвалят, но многие ругают. По мнению одних, это — прямой, правдивый, бескорыстный, говорящий правду в лицо, волевой, симпатичный человек, по мнению других, — бесцеремонный, выскочка, завистливый, озлобленный позер. Наше общество ставит таких импульсивных лиц в вполне определенные рамки. Общество связывает его импульсивность, и он часто остается с неудовлетворенными стремлениями и с накопленными нереализованными силами. Подобная личность знает собственную слабость и ищет покровительства сильного, гармоничного человека. Под руководством сильного, авторитетного человека, могущего понять ее и соответственно направить ее силы и положительные стремления, такая личность способна оказать обществу неоценимые услуги, несмотря на то, что ее деятельность всегда сопровождается внутренним беспокойством и конфликтами с окружающими. Если ей сначала же привить аморальные стремления, ее импульсы будут раскрываться без задержек в виде аморальных импульсивных действий. У некоторых изученных нами личностей мы наблюдали определенные аморальные тенденции, утвердившиеся в них еще в детстве, бороться с

ними им было не под силу. Вообще же можно сказать, что, в зависимости от характера импульсов потребности, интересов, мировоззрения, из такого импульсивного человека может сформироваться как личность высоких стремлений, так и низкой морали, почти злоумышленник.

Из всего сказанного относительно структуры такого человека заключаем: структура его характера конфликтна. Однако конфликты здесь по существу обусловлены не резким противоречием между превратившимися в свойство стремлениями и волевыми целями, а трудностью осуществления его сильных и многообразных стремлений, вызываемых склонностью личности к импульсивным действиям. Конфликты здесь не выражают тенденции разрушения структуры характера личности, наоборот, конфликт является следствием тенденции к установлению внутренней целостности.

Таковой человек стремится жить полной жизнью, пережить все, проникнуть во все извилины жизни, развернуть в волнующемся течении жизни свои беспокойные, высоко моральные стремления, удовлетворить множество превратившихся в импульсы высоких моральных тенденций. На почве импульсивного поведения такие стремления часто остаются неосуществленными, внутренняя жизнь личности становится ареной тревог и беспокойства, вытекающих из неосуществленных потребностей. Эти эмоции овладевают всей личностью и надолго обуславливают неприятные объективные состояния ее.

В личности, являющейся носителем высоких этических склонностей и положительных социальных сил вообще, отмечается сильное стремление к реализации этих сил. Однако вследствие несовместимости с существующей внешней средой импульсивной природы личности и слабости некоторых личностных сил, ее основные готовности часто остаются неосуществленными, но это никогда не вызывает ослабления активности. Именно этой тенденцией следует объяснить то обстоятельство, что такие личности, невзирая на частые внутренние и внешние конфликты, отягощенность неосуществленными желаниями, редко впадают в невротические состояния и постоянно полны созидательной энергии. Но одновременная тенденция, с одной стороны, к реализации, а с другой — к заглушению своих стремлений, становится источником внутренних конфликтов, вырастающих из глубинных основ характера этих лиц. Тем не менее тенденция к осуществлению импульсов действует в них с неукротимой силой — они неуклонны и неутомимы в этом стремлении и часто обнаруживают большую силу и настойчивость своих импульсов. Однако основной недостаток этих лиц — их слабая воля, и это обстоятельство лишает их возможности реализации своих тенденций.

Приведем один конкретный пример импульсивной личности. Е. Ц., педагог, высококультурная среда уже в детстве способствовала пробуждению и развитию в ней высоких моральных тенденций. Семья была большая. Она с детства вращалась среди взрослых. Редко бывала в кругу товарищей. В семье собирались местные общественные деятели. Она слушала их беседы, главным образом, касавшиеся общественных вопросов. Она часто завидовала взрослым, их знаниям и умению рассуждать о высоких материях. Под влиянием окружающей среды в ней с детства фиксировалась готовность служить высоким ценностям. Она много читала, увлекаясь художественной литературой, любила Толстого, Пушкина, Байрона. Общество взрослых и чтение способствовали еще большему отчуждению ее от товарищей, развитию тенденции к одиночеству и наслаждению миром пустых грез. Еще ярче выразились эти тенденции в пубертальный период. С этого времени в ней зародилось стремление к осуществлению своей мечты, моральных тенденций на практике. Она мечтала о совершении поступка, могущего удовлетворить ее высокие моральные потребности, о добрых делах, которые могли вызвать всеобщее удивление. Отсутствие возможности осуществить свои мечты вызвало в ней острые переживания, о которых она писала в дневнике. В настоящее время она также обуреваема этими тенденциями, ищет в книгах ответы на морально-этические проблемы, занимающие ее. У нее есть сильная потребность поделиться своими острыми переживаниями, возникшими на почве каждодневных взаимоотношений, но она стесняется, боится встретить непонимание. Поэтому она ищет других путей для разрядки от этих переживаний. Человек сильных аффектов, она с трудом сдерживает себя. Она способна быстро дать противнику ответ. Такая реакция часто причиняет ей много неприятностей. Она искренне переживает людское горе, вечно занята общественными делами, борется за урегулирование чужих дел, часто смело выступает в защиту несправедливости, по ее мнению, обиженных людей. Например, в школе сняли с работы педагога. Наша испытуемая сочла это несправедливым и категорически потребовала восстановления преподавателя. Пыталась бороться, но, не добившись справедливости, сама демонстративно оставила школу. Такой поступок был обусловлен совершенно искренним сочувствием, тенденцией протеста против несправедливости. В данном случае, и вообще всякий раз, когда она предпринимает такие шаги, ей не требуется активации воли, приведения в действие акта решения. Перед ней не встает проблема—стоит ли вступаться за обиженного.

Она тут же загорается желанием выступить против несправедливости и начинает действовать по преимуществу под влиянием импульсов. Она систематически помогает родным и близким: воспитывает детей родственников, проявляя при этом излишнюю заботливость, делится заработком. Однако достаточно небольшой неприятности, чтобы она почувствовала в близком человеке своего врага. Она не прощает ни малейшего оскорбления и всегда старается отплатить. Однажды ее обидел директор школы, пользовавшийся большим ее уважением. Обида превратилась в чувство глубокого оскорбления, она потребовала от директора школы публичного извинения и после его отказа хотела покончить с собой (повеситься).

Она самозабвенно любит родину, полна жажды служения народу, без внутренних конфликтов отдает предпочтение общественному перед личным. В продолжение многих лет она работала преподавательницей в самом отдаленном и отсталом районе, только потому, что этим удовлетворяла в себе потребность служения народу.

Испытуемая отмечает, что ни одному значительному шагу в ее жизни не предшествовало напряженное предварительное решение, борьба мотивов. Она прямо, без плана начинала действовать и старалась довести начатое дело до конца. Переключение ей дается с трудом, ее характеризует упрямство, беспрекословное следование импульсам установки. Она не планирует своей будущей работы, у нее много начатых и незавершенных дел. Испытуемая так характеризует свое состояние: «Я больше слеую за своими чувствами, желаниями, нежели за разумом и всегда делаю то, что подсказывает мне чувство, больше доверяя своему сердцу». Однако, у нее бывает чувство, будто она никогда не достигает цели. Для нее характерны сильные переживания недостаточности. Вечно ее что-то беспокоит, тревожит, мучит чувство неуверенности. «... Мне все кажутся сильнее себя», — говорит она. Она большая энтузиастка, но действия ее сопровождаются сомнениями, неуверенностью, внутренними конфликтами. «По природе я человек слабый, во мне нет ничего цельного и законченного, я недовольна собой. Будь у меня сильная воля, моя жизнь пошла бы иначе», — говорит она. В то же время она упряма, не расстается с навязчивой идеей; тяжело переживает неосуществимость своих стремлений, ищет выхода. Она написала много анонимных писем известным общественным деятелям, в одних она беспощадно порицала за измену служению высоким идеям, других просила разъяснить через прессу целый ряд в общем — социальных и этических проблем.

Из переживаний, направленных к другим, исключительно интересно проявление ею любви. Влюбившись в писателя и

общественного деятеля, никогда не выдавши его, она пишет ему анонимные письма, только не о любви, а о вопросах этики. Просит ответить относительно проблемы жизни и смерти. Наконец, открывается ему в любви, однако, встретиться с ним и не думает. Спустя несколько лет она увлеклась одним больным туберкулезом, общественным деятелем, но не признавалась ему в любви. Беседы с ним были ей приятны. Он объяснился ей в любви, но она оставила его слова без ответа, даже обиделась и уехала в глухой район, где работала с самозабвением. Над таким поведением ей не пришлось долго думать, она следовала своим импульсивным потребностям, вне всякой борьбы между мотивами. В своей глуши она узнала, что ее друг лежит тяжело больной туберкулезом в одном из приморских городов. Она отправилась к нему, самоотверженно ухаживала за больным, потом привезла к себе в деревню. В продолжение шести лет она не отходила от постели больного. Вышла за него замуж перед его смертью и клялась покончить с собой, как только его не станет. Достала яд. Муж перед смертью попрощался с женой и матерью, оставив пространное завещание. «Я бросилась к яду, но свекровь успела его спрятать. Меня объяла скорбь. В последнюю минуту захотела прочесть завещание. В нем он просил жить, хранить память о нем и призывал бороться за общественные цели, доказывая бессмысленность смерти. Я тоже сочла самоубийство аморальным поступком. Решение о самоубийстве было побеждено желанием жить, пробудившимся чувством долга».

После этого, в третий раз, она сильно увлеклась известным общественным деятелем. Его публичное выступление привело ее в восторг, беседы с ним пленили ее. В течение многих лет ее приводила в восторг его личность. Были и другие увлечения.

Она способна на настоящую ненависть, испытывает презрение к некоторым людям. Она ненавидит тех, кто изменяет человеческой морали, верит в высокое назначение человека. В то же время она завистлива и подозрительна, и не скрывает этого, любит говорить правду в лицо, беспощадна, ядовита и цинична. Она часто меняет отношение к одному и тому же человеку, вообще же всегда экспансивна. Ее переживания ярко отражаются на ее лице, ей не удастся скрыть внутреннее волнение. Вообще она человек живой, возбужденно подвижный. В настоящее время она с энтузиазмом работает на трудном участке фронта просвещения (дефектология). Общественность регулирует ее экспансивное поведение, и она — организованная, полная высоких порывов — пользуется в своем кругу большим уважением.

В целях изучения импульсивного течения экспериментально фиксированной установки было проведено всего 58 опытов. Результаты опытов показали, что и фиксированная установка не характеризуется одним определенным оптимумом. В среднем за оптимум возбудимости можно принять 15 установочных экспозиций. В опытах константности в сфере галтики три раза проявляется грубо-локальная, один раз прочно-пластично-динамичная, один раз грубо-иррадиированная установка. В опытах стабильности установки личность три раза подряд выявляет пластично-статичную, локальную установку, один раз пластично-динамичную, на пятый день «нулевую». И в сфере сравнения тяжестей установка также стабильна. В опытах стабильности выявляется грубо-пластичная и грубо-динамичная установка, для опытов константности характерна грубо-статичная, пластично-статичная, выявляется возможность прочной пластично-динамичной установки.

В зрительной сфере оптимум возбудимости в среднем равен 25 установочным экспозициям. Фиксируется прочная пластично-статичная установка. В опытах стабильности 4 раза выявилась грубо-динамичная установка, на пятый день она угасла. В опытах константности три раза выявилась пластично-статичная (колеблется между прочно контрастной иллюзией и равенством), 2 раза прочная пластично-динамичная (от 20 до 40 иллюзий) установка.

В опытах иррадиации установка распространяется с глаза на тяжесть и объем, а также с объема на глаз, в остальных модальностях она локальна. Вообще иррадиация установки выявляется лишь в некоторых сферах.

Следовательно, таковой субъект должен быть отнесен к фиксированному вариабильно-стабильному типу установки, ведущей из которых является фиксированная грубо-статичная установка.

В процессе исследования нам попался и второй вариант импульсивной личности с вариабильно-стабильной установкой. По основным свойствам личности — потребностям, интересам, морали — разницы с первым вариантом мы не находим. Для личности здесь также характерны слабая воля, импульсивность. Социально-моральное поведение личности по существу и здесь протекает как импульсивное действие без сильной активности воли. Структура личности конфликтна и здесь. Специфический оттенок характера таковой личности придает своеобразие эмоциональной жизни. И здесь течение непрятных эмоций постоянно приводит личность в беспокойное состояние, но она будто всегда знает, что ее беспокоит. Такого человека всегда что-то тревожит, он вечно взволнован неудовлетворенными жалобами, в то же время ему всегда известны объективные и субъективные причины таких переживаний; он даже называет причины дурного настрое-

ния. Ими могут оказаться творческие затруднения, возникшие в процессе жизни, болезнь ребенка, незаконченность многих начатых дел, конфликты с окружающими, множество неудовлетворенных желаний и повседневные мелочи жизни. Вообще ему всегда удастся найти причину своего беспокойного состояния. Неудовлетворенные импульсы приводят его внутренне в паническое состояние; об этом он способен без конца рассказывать окружающим, делиться с близкими, иногда даже с новыми знакомыми. Всем существом своим он стремится освободиться от неприятных переживаний. Он полностью экстравертивен и социален.

Всем своим существом он предается радости или печали, полностью включается в окружающую среду, с чувствительностью сейсмографа отвечает на любое воздействие внешней среды; способен сразу выключиться из своего тяжелого состояния и создать настроение, соответствующее ситуации. Такой человек может легко перейти из раздраженного, взбудораженного состояния в настроение счастливого человека. Однако такое переключение не полностью уничтожает его прежнее настроение, возникшее на почве неудовлетворенных стремлений, амбивалентного состояния.

Такой личности трудно беспристрастно судить о людях и явлениях или проявлять полное сочувствие переживаниям других. Она вечно удручена своими неудовлетворенными стремлениями и все оценивает с этих субъективистических позиций. Если же свойства и потребности объекта полностью совпадают с ее стремлениями, она сразу приходит в чрезмерное воодушевление. Встречая личность, сочувственно относящуюся к ее потребностям, она приходит в восторженное состояние и выражает его бурно, не считая нужным сдерживать себя. Человек же не отвечающий ее субъективным вкусам, превращается в ее глазах в отрицательное существо, достойное только презрения. Любит часто говорить о других, давать оценку их поступкам, изображая их самих и их поступки в утрированном виде. Это зачастую создает ей плохую репутацию. Восторг и возмущение чужими поступками совершенно искренни, в ее мимике, выражении — во всем проявляемом поведении и переживаниях нельзя обнаружить и следа несоответственности, позерства. Однако эти переживания не могут полностью захватить личность, они не характеризуются столь большой интенсивностью, длительностью и глубиной, как это свойственно людям первого варианта этого же типа. Явно выраженные зависть, язвительность, сарказм, колебания сравнительно поверхностны и непродолжительны. Личности быстро удается от них избавиться; она избегает обострения отношений с окружающими. Ее неудовлетворенные импульсы никогда не достигают трагизма, характерного для

первого варианта этого типа. Фиксированная установка этих лиц характеризуется динамичностью. В опытах константности установки они проявляют разные формы динамической установки. Они сравнительно легко освобождаются от фиксированных установок и начинают адекватно отражать действующие на них раздражения.

Таким образом, в отличие от всех вышеописанных типов характера, человека с вариабильно-стабильной установкой характеризует сильная тенденция проявления признаков первого уровня психики, слабость воли, трудность задержки импульсивного поведения, тенденция осуществления сильных, высоких социальных потребностей в импульсивной деятельности, трудность приспособления к среде, благодаря излишней импульсивности, внешние конфликты, вариабильность отношения личности к одному и тому же явлению, компенсация конфликтной структуры личности прочно фиксированными социальными устремлениями, высокими социальными мотивами.

Каково своеобразие фиксированной установки человека такого типа? Основным признаком установки человека такого типа является вариабильность и стабильность. Показатель вариабильности установки достигает 100%. Показатель стабильности равен 100%. Прочная стабильность устанавливается, главным образом, в гаптической сфере и сравнительно слаба в оптической сфере. Фиксированная установка бывает стойкой. В разных модальностях она колеблется между 14 и 24 контрастными иллюзиями. Для большинства (73, 4%) испытуемых характерна иррадиация раз фиксированной установки.

Вариабильность установки такой личности состоит в способности фиксации разных видов установки. Например, для нее характерна грубо-динамичная (18—22%), пластично-динамичная (15—16%), грубо-статичная (18—42%), локальная, иррадиированная, пластично-статичная (10—16%) установка. Иногда (9—31%) установка может вовсе не фиксироваться. Чаще всего испытуемый проявляет склонность к фиксации статичной установки (грубо-статичная, пластично-статичная, грубо-статичная-иррадиированная, грубо-статичная-локальная). Из 947 опытов, проведенных над 19 испытуемыми, установка абсолютного большинства (почти 100%) вариабильна и стабильна. Это обстоятельство указывает на то, что существенными свойствами установки людей такого характера являются вариабильность и лабильность (с преимуществом статичности).

Таким образом, установка таких испытуемых, фиксированная в экспериментальных условиях, указывает на то обстоятельство, что у них в одной и той же ситуации, на одном и том же экспериментальном материале, по отношению к одним и тем же явлениям, в разное время может возникнуть установка разного вида. По отношению к явлениям одного и того же ряда у них может фиксироваться разная установка, и они могут противостоять явлениям того же ряда в разное время разными установками. Например, если у испытуемого в первый день 5 установочными экспозициями фиксируется грубо-статичная установка (два равных шара под влиянием ранее фиксированной установки бесконечно кажутся ему неравными), на второй день у него в этих же условиях вырабатывается грубо-динамичная или пластично-статичная установка, на третий день установка может вовсе не фиксироваться и т. д. Раз фиксированная установка сохраняется в продолжение целого ряда дней, но чаще — в измененном виде. Раз фиксированная установка в опытах стабильности один раз может проявиться в виде грубо-статичной установки, в другой — в «нулевой», в третий раз — в виде грубо-динамичной установки.

У таких лиц путем представления вырабатывается прочная установка. В опытах чтения и письма (опыты объективации) они часто проявляют одну особенность, которая редко характеризует испытуемых другого типа. В опытах фиксации установки путем чтения и письма они, после соответствующей задержки, объективируют критическое слово, но, несмотря на это, все же остаются в плену импульса фиксированной установки. Испытуемый догадывается, что он должен писать русским или грузинским шрифтом, ему уже удается объективировать русскую и грузинскую транскрипцию и содержание слова, но на основе ранее фиксированной установки рука пишет опять латинским шрифтом. Испытуемый следует импульсу установки. Только после большого напряжения удается его побороть.

Понятие вариабильности само говорит о том, что личность с такой установкой не может быть устойчивой, не может быть внутренне оформленным, внутренне самостоятельным человеком. Именно такова, как мы видели, импульсивная личность.

Когда по отношению к определенным явлениям ее установка легко возбудима и статична, тогда и поведение ее бывает упрямым, непреклонным, протекающим на основе внутренних и внешних тяжелых переживаний. Она не может освободиться от импульса господствующей установки, целиком находится в плену этого импульса.

Благодаря такой вариабильности установки, способности фиксации диаметрально противоположных установок, лич-

ность перепружена многообразными нереализованными установками.

Из-за большого количества разнообразных нереализованных, диспозиционно данных стабильных установок, личность не в силах отдать предпочтение импульсу какой-либо установки, нужной для волевого решения; она не в силах выбрать один из многих импульсов мотивом своего поведения и осуществить на его основе целесообразное волевое поведение. Поэтому понятно, что и волевая активность личности протекает на фоне тяжелых внутренних конфликтов, она никогда не достигает твердого решения, ей препятствуют в этом импульсы нагроможденного в ней множества противоположных установок. В случае необходимости проявить в среде определенное поведение, это последнее осуществляется на основе импульса наиболее сильной установки — поведение протекает импульсивно. Если это этический, моральный импульс, то и поведение будет моральным, социальным. Если в личности фиксированы аморальные тенденции, то и поведение будет аморальным. Течение поведения будет обусловлено тем, какого вида установки преобладают в определенный момент. Например, оно может протекать статично — до самозабвенного погружения в деятельность — на фоне невозможности переключения; или же динамично, гармонично, адекватно ситуации. Такой личности часто удается объективировать свое импульсивное поведение; она осознает нецелесообразность своего поведения, но не может избавиться от импульса установки. Такое своеобразие личности сказывается и в опытах объективации: в экспериментальной ситуации испытуемому удается объективировать свое импульсивное поведение, но ему трудно переключиться в план объективации и осуществить поведение в этом плане.

Таким образом, вариабильность установки (способность выработки разнородных установок по отношению к явлениям одного и того же ряда) и ее стабильность делают понятными резкие колебания, обусловленные характером поведения и переживаний личности, ее склонность к импульсивному поведению и вариабильность ее характера.

В ходе исследований, как это показано выше, нам встретился и такой вариант импульсивно-экспансивной личности, фиксированную установку которой, наряду с вариабильностью и стабильностью, характеризует более частое проявление динамичной установки. В опытах константности такие испытуемые чаще всего проявляют динамичную установку особого типа — редко-статичную установку; иногда установка у них вовсе не фиксируется. В случае же первого варианта ведущей является статичная установка разных видов. В соответствии с сильной способностью фиксации динамичной ус-

тановки, переживания личности становятся более адекватными среде, более социальными. Несмотря на вариабильность установки, у такой личности есть определенная и ясная тенденция реализации установок; внутренняя смута, волнение более понятны, импульсивное поведение менее интенсивно, а также сравнительно адекватно; оно не отличается упрямством. В личности возникает сильная тенденция целесообразного приспособления и переключения. Однако, соответственно с вариабильностью установки, личность не занимает по отношению к себе и к внешнему миру такой определенной позиции, на основании которой стало бы понятным, каково будет ее поведение в определенной ситуации. Поэтому и характер такой личности бывает вариабильным.

б) Характер импульсивной личности с вариабильно-лабильной установкой

При сближении с человеком с вариабильно-лабильной установкой сразу можно заметить следующую особенность: непрерывную неутомимость, смятение, восхищение или печаль; ничего ему не нравится, он все порицает, часто бывает язвительным, но эти чувства часто сменяются противоположными. В таком человеке нет ничего постоянного, все свойства его личности неустойчивы, текучи. Эти свойства характера не исходят из глубины личности; его тревожные переживания, восторг, радость, печаль, скука, тоска, обожествление человека и презрение — поверхностны, кратковременны, беспринципны. Самые устойчивые его стремления, высокие или низкие, не имеют принципиального характера. Даже включение в борьбу за определенную идею часто проходит легкомысленно, без любви, без проникновения истинной верой в эту идею. Поведение такого человека, проявление его характера в поведении всегда бывает отмечено печатью искусственности, нарочитости. Создается впечатление, что по своим внутренним личностным силам этот человек слаб, поверхностен. Вместе с тем он старается создать впечатление человека с твердой волей, интенсивными потребностями, с глубокими эмоциями. Он слеплен из воска, но стремится казаться твердым, как сталь. В результате общения с ним создается убеждение, что на этого человека нельзя положиться в критические моменты жизни.

Таково общее впечатление. Теперь присмотримся к своеобразиям характера такового человека. Для него как будто характерны все человеческие потребности, но в то же время трудно отметить какую-либо преобладающую, ярко выраженную интенсивную потребность, интерес, мировоззрение, прев-

ратившиеся в свойства. У наших испытуемых мы не нашли столь глубоких и интенсивных потребностей, необходимость удовлетворения которых они переживали бы длительно, за которые боролись бы долгое время.

Для сферы их потребностей характерны низкий уровень интенсивности, некоторая аморфность. Внутренний импульс редко бывает ведущим в проявлении активности личности. За неимением сильных, ярко выраженных потребностей, фактором, обуславливающим соответствующее характерное поведение, остается ситуация. Вследствие этого, если среда, где живет субъект, проникнута высокими, этическими идеями, личность без критики попадает под влияние такой среды и проникается высокими этическими целями. Ведущий импульс этого же субъекта, попавшего в аморальную среду, обуславливается аморально-витальными стремлениями.

Ведущей в характерном поведении таковой личности является именно установка, фиксированная приоритетом ситуации, она действует на основе превратившейся в импульс установки. Это — импульсивная личность. Ее импульс может пребывать в активной готовности лишь до тех пор, пока ситуация актуальна; вместе с исчезновением актуальной ситуации теряет способность активности и этот импульс и заменяется импульсом, фиксированным на почве воздействия другой ситуации.

Ведущая цель жизни личности всегда обусловлена ситуацией. Такие люди зачастую проявляют стремление к самопожертвованию за высокие идеи, часто жертвуют личным ради общего, борются за успехи нашей страны. Однако, глубже взглядевшись в течение их жизни и интимные переживания, убеждаемся, что их действия исходят не из истинной сущности личности, не из целеустремленности существенной значимости. По нашим материалам ясно видно, что их цели весьма изменчивы. Этим лицам на протяжении жизни характеризует множество диаметрально противоположных целеустремленностей.

Один из таких субъектов, по специальности инженер, в разное время был учителем, воспитателем, заводским рабочим, мастеровым, продавцом. Под влиянием различных обстоятельств он стал учителем. На этом поприще испытуемый проявил большое усердие, «увлеченность» идеей честного выполнения долга преподавателя. Затем, вследствие тяжелых семейных условий, он оставил педагогическую деятельность и пошел на лучше оплачиваемую работу. Был инженером, членом заводского коллектива. Затем жизнь неожиданно перебросила его в шоферы, затем в продавцы. В данный момент он работает завхозом большого учреждения, и его как специалиста по другой отрасли (инженер) требу-

ют на работу по специальности. Он согласен без всяких претензий вернуться к своей специальности. Одновременно он и поэт, даже издал сборник своих стихов. Интересно как он стал поэтом. В одном из приморских городов с ним сблизилась молодые начинающие поэты (в тот период он был занят коммерческими делами). В этой ситуации его увлекло желание завоевать имя писателя. Он писал стихи, читал их «поэтам», те его восхваляли и он продолжал сочинять. Издал сборник стихов. Пятнадцать лет, как он не написал ни строчки, у него нет на то никакой потребности, и он не сожалеет об этом. Он вспоминает период своего сочинительства с нескрываемым пренебрежением и насмешкой. Он всегда заботился о своей семье, о своих родителях и братьях.

Еще один из наших испытуемых тоже пережил увлечение эстетическими стремлениями. Его мать была высококвалифицированной преподавательницей музыки. Он сам с детства проявлял музыкальные способности. Обучался музыке. Написал оперетту, поставленную в одном из городов Украины (в подтверждение этого испытуемый показал нам рукописное либретто и печатную программу театра). Был даже режиссером одного из театров. Впоследствии, под влиянием жизненных условий, он совершенно забросил искусство. В настоящее время он не обнаруживает склонности к музыке, хотя хорошо играет на рояли и обладает хорошим слухом. В последнее время он работает радиотехником с довольно высокой квалификацией и одновременно служит в лаборатории одного из научных учреждений. Как-то внезапно у него появился импульс бросить эту профессию, он пытался стать преподавателем одного из иностранных языков. Выяснилось, что он женился на преподавательнице иностранного языка, с которой он счастливо прожил два года. По вине своего «неспокойного характера» он был вынужден разойтись с нею.

В настоящее время он работает радиотехником и очень доволен своей профессией. Он легко приспосабливается к любой среде. При этом любая актуальная цель общественной социальной среды может стать целью этой личности. Следует отметить в его жизни множество диаметрально противоположных фактов высоко-морального и аморального поведения. По его словам, он в жизни попадал в омут разврата, бывал рабом животных импульсов, но бывал также и самоотверженным борцом за ближнего, за семью, за благо родины, в зависимости от того какова была ближайшая ситуация, где он жил.

Одна женщина такого типа была очень сговорчива, будучи лишена твердой воли, легко подпадала под чужое влияние. Совсем молодой девушкой она стала жертвой какого-то ловеласа. Несколько лет она была им увлечена. Потом он ос-

тавил ее, грубо отказавшись от любви соблазненной им женщины. Все её стремления, цели в период любви протекали под знаком приоритета витальных импульсов. После разрыва она вновь вернулась к честной жизни. Это увлечение не оставило в ней глубоких следов. Она удачно вышла замуж, создала семью, имела детей, считалась честною, идеальной матерью. И вдруг неожиданно ее увлек явно неустойчивый в моральном отношении «дон-жуан», стремления и внутренние кредо которого были диаметрально противоположны идеалам нашей испытуемой. Однако, как оказалось, ее не смогли удержать чувства уважения ни к мужу, ни к отцу, ни к детям, ни к всей семье, никакая мораль. Она безвольно покорилась ситуации, хотя разум ее и протестовал против такого поступка, сдержать импульс ей не удалось. Она не была личностью сильных сексуальных потребностей, наоборот, ее никогда не тревожила нереализованность этого импульса. В то же время любовь ее не была глубокой, что и выяснилось, когда она была вынуждена избавиться от этой ситуации. Несмотря на это, целью своей жизни она считала «вечное» совместное существование с «любимым» человеком. Она полностью окунулась в ситуацию, совершенно потеряла уважение к семейной и общественной этике, с полным пренебрежением и равнодушием отнеслась к общественному мнению. Семья ее распалась. Поругание семьи также не вызвало в ней глубоких внутренних конфликтов. Когда объект ее любви уехал, она, по собственному ее признанию, пережила это довольно легко и вернулась к семейной и общественной жизни. Перед нею открылся новый мир целей. Мы можем привести множество подобных примеров для характеристики лиц подобного типа.

В отношении таковой личности исключены прочные, ведущие, магистральные цели на большом отрезке жизненного пути. Целеустремленность каждой новой ситуации, будь то моральная или аморальная, вызывает активность личности, которая разумом, конечно, осознает цели, знает, что делает, чему служит. Она обсуждает вопросы, связанные с целью, борется, переживает радость или горе в зависимости от достижения или недостижения цели. Но, т. к. цель не опирается на активные потребности личности, она изменяет ей при первом же подходящем случае и переключается в новом направлении.

Для характеристики своеобразий смены целей интересно познакомиться с волевой сферой таких лиц. Клиническое исследование воли дает следующую картину: анализ жизни и переживаний наших испытуемых подтвердил, что они редко замечали в себе характерное для волевого акта чувство самоактивности. Такое переживание сопутствует всякому разумному акту решения. Личность в процессе решения перс-

живает собственную индивидуальность, независимость, она активна, деятельна, является ведущей в течении собственных переживаний, управляет собственными импульсами. Именно такое переживание либо слабо намечено, либо вовсе исключено в случае отмеченного типа. Причину этого следует искать в слабой воле этих лиц. Часто создается впечатление, будто этот акт полностью выключен из их психической жизни. Наши испытуемые заявляют, что они начинают новое дело сразу, без всякого обдумывания. Им незнакомо внутреннее напряжение, переживания, связанные с решением, действия их импульсивны.

Анализ жизни наших испытуемых показывает, что ведущим в их поведении является не вытекающая из личности активность — воля, а ситуация, принуждающее к подобному действию. При этом они не переживают остро и глубоко это принуждение. В случае, когда на пути выполнения действия, к которому вынуждает ситуация, не встречаются большие препяды, настроение, расположение личности будто преисполнено удовольствия. Она старается показать окружающим, что это достигнуто в результате ее решения. Зачастую характерна излишняя преданность начатому делу, самоотверженная и энергичная борьба за достижение «цели». В процессе действия характерны беспокойство, халатность, суетливость. Личность часто полна ажиотажа, чрезмерно восторжена. Создается впечатление, что она рождена именно для данного дела, которое и является ее призванием. Однако, если наблюдать в продолжение длительного периода времени все нюансы ее поведения, станет заметно одно, существенное для данной личности свойство, которое не сразу удастся обнаружить. В глубине души личность совершенно индифферентна к делу, порой, наоборот, чувствует даже ненависть к нему. В каждый подходящий момент она готова изменить возложенному на нее внешней средой делу, и позволяет себе это, если подвернется удобный к тому случай. В процессе деятельности у нее чувствуется внутреннее «переутомление», отсутствие энергии, активность ее не поощряется внутренней симпатией, исходящей из глубины души теплотой и любовью. Ажиотированный восторг и горе являются лишь компенсацией, маской внутреннего индифферентизма и нигилизма. В процессе активности личность часто проговаривается, выражая скрытый порыв: «Переутомился, не могу больше!»... «Будь оно проклято, бесконечное дело»... «Когда же настанет конец моим мучениям»... и т. д. В глубине души личность чувствует пустоту, истощение, бесцельность.

В случаях, когда исполнение возложенного на нее ситуацией действия встречают препятствия, ажиотаж достигает апогея. Для нее характерны колебания, плохое настроение,

сожаления, излишняя возбудимость, нервность. Она вечно ищет опоры в других, просит с помощью.

В этом отношении интересен человек данного типа, занимающий ответственную должность. В глубине души он переживает неловкость и беспокойство, т. к. знает слабость своего характера, чувствует, что неспособен избавиться от постороннего влияния. Было бы целесообразнее оставить эту работу, требующую твердой воли, вынесения твердого решения и принятия на этой почве энергичных мер, перемены решения в соответствии с ситуацией, поисков нового, необходимого решения. Он настолько связан с внешней средой, втянут в ситуацию, что ему не удастся это сделать. В интимном кругу он постоянно жалуется: «Когда же избавлюсь от этого положения, не могу выносить такую ответственность, хотя бы меня сняли».

В учреждении такой человек обязательно опирается на какое-либо доверенное лицо, совет которого является для него законом. Решение вместо него выносит другой. Он управляет учреждением чужими руками. В случае неимения такого советника он делается жертвой кривотолков, посторонних соображений. Относительно одного и того же вопроса он часто меняет мнение — «решение». Он постоянно находится в таком сумбуре, пока счастливый случай не избавит его от этого положения. Такое состояние личности нелегко заметить постороннему. Ему удается компенсировать свой недостаток напряженным, серьезным выражением лица, подчеркиванием своей твердости, принципиальности и преданности делу. Позерство, суэта, строгое и грубое отношение к сотрудникам, бесконечные разговоры, неожиданные взрывы все это создает впечатление, что это человек сильных импульсов, принципиальный, волевой. Однако в критические минуты поза исчезает и обнажается безвольное, беспомощное существо. Особенности импульсивности и слабой воли личности подчеркиваются также и тем, что ее совершенно не характеризует предварительное планирование будущего поведения. Никто из наших испытуемых не мог назвать такого действия на своем жизненном пути, которое бы проводилось по заранее обдуманному плану.

Отсутствие плановости и неурегулированность поведения являются характерными чертами таких личностей. Что борьба за цель не вытекает из сущности личности, видно и из того обстоятельства, что невыполнение возложенного дела она не переживает остро. Для нее совершенно не характерны печаль, горе, уныние. Неудачи не отражаются на ней болезненно. Безуспешность действий, подсказанных прошлой ситуацией, как будто не касаются этой личности. Ввиду того, что

поступки
установки
рактически
ностью. С
пережива
ность че
такого
довольств
неустойчи
ное, песс
Чувств
зуются ко
поверхнос
не овладе
окружающ
творит. О
нают хар
Извест
риода: «Д
обнаружи
иногда и
он подчас
упрямый,
чаях согла
чему угод
ство, выно
господству
вуют, хотя
истеричны
было бы
о полной
Состо
гически-ис
истерии, н
этих лиц
Они никог
рактера о
го воззре
больных
на⁵³. Указ
ные нам
ний и пов
51 П. В
52 К. М
Функ. нервн.
53 И. Б
9. Вл.

поступки личности не вытекают из интенсивной и глубокой установки, сопутствующие действию переживания всегда характеризуются поверхностностью и внутренней индифферентностью, бездушностью. В глубине души всегда господствует переживание печали, вытекающее из убеждения, что эта личность человек зависимый, не имеющий своего «я». На почве такого убеждения в личности утверждаются переживание недовольства, неуверенности, недостаточности, вследствие чего неустойчивое настроение часто переходит в слегка депрессивное, пессимистическое.

Чувства к окружающим у таких лиц также характеризуются колебаниями и странностями. Их дружба, симпатии поверхностны, скоропроходящи. Ни одно чувство полностью не овладевает подобной личностью. Она легко осуждает окружающих, поносит их, либо, наоборот, чрезмерно боготворит. Особенности характера этих лиц безусловно напоминают характер истероида.

Известный психиатр Ганушкин так характеризует истероида: «Добрый, мягкий, даже любящий, в одном случае, он обнаруживает полнейшее равнодушие, крайний эгоизм, а иногда и жестокость — в другом. Гордый и высокомерный, он подчас готов на всевозможные унижения; неустойчивый, упрямый, вплоть до негативизма, он становится в иных случаях согласным на все, послушным, готовым подчиниться чему угодно; бессильный и слабый проявляет энергию, упрямство, выносливость в том случае, если того требуют законы, господствующие в его психике. Эти законы все же существуют, хотя бы мы их и не знали, хотя бы проявления психики истеричных были бы разнообразны и калейдоскопичны, что было бы правильнее думать не о закономерности явлений, а о полной анархии»⁵¹.

Состояние наших испытуемых нельзя отнести к патологически-истерическому; это скорее преморбидное состояние истерии, нормальный вариант, граничащий с истерией, хотя этих лиц не характеризуют истеричные стигматы, припадки. Они никогда не болели неврозами, однако, по структуре характера они ближе всего стоят к истероидам. В пользу этого воззрения говорит и то, что фиксированная установка больных истерическими неврозами вариabильна⁵² и лабильна⁵³. Указанные Ганушкиным и другими авторами непонятные нам неравномерность и анархичность течения переживаний и поведения станут для нас понятными, если обратить

⁵¹ П. В. Г а н у ш к и н, Клиника психопатии. М., 1933, стр. 47.

⁵² К. М д и в а н и, Иллюзия установки в случае истерии. Труды Инст. Функ. нервн. забол., 1935.

⁵³ И. Б ж а л а в а, Травматические неврозы и установки.

внимание на слабость потребностей и установки, изменчивость, лабильность, обуславливающих проявление потребности и установки.

Нет ничего удивительного, что течение их переживаний и поведения неурегулировано, анархично.

Любое проявление характера имеет определенную внутреннюю логику. В данном случае такая логика обусловлена слабыми потребностями, интересами, фиксированными готовностями. На основе признания таких свойств становится понятной причина эмоциональной лабильности, внутренней беспомощности, непринципиальности, эксцентричного упрямства в борьбе за идею, суетливости, позерства подобных лиц.

Внутренне сильная, волевая личность сама стремится к соответствующей ситуации, сама ее ищет; ей удастся урегулировать ситуацию, она сама создает условия и меняется под влиянием измененных условий. Принуждению ситуации личность противопоставляет сильные потребности и установки, принимает либо отбрасывает ее. В случае слабовольной, но сильных импульсов экспансивной личности редко когда остаются нереализованными сильные, превратившиеся в импульс стремления. Ей удастся их реализовать в импульсивном поведении, хотя вследствие этого личность часто вступает в конфликт с внешней средой. Реализация же стремлений наших испытуемых по существу зависит от случайных условий. Личности не хватает сил для длительного сохранения этих стремлений (лабильность), хотя бы настолько, чтобы на этой почве развернуть последовательное поведение. Воля лишена прочной основы активности, интересов, прочных потребностей. Установки не обладают энергией для выбора соответствующей ситуации. Нереализованные стремления, ставшие импульсами, почти всегда получают воплощение в подобной, но случайной ситуации (зачастую неадекватной), что вызывает несоответствующее поведение, неустойчивость настроения, эмоциональную лабильность.

Итак, подобные люди, вследствие слабости самоактивности личности и фиксации жизненно важных готовностей, стремлений, вечно поглощены неосуществленными стремлениями и пребывают в ожидании реализации этих стремлений. Названное обстоятельство превращается в источник постоянного внутреннего беспокойства, порой пустых грез.

Невзирая на столь дезорганизованный характер, подобные лица в урегулированной определенной социальными целями внешней среде остаются вполне полноценными людьми. Они вовлечены в семейную и широкую общественную жизнь и нередко добиваются больших успехов. Способствующая социальной активации человека общественность регулирует характер такого

человека. При наличии лабильных эмоций, эксцентричного проявления внутренних и внешних конфликтов подобный субъект борется за утвердившиеся в нашем обществе высокие идеи, подчиняясь в то же время раньше других воздействию аморальной среды.

Структура характера человека такого типа, как видим, конфликтна. Конфликт в данном случае не обусловлен резким противоречием между импульсами установки и волевыми целями, ни сильной импульсивностью, превращающей личность в неорганизованное существо. Здесь, вследствие снижения активности воли, причиной конфликтности становится обусловленность течения поведения и переживаний личности ситуацией. Личность не в силах долгое время сохранять «свойства», фиксированные приоритетом текущей актуальной ситуации таким образом, чтобы на почве этих «свойств» было бы возможно развернуть последовательное поведение. Воля лишена твердой почвы для активности, что создает переживание внутреннего бессилия, зависимости.

Импульсивное течение экспериментально фиксированной установки таковых личностей вариабильно-лабильное. Показатель вариабильности равен 100%, лабильности — 82—96%. Они выявляют различные формы течения фиксированной установки: слабая и прочная пластично-динамичная и грубо-динамическая, редко грубо-локальная и грубо-иррадированная, а также пластично-статическая. У них часто вообще не фиксируется установка (нулевая). Лица, входящих в этот тип, не характеризует особый оптимум возбудимости, фиксированная установка у них локальна. Они характеризуются слабой возможностью распространения с одной модальности на другую. Показатель локальности установки колеблется между 44—79%.

Фиксированная установка настолько лабильна, что зачастую не сохраняет силу действия даже в продолжение одного часа.

1456 опытов, проведенных над 29 испытуемыми, подтверждают, что фиксированная установка абсолютного большинства таких лиц вариабильна и лабильна.

В опытах фиксации установки представлением (эти опыты были проведены над лицами с нулевой установкой) они выявляли весьма слабую установку (1—2 иллюзии). В опытах фиксации установки на качественных отношениях легко удается переключение со слабо выраженным торможением. Ввиду того, что в них не фиксируется прочная установка, не наблюдается внутренней ведущей силы, перед ними собственно и не ставится вопрос о торможении импульса, об опосредовании импульсивного поведения.

Установка таких лиц, как мы видели, вариабильно-лабильна, т. е. у них не фиксируется установка особого типа.

Чаще всего установка у таких лиц не фиксируется вовсе. Это означает невозможность фиксации установки в экспериментальных условиях. Д. Н. Узнадзе предлагал относительно этого вопроса следующую гипотезу: «Это те испытуемые, у которых в условиях данного количества установочных опытов совершенно не вырабатывается иллюзия установки и критические объекты всегда кажутся малыми. В условиях, вполне достаточных для других, у них не вырабатывается достаточно стойкая установка, чтобы посредством этой последней они получили бы какую-либо внутреннюю опору для противопоставления воздействию внешних впечатлений. Следует думать, что в данном случае мы имеем дело с лицами, почти совершенно лишенными внутренней ведущей силы, полностью находящимися во власти внешних впечатлений и характеризующимися величайшей экстравертностью⁵⁴.

Наше исследование вполне оправдало эту гипотезу. Типы характеров, описанные нами выше, именно тем и характеризуются, что эти лица лишены внутренней ведущей силы, у них исключены действующие на большом отрезке жизненного пути магистральные потребности, цели, в случае если им всесторонне не содействуют внешние условия. Личность не имеет сил для длительного сохранения импульса установки, фиксированной приоритетом текущей внешней ситуации, чтобы на почве такой установки было бы возможно развернуть последовательное импульсивное поведение. Воля лишена твердой основы активности, внутренней опоры.

Лабильность импульсивного поведения означенных лиц, обусловленность его ситуацией, внутренняя неустойчивость соответствуют частой невозможности твердой фиксации прочной установки в условиях эксперимента. В то же время установки, фиксированные в этих условиях, неустойчивы во времени. В результате клинических исследований выяснилось, что в них мало установок большого личностного веса, благодаря чему они могли бы противопоставить себя объективному миру. Способность фиксации установки различной формы, вариабильность совпадают с отсутствием внутренней логики (в случае импульсивного поведения), такой логики, на почве знания которой всегда можно предсказать, какое поведение выявит личность по отношению к явлениям определенного порядка. Когда у такого человека фиксируется динамическая установка, его импульсивное действие легко переключается. В момент фиксации установки грубо-статической его импульсивность характеризуется упрямством, прикованностью к своему субъективному миру или же у него

⁵⁴ Д. Н. Узнадзе, К психологии установки. Материалы к психологии установки, 1938, стр. 38.

вовсе. Спери- ситель- уемые, зочных овки и овях, вается этой опору ений. с ли- ей си- чатле- тивно- совершенно отсутствует внутренняя ведущая сила, т. е. он является игрушкой любого впечатления. Сильный внутрен- ний импульс не влечет подобную личность к активности. Только ситуация может активировать имеющуюся в лич- ности слабую потребность и в некоторых случаях фиксиро- вать готовность соответствующего поведения. Каждая си- туация может слабо фиксировать стремления у личности и вызвать соответствующее действие. Вследствие этого как действие, так и переживания могут быстро сменять друг друга. Такое переживание не является прочным и основа- тельным, оно часто бывает текуче и изменчиво в зависимо- сти от ситуации. Импульс экспериментально-фиксированной установки также изменчив, лабилен.

Таким образом, интенсивные исследования, проведенные над нормальными субъектами для решения вопроса о взаи- моотношениях характера и фиксированной установки, пока- зали, что четко выраженному типу характера соответствует четко выраженный тип экспериментально фиксированной ус- тановки.

Между тремя основными типами характера и типами ус- тановки существует четко выраженное качественное соответ- ствие. Результаты психологического анализа этого соответ- ствия показывают, что связь установленная между типами структуры характера и типами установки, имеет существен- ное и глубокое значение. Эта качественная связь настолько ясная и четкая, что мы можем с полной уверенностью за- ключить, что проявление свойств характера отмечено печатью своеобразия установки. В основных свойствах фиксирован- ной установки отчетливо отражены основные свойства струк- туры характера. Люди, отличающиеся друг от друга харак- терологически, в то же время являются носителями своеоб- разных, вполне определенных проявлений фиксированных ус- тановок. Это дает нам право утверждать, что основные об- щие структурные особенности человека по крайней мере в ос- новном вырастают на базе типологически различных форм активности его установки.

Итак, мы различаем следующие характерологические группы: 1) группу цельных гармоничных субъектов с плас- тично-динамической и грубо-динамической установкой, 2) группу конфликтных субъектов с фиксированной статиче- ской установкой и 3) группу конфликтных субъектов — с вариабильной установкой.

Подтверждением глубокой и существенной связи между установкой и типом характера может служить то обстоя- тельство, что незначительное изменение какого-либо важно-

го компонента установки влечет за собой и своеобразное изменение компонентов структуры характера. Ослабление одной из сторон (возбудимость, константность, стабильность, прочность и др.), данной в виде единого структурного целого фиксированной установки, избыточное выявление или полное ее выпадение своеобразно отражается и на структуре характера личности.

Причинное взаимоотношение между типом структуры характера и типом установки доказывается интенсивными исследованиями, проведенными с целью выяснения вопроса взаимоотношений изменения характера и фиксированной установки. Всякое изменение характера, происшедшее в обычных условиях жизни либо вызванное тяжелой критической ситуацией, явно отражается в фиксированной установке.

Исследования показали, что структура характера меняется, но положительные либо отрицательные условия жизни лишь в том случае играют роль в изменении характера, если этим факторам удастся изменить особенности фиксированных установок большого личностного веса и выработать в личности новые как по форме, так и по содержанию установки. Изменение характера происходит лишь в том случае, если изменяется структура установок личности — отношение между первым и вторым планом деятельности. Установлено, что в личности, не имеющей внутренних ведущих сил — сильных потребностей, установок большого личностного веса, может произойти активация социальных потребностей, укоренение новых установок большого личностного веса, может усилиться импульс борьбы за новые цели, а на этой основе и воля способна найти внутреннюю опору для раскрытия своей активности, может измениться и структура характера личности. Возможны и другие аналогичные случаи, но основанием изменения характера личности везде является изменение структуры установок. Изменения сказываются в первую очередь в свойствах, характерных для второго плана структуры личности (плана объективации, воли). Новые свойства, новое содержание измененного второго плана деятельности постепенно своеобразно преобразуют и направляют свойства первого плана; в особенности формальную сторону импульсивного поведения. Изменения формальной стороны импульсивного поведения, связанные с изменением свойств второго плана, ясно выявляются в экспериментально-фиксированной установке⁵⁵.

Установленные типы структур характера оказались настолько жизненными, что приобрели большое значение в

⁵⁵ По этому вопросу см. В. Г. Н о р а к и д з е, Динамика изменения характера, изд. АН ГССР, Тбилиси, 1961.

[illegible]

Типы характера Чувств. модальности Количеств. подопыт. лиц Количество опытов	Виды течения установки				○	Типы установки					Стойкость			Констан- тность		С т а б и л ь н о с т ь										И р р а д и а ц и я с гаптического на оптический																
	статичность	грубость	динамичность	пластичность		пласт.-динамич.	грубо-динамич.	статический слабый	пластическо-ста- тический	грубо-статическ.	слабый	стойкий	среднее колич. контрастн. иллюз.	вариабильный	константный	лабильность	стабильность	слабый	стойкий	виды установки					типы установки					пласт.-дин. стойк.	пласт.-дин. слаб.	грубо-дин. стойк.	грубо-дин. слаб.	грубо-дин. асим.	статическ. слабый	пластичн.-статич.	грубо-статическ.	○				
																				статичность	грубость	динамичность	пластичность	○	пласт.-динамичн.	грубо-динамичн.	статический слабый	пластическо-ста- тический	грубо-статичес- кий													
I Гармонический	опт.	33	165	—	15,8	80	81,8	3,6	81,2	15,2	—	—	—	21,2	78,8	13,5	12,1	87,8	15,7	84,3	18,1	16,2	—	35,7	56	20	44,3	20	35,7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
	гапт.	33	165	—	13,3	99	86,1	0,6	86,1	13,3	—	—	—	20	80	15,7	21,2	78,8	9,1	90,9	33,3	57,6	—	32,7	56	23	44,2	23	33	—	—	—	3	3	—	45,5	12,1	3	—	—	33,3	
	мотор	33	165	3	17	78,2	82,4	0,6	82,4	13,9	—	—	3	21,8	78,2	16,4	12,1	87,8	12,1	87,8	24,8	63,6	3	31,5	56	24	42	24	32	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
II гармонический	опт.	38	190	2,6	92,6	98,6	1,5	0,5	1	95,3	—	0,5	2,6	37,3	62,1	11	5,2	94,7	15,8	84,2	39,5	44,7	1	41	47	6,8	52,2	5,8	41	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
	гапт.	38	190	6,8	96,8	93,1	4,1	—	4,1	88,9	—	—	6,8	27,9	72,1	15,4	7,4	92,1	15,3	84,2	34,2	50	6,2	39	44	6,3	51,6	5,8	38	—	3,5	2	—	—	10,5	26,2	10,5	7,4	—	—	44,7	
	мотор	38	190	4,1	92,1	94,1	7,8	1	6,8	88,9	—	—	3,6	25,7	74,2	15,4	7,4	92,1	15,8	84,2	31,6	52,6	—	37	46	8,4	53	8,3	37	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Конфликтный	опт.	31	155	57,4	70	14,8	3,8	28,4	1,3	13,5	—	1,9	54,8	—	71,6	35	15	85	26	74	22,6	52,0	27,7	40	22,6	11,6	50	10,3	12,3	6,5	1,5	20	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	гапт.	32	160	99,4	93,1	0,6	6,2	—	0,6	—	—	6,2	93	—	100	40	3,1	96,8	—	100	18,7	81,2	71,2	70	7,5	16,3	20,6	1,9	5,6	3,1	14,4	54,1	—	—	11	—	—	—	—	89	—	
	мотор	31	155	92,2	88,4	3,8	4,3	1,2	1,3	4,3	—	9	84,5	—	100	40	9,7	90,3	—	100	22,6	77,4	61,3	63	13,5	13	23,9	3,8	11	2,6	9	49,7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
I Импульсивный	опт.	19	95	29,4	41	48,9	27,3	31,6	16,8	22	—	10,5	18,9	17,6	50,5	14	94,7	5,2	15,7	84,3	57	27	11	27	38	21	51	15,7	22	1	5,3	5,3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	гапт.	19	95	54,7	50,5	34,7	28,4	10,5	15,7	18,9	—	12,6	42,1	12,6	75,7	24,7	100	—	—	100	42	58	39	53	42	28	19	18,9	23	—	9,4	29,4	—	—	26,3	15,7	—	5,2	15,7	10,5	26,3	
	мотор	19	95	52	57,8	37,8	32,6	9,4	15,7	22	—	16,8	35,7	17,6	70,5	24	100	—	—	100	48	52	24	53	53	27	20	21	35	—	6,3	17,6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
II Импульсивный	опт.	29	145	12	33,1	48,3	24,8	35,8	22,7	28,9	—	6	4	32,2	32,8	13,9	100	—	96	3,4	3,4	—	—	—	0,6	0,6	99,4	0,6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
	гапт.	29	145	28,9	52,4	48,9	24,1	23,5	15	32,4	0,5	7,6	20	16,5	60	15,6	100	—	82,7	17	17	—	—	—	3,4	3,4	96,6	3,4	—	—	—	—	—	3,4	3,4	3,4	6,9	3,4	—	—	79	
	мотор	29	145	20	51	53,6	20,7	26,2	13,8	40	—	7	11	24,1	46,3	13,8	100	—	96	3,4	3,4	—	—	—	0,6	0,6	99,4	0,6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	

[illegible]

Типы характера	Чувств. модальности	Количеств. подопыт. лиц	Количество опытов	Виды течения установки				О	Типы установки					Стойкость			Константность		С т				
				статичность	грубость	динамичность	пластичность		пласт.-динамич.	грубо-динамич.	статический слабый	пластическо-статический	грубо-статическ.	слабый	стойкий	среднее колич. контрастн. иллюз.	вариабильный	константный	лабильность	стабильность	слабый	стойкий	
I Гармонический	опт.	33	165	—	15,8	80	81,8	3,6	81,2	15,2	—	—	—	21,2	78,8	13,5	12,1	87,8	15,7	84,3	18,1	16,2	
	гапт.	33	165	—	13,3	99	86,1	0,6	86,1	13,3	—	—	—	20	80	15,7	21,2	78,8	9,1	90,9	33,3	57,6	
	мотор	33	165	3	17	78,2	82,4	0,6	82,4	13,9	—	—	3	21,8	78,2	16,4	12,1	87,8	12,1	87,8	24,8	53,6	
II гармонический	опт.	38	190	2,6	92,6	98,6	1,5	0,5	1	95,3	—	0,5	2,6	37,3	62,1	11	5,2	94,7	15,8	84,2	39,5	44,7	
	гапт.	38	190	6,8	96,8	93,1	4,1	—	4,1	88,9	—	—	6,8	27,9	72,1	15,4	7,4	92,1	15,3	84,2	34,2	50	
	мотор	38	190	4,1	92,1	94,1	7,8	1	6,8	88,9	—	—	3,6	25,7	74,2	15,4	7,4	92,1	15,8	84,2	31,6	52,6	
Конфликтный	опт.	31	155	57,4	70	14,8	3,8	28,4	1,3	13,5	—	1,9	54,8	—	71,6	35	15	85	26	74	22,6	52,0	2
	гапт.	32	160	99,4	93,1	0,6	6,2	—	0,6	—	—	6,2	93	—	100	40	3,1	96,8	—	100	18,7	81,2	7
	мотор	31	155	92,2	88,4	3,8	4,3	1,2	1,3	4,3	—	9	84,5	—	100	40	9,7	90,3	—	100	22,6	77,4	61
I Импульсивный	опт.	19	95	29,4	41	48,9	27,3	31,6	16,8	22	—	10,5	18,9	17,6	50,5	14	94,7	5,2	15,7	84,3	57	27	1
	гапт.	19	95	54,7	50,5	34,7	28,4	10,5	15,7	18,9	—	12,6	42,1	12,6	75,7	24,7	100	—	—	100	42	58	3
	мотор	19	95	52	57,8	37,8	32,6	9,4	15,7	22	—	16,8	35,7	17,6	70,5	24	100	—	—	100	48	52	2
II Импульсивный	опт.	29	145	12	33,1	48,3	24,8	35,8	22,7	28,9	—	6	4	32,2	32,8	13,9	100	—	96	3,4	3,4	—	—
	гапт.	29	145	28,9	52,4	48,9	24,1	23,5	15	32,4	0,5	7,6	20	16,5	60	15,6	100	—	82,7	17	17	—	—
	мотор.	29	145	20	51	53,6	20,7	26,2	13,8	40	—	7	11	24,1	46,3	13,8	100	—	96	3,4	3,4	—	—

установки	Стойкость				Констан- тность		С т а б и л ь н о с т ь										И Р Р							
							виды установки					типы установки					с гаптичес				пласт.-дин. стойк.	пласт.-дин. слаб.	грубо-дин. стойк.	грубо-дин. слаб.
	грубо-статическ.	слабый	стойкий	среднее колич. контрастн. иллюз.	вариабильный	константный	лабильность	стабильность	слабый	стойкий	статичность	грубость	динамичность	пластичность	О	пласт.-динамичн.	грубо-динамичн.	статический слабый	пластическо-ста- тический	грубо-статичес- кий				
—	—	21,2	78,8	13,5	12,1	87,8	15,7	84,3	18,1	16,2	—	35,7	56	20	44,3	20	35,7	—	—	—	—	—	—	—
—	—	20	80	15,7	21,2	78,8	9,1	90,9	33,3	57,6	—	32,7	56	23	44,2	23	33	—	—	—	3	3	—	45,5
—	3	21,8	78,2	16,4	12,1	87,8	12,1	87,8	24,8	53,6	3	31,5	56	24	42	24	32	—	—	—	—	—	—	—
0,5	2,6	37,3	62,1	11	5,2	94,7	15,8	84,2	39,5	44,7	1	41	47	6,8	52,2	5,8	41	—	1	—	—	—	—	—
—	6,8	27,9	72,1	15,4	7,4	92,1	15,3	84,2	34,2	50	6,2	39	44	6,3	51,6	5,8	38	—	3,5	2	—	—	10,5	26,5
—	3,6	25,7	74,2	15,4	7,4	92,1	15,8	84,2	31,6	52,6	—	37	46	8,4	53	8,3	37	—	—	—	—	—	—	—
1,9	54,8	—	71,6	35	15	85	26	74	22,6	52,0	27,7	40	22,6	11,6	50	10,3	12,3	6,5	1,5	20	—	—	—	—
6,2	93	—	100	40	3,1	96,8	—	100	18,7	81,2	71,2	70	7,5	16,3	20,6	1,9	5,6	3,1	14,4	54,1	—	—	11	—
9	84,5	—	100	40	9,7	90,3	—	100	22,6	77,4	61,3	63	13,5	13	23,9	3,8	11	2,6	9	49,7	—	—	—	—
0,5	18,9	17,6	50,5	14	94,7	5,2	15,7	84,3	57	27	11	27	38	21	51	15,7	22	1	5,3	5,3	—	—	—	—
6,6	42,1	12,6	75,7	24,7	100	—	—	100	42	58	39	53	42	28	19	18,9	23	—	9,4	29,4	—	—	26,3	15,7
5,8	35,7	17,6	70,5	24	100	—	—	100	48	52	24	53	53	27	20	21	35	—	6,3	17,6	—	—	—	—
5	4	32,2	32,8	13,9	100	—	96	3,4	3,4	—	—	—	0,6	0,6	99,4	0,6	—	—	—	—	—	—	—	—
6,6	20	16,5	60	15,6	100	—	82,7	17	17	—	—	—	3,4	3,4	96,6	3,4	—	—	—	—	—	3,4	3,4	3,4
7	11	24,1	46,3	13,8	100	—	96	3,4	3,4	—	—	—	0,6	0,6	99,4	0,6	—	—	—	—	—	—	—	—

[illegible]

деле прогноза своеобразных личности при психических взаимосвязи преморбидной и психоневрозов выявлены тельным из которых является нами типы характера образе изменений в характере. Ниже мы обсудим частности, результаты исследования преморбидным характером и п

ПРЕМОРБИДНАЯ ЛИЧНОСТЬ И ЗАБОЛЕВАНИЕ

ПРОБЛЕМА И МЕТОДЫ

В психопатологии пер вопрос: какова взаимосвязь и психозом? Каково участие в развитии психоза? Имеет ли какое-либо значение преморбидности и патогенеза? Эта проблема со времен Крепелина, и до сих пор совершенно различно. Идея о преморбидной личности психиатрии имеет большое значение для понимания психозов. Была сделана попытка выявить факторы, способствующие возникновению психозов, в частности клинической картины. Показывает, что меланхолия, депрессия, для шизоидов, может стать предвестником психического психоза⁵⁶.

Наше исследование не ставит себе целью решить этот вопрос об отношении личности к психозу с психологической точки зрения; исследуем характер преморбидной личности больных психическими заболеваниями, опираемся на установленные типологии психических заболеваний, классификацию и типологию психического заболевания, выявляем характерные для определенных психических заболеваний патологические реакции, описанные на основе понятий

⁵⁶ И. П. Павлов, И.

деле прогноза своеобразных изменений структуры характера личности при психических заболеваниях. При исследовании взаимосвязи преморбидной личности с явлениями психозов и психоневрозов выявлены важные факты, самым значительным из которых является то, что некоторые установленные нами типы характера обуславливают возможное своеобразие изменений в характере личности в результате заболевания. Ниже мы обсудим некоторые из этих фактов, в частности, результаты исследования отношения между преморбидным характером и психозом.

ПРЕМОРБИДНАЯ ЛИЧНОСТЬ И ПСИХИЧЕСКИЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ

ПРОБЛЕМА И МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ

В психопатологии перед всеми клиницистами возникает вопрос: какова взаимосвязь между преморбидной личностью и психозом? Каково участие преморбидной личности в формировании психоза? Имеет ли знание преморбидной личности какое-либо значение для понимания клинической картины и патогенеза? Эта проблема стоит перед психопатологами со времен Крепелина, и различные исследователи решают ее совершенно различно. И. П. Павлов считал, что изучение преморбидной личности психически больного человека имеет большое значение для установления структуры психоза. Им была сделана попытка выяснить значение типа темперамента для возникновения психозов и неврозов и для характеристики клинической картины заболевания. И. П. Павлов указывает, что меланхолический темперамент, характерный для шизоида, может стать источником развития шизофренического психоза⁵⁶.

Наше исследование касается именно этой проблемы. Мы не ставим себе целью всесторонне осветить весьма сложный вопрос об отношении личности и психоза. Мы здесь касаемся вопроса с психологически феноменологической точки зрения; исследуем характерологические особенности преморбидной личности больных психозом. В своем исследовании мы опираемся на установленную нами на основе психологии установки типологию личности и выявляем, какую модификацию испытал определенный тип человека под влиянием психического заболевания, — понятны ли психологически характерные для определенного характерологического типа патологические реакции. Следует отметить, что установленные на основе понятия установки типы характера оказались

⁵⁶ И. П. Павлов, Избранные труды. М., 1951, стр. 328.

настолько реальными, что особенно в случае психического заболевания, они обнаружили совершенно определенное значение для прогноза изменения особенностей личности: преморбидный характер, в случаях некоторых психозов и неврозов (шизофрении, истерии), определяет клиническую картину заболевания, его течение, и иногда прогноз (в случае истерии). С этой точки зрения мы изучили до 500 людей больных психоневрозами и психозами (шизофрения, циклофрения, инволюционный психоз и т. д.). Здесь мы коснемся только преморбидной личности больных шизофренией, циклофренией и инволюционным психозом.

В Тбилисском психоневрологическом институте мы клинико-экспериментальным методом изучили: преморбидную личность больных указанными психозами, клиническую картину заболевания и состояние фиксированной установки. Своеобразие импульсивно-установочного поведения (первый уровень психики) изучалось нами классическим методом фиксированной установки, выработанным Д. Н. Узнадзе⁵⁷. Были изучены: возбудимость, прочность, константность, иррадиация, стабильность и типологические особенности установки, фиксированной в оптической и галитической сферах. Второй уровень психики изучался, в основном, методами наблюдения и клинической беседы, также фиксированной представлением установки (опыты Р. Г. Натадзе)⁵⁸.

Для установления клинической картины состояния больного мы пользовались данными собственных клинических наблюдений и исследований, а также объективными и субъективными анамнестическими сведениями, собранными врачами клиники.

При исследовании преморбидной личности особое внимание уделяется раскрытию находящихся в самом зачаточном состоянии в личности патологических черт характера, на динамику этих черт.

Схема исследования преморбидной личности может быть разбита на четыре взаимосвязанных раздела: 1) потребности, склонности, 2) динамика воли — динамика удовлетворения потребностей, ставших намерениями, 3) темперамент личности, ее эмоционально-эффективная сфера, 4) структура личности.

Такая схема исследования личности предусматривает те стороны личности, которые отчетливо обнаруживаются в ее поведении, доступны для изучения клинической беседой.

⁵⁷ Д. Н. Узнадзе, Эксперимент., основы психологии установки. Сб. Экспер. исслед. по психол. установки, 1958, стр. 5—126.

⁵⁸ Р. Г. Натадзе, Установочное действие воображения. Сб. Экспер. исслед. по психологии установки, стр. 234—294.

биографическим методом, вообще средствами изучения жизненного пути больного⁵⁹.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

а) Шизофрения

В результате исследования обнаружилось, что преморбидная личность шизофреников принадлежит к типу личности с грубо-иррадиированной установкой.

Всем клиническим формам данного психоза, как кататонической, так и паранояльной, в преморбиде соответствует тип конфликтной личности с грубо-иррадиированной установкой. Исключение составили те, входящие в паранояльную форму субъекты (4 человека), которых, главным образом, характеризовали бредовые идеи величия.

Эти четыре субъекта, можно сказать, вовсе не имели преморбиды, они как бы с рождения были больны этим психозом. Этот последний проявлялся периодически, в виде процесса, однако, благодаря сохранению компенсаторных способностей они пока еще не были выключены из обычного течения жизни.

Согласно нашим материалам, каждой клинической форме, по содержанию переживаний, соответствует какой-либо подтип конфликтного типа личности. Люди, охваченные той или иной клинической формой психоза, в преморбиде обладают целым рядом особенностей, делающих понятным и содержание данной клинической формы — как паранояльная форма, так и симплекс обладают в преморбиде целым рядом особенностей, придающих психотическому процессу своеобразное по содержанию клиническое течение.

Из 40 больных у 37-и была изучена фиксированная установка. Из них у 30-и, т. е. у 81%, оказалась грубая, статичная иррадиированная, константная и стабильная установка. У остальных 19% — установка или вариабильно-стабильная, или «нулевая» и др. В общем и здесь превалирует тенденция к грубости и статичности. Установка шизофреников грубая, статичная и иррадиирована. У 23-х больных была изучена установка, фиксированная по представлению. Остальные 17 больных оказались непригодны для этих опытов (они не сумели вызвать в воображении образы установочных объектов). У 19-и больных из 23-х в сфере воображения установка не фиксируется, у 4-х больных выявилась слабая ассимилятивная иллюзия.

⁵⁹ Развернутую схему исследования личности см. В. Г. Норакидзе, Динамика изменения характера, 1961.

В результате анализа полученного материала выяснилось, что конфликтная личность с грубо-иррадиированной установкой после заболевания шизофреническим психозом изменилась, личность потеряла способность фиксации установки в плане объективации, а установка, направляющая первый план ее психики, осталась такой же грубой, статичной и иррадиированной. Характеристика структуры психики шизофреника, определяемой легко возбудимой грубо-иррадиированной установкой, дана в специальной монографии И. Т. Бжалава⁶⁰. Результаты нашего исследования ясно говорят о том, каково значение преморбидной личности для формирования структуры и клинической картины шизофрении, каков вклад, вносимый своеобразием структуры личности до заболевания в структуру психоза.

Существенные изменения в конфликтной личности в результате заболевания психозом обнаруживаются в сильном понижении или полной ликвидации способности объективации. В пользу этого положения говорит то обстоятельство, что согласно исследованию И. Т. Бжалава, у шизофреника, перешедшего в результате лечения камфарой в состояние ремиссии, вновь восстанавливается способность объективации. В состоянии ремиссии больному удается в экспериментальных условиях выработать установку путем воображения, сдерживать импульсы актуальной установки, т. е. к человеку возвращается та специфически-человеческая способность, которую отняла у него болезнь.

Для характеристики отношений между шизофреническим психозом и преморбидной личностью рассмотрим несколько типических случаев.

Случай I. С. Г. — 30 лет, клиническая форма психоза — гебефрения. В настоящий момент находится в исходном состоянии. С ранних лет отличался легкой возбудимостью, каждое новое впечатление оставляло в нем глубокий след. Малейшая неприятность в семье приводила его в дурное настроение. С детства он был вовлечен во все горести и радости своей семьи. Малейшие неполадки в семье он переживал вместе со своими родителями. Он был еще ребенком, когда у него умер брат. Это повергло его в глубокую печаль. Постепенно он становился замкнутым, уходил в себя. В нем как бы накапливалось множество обид и неисполненных желаний, неразрешенных конфликтов. Он был застенчив, легко смущался, но при этом легко приходил в гнев. Часто терпел от отца обиды, но никогда не подавал виду. Когда отец приходил домой, у него сразу менялось настроение — как бы весело не был он настроен, после прихода отца он

⁶⁰ И. Б ж а л а в а, К психологии шизофрении. Изд. АН Груз.ССР, 1957 (на груз. яз.).

становился серьезен и сдержан, замечалась внутренняя напряженность и скованность. И теперь, во время болезни, при свидании с отцом у него меняется настроение.

В подростковом возрасте он оставлял впечатление интеллектуально зрелого человека. Он осознавал свои основные стремления и интересы. Обнаружив музыкальные способности, он прилежно и с большой охотой учился в музыкальном училище. Исполнял сложные музыкальные произведения. По окончании средней школы, он поступил в ВУЗ на политехническое отделение. Эта область его не очень интересовала, но он решил довести дело до конца и хорошо учился. В свободное время занимался музыкой. Часто сильно уставал, но никто не слышал от него жалоб. В студенческие годы он написал несколько музыкальных произведений и с успехом исполнял их в кругу близких людей.

Он стремился к одиночеству. Внешне проявлял доброту, теплое отношение к окружающим. Казался всегда спокойным, смирным, веселым и вполне адекватным. Однако внутри его личность раздиралась тяжелыми переживаниями (это замечали и родители). Он был упрям, но, зная, что это отрицательное свойство, боролся со своим упрямством.

В процессе работы в нем замечалась напряженность, нервозность. Он был застенчив и притом честолюбив. Малейшее замечание вызывало у него тяжелое, подавленное настроение. Он старался владеть собой, хотел быть спокойным, но внутренне он переживал глубокую обиду, негодование. Тяжело пережил период войны, хотя внешне не обнаруживал этого, стыдился. Во время воздушной тревоги страшно бледнел, не находил себе места.

Внешне, по своему поведению, он был вполне приспособлен к внешней среде: трудился, учился, был включен в жизнь семьи и общества, ни в чем не проявлял внутренних конфликтов, по своему поведению он был как-будто вполне гармоничной личностью. А внутренне его мучили переживания неудовлетворенности, приниженности, упрямства, ненависти, злобы, равнодушия, враждебности. Такие переживания полностью сдерживались волей его личности. Поэтому он был чрезмерно морален, проявлял уважение к родителям и товарищам, боролся за достижение моральных целей. В то же время ему были присущи скрытые, сильные витальные импульсы. Была в нем сильна сексуальная потребность, однако в отношениях с женщинами он был сдержанным и утонченным.

Эти скрытые импульсы на определенном этапе жизни постепенно усиливаются. Витальные эгоцентрические импульсы уже в состоянии преодолеть сдерживающие их силы, и он выявляет себя как вообще аморальная личность.

Он пытался изнасиловать домашнюю работницу своей семьи. Он категорически потребовал от родителей увольнения работницы. Родители выполнили его желание. Потом его стали мучить угрызения совести, и он начал просить родителей вернуть девушку в дом. Когда же родители не выполнили его просьбы, стал нервничать, сердиться. После этого родители стали замечать в нем подавленность, замкнутость и целый ряд других изменений в характере. Совершенно не выносил каких-либо замечаний или наставлений. Если до этого он ничем не выдавал своих обид и огорчений, то теперь стал выявлять их сразу в виде аффекта. Часто он замыкался в себе, сидел понурившись и смотрел неподвижным взглядом в одну точку; вздыхал, лицо отражало внутреннее страдание. Он стал груб и дерзок в отношениях с матерью. Работал без всякой сноты. Равнодушно, без интереса выслушивал известия, касающиеся семьи или страны. Его аффективность, неадекватное отношение к окружающим, резонерство, нелогичные, бессмысленные высказывания, агрессивное поведение приняли теперь выраженный патологический характер. Дал пощечину матери, к которой до сих пор относился с уважением. Появились галлюцинации, полный отрыв от внешней среды и т. д. После этого он уже был признан больным шизофренией.

Пять лет он лечился в психиатрической больнице. В состоянии острого процесса заболевания его характеризовало гебефреническое «глупое поведение», резонерство, временами бессмысленные внезапные агрессивные действия, манерность, гримасы; порою полное равнодушие, сменяющееся бурным возбуждением; иногда полная замкнутость, отрыв от среды, иногда же манерные ласки в отношении родных и близких. В данное время у больного уже прошел острый процесс заболевания. Его характеризует полное снижение потребностей, не беспокоят его и чисто физические потребности. Он совершенно потерял интерес к музыке, хотя и сейчас может сыграть сложное музыкальное произведение, от начала до конца может запомнить раз услышанную мелодию и восстановить ее, если его заставят. Он часто бывает дома; к семье он безразличен. Апатично рассматривает книги, газеты, тихо и без причины смеется. Родители водят его в оперу, кино, где он часто проявляет вполне адекватные эмоции. Внешне он снова смирен, вежлив, любезен. Его эмоциональная сфера как бы вовсе разрушена, нет личности, объединяющей все переживания. Личность как бы не имеет ни одного импульса, на основе которого можно было бы построить мотивацию, вынести осмысленное решение и действовать. Все импульсы личности разъединены, оторваны друг от друга. У него бред воздействия; он чрезвычайно внушаем, легко усваивает привычки других больных, подчи-

няется бессмысленным указаниям больных, страдающих манией величия. День за днем повторяет одно и то же, в нем как бы зафиксировались какие-то мысли, которые он повторяет без всякого внутреннего тепла, равнодушно, индифферентно и действует на их основе. Бессмысленно смеется; часто лицо его выражает депрессию, печаль, но внезапно это выражение меняется, следует беспричинный смешок и бессмысленное приговаривание, при этом — глупый, холодный, застывший взгляд.

Наблюдения над поведением и переживаниями этой личности ясно доказывают, что она лишена способности объективации своих импульсов и раскрытия своего поведения в плане объективации.

Преморбидный характер такой личности относится к описанному нами выше типу характера личности с грубо-иррадиированной установкой. В психотическом состоянии, т. е. в данное время, бывают дни, когда у него установка вовсе не фиксируется, а иногда он обнаруживает способность к фиксации грубо-иррадиированной статичной установки. Иногда констатируется и стабильность; значит, когда у него возникает установка, она статична и иррадиирована. Что же касается способности фиксации установки путем воображения, то здесь он обнаруживает полное бессилие. В этом случае его установка «нулевая». Ему не удается фиксация установки с помощью воображаемой ситуации. Клиническое наблюдение подтверждает, что он лишен способности объективировать свое поведение. Такова картина преморбидного характера личности, ее установки и общего состояния в условиях психоза.

Если взглянуть на особенности описанной преморбидной личности с точки зрения психологии установки, то мы несомненно придем к выводу, что особенность этой личности состояла в том, что каждый новый раздражитель легко вызывал фиксацию установки. В случае столкновения его анти-социальных импульсов с соответствующей им воображаемой, или реальной ситуацией в нем легко фиксировались установки, реализовать которые было невозможно. На протяжении своей жизни он был перегружен множеством нереализованных установок большого личностного веса, которые в соответствующей ситуации выявлялись в виде тяжелых переживаний. Установки, фиксированные на почве асоциальных эгоцентрических импульсов, оставаясь нереализованными, перегружали его личность. В нем была готовность к сензитивности, к тяжелым переживаниям и самоанализу.

Благодаря статичности и иррадиации установки, личность погрузилась в мир своих переживаний, она не смогла, опираясь на свои естественные импульсы, гармонически слиться с внешней средой, не умела переключаться при не-

обходимости; ей требовалось большое усилие, чтобы освободиться от господства статично протекающей установки. Между средой и личностью постоянно было напряженное отношение. Если личность до конца и полностью подчинилась бы импульсу установки, ее поведение, развернувшись импульсивно, несомненно вступило бы в конфликт с внешним миром. Для нормального приспособления к окружающей среде требовалось сдерживать установочно-протекающее поведение и переживания, т. е. требовалось направить поведение в плане объективации. Этой возможностью личность располагала. Она часто нуждалась в объективации своего поведения, в противопоставлении своей воли импульсам статично протекающей установки и в упорядочении поведения. Собственные переживания, социальные или асоциальные импульсы постоянно находились под контролем сознательной воли. Спонтанное, свободное, без напряжения, пластично протекающее поведение и переживания чужды ее природе. Такое отношение между видимым поведением и внутренними переживаниями — несогласованность между первым и вторым уровнями психики, беспрестанное действие усилия воли для преодоления эгоцентрических импульсов, определяло перегруженность личности очень острыми амбивалентными эмоциями, сензитивное и аутистическое развитие переживаний.

И вот такая личность заболела шизофренией. Здесь нам интересно выяснить взаимосвязь состояний личности до и после заболевания. Между этими двумя состояниями личности есть значительное сходство. В преморбиде наш испытуемый принадлежал к типу человека с конфликтным характером и грубо-иррадиированной установкой. И в психотическом состоянии у него возникает такая же грубо-иррадиированная установка. Хотя иногда она вовсе не вырабатывается, но если возникает, то всегда ее течение характеризуется статичностью и иррадиацией. В преморбидном состоянии личность характеризовалась сильным внутренним конфликтом, в психотическом состоянии в ней даны: внутренняя охлажденность, переживания вражды, ненависти, замкнутость, тенденция ухода в одиночество, аутистическое развитие переживаний, легкая возбудимость, резонерство и в то же время способность к моральному поведению. В настоящее же время личность характеризуется более острой формой внутренней апатии, полным равнодушием, легкой возбудимостью, переходящей в агрессивность, и в то же время холодной «манерной ласковостью» в отношениях с матерью и боязливости по отношению к отцу. Внешне и сейчас больной кажется смирным, вежливым, любезным; он может исполнить музыкальное произведение, — в нем можно обнаружить целый ряд

свойств, которые в проявлениях до и после болезни внешне очень похожи.

Однако можно указать и на резкое различие: если раньше в состоянии практически нормального человека, у личности фиксировалась установка с помощью представления, теперь, в состоянии психоза этим путем установка вовсе не фиксируется. Если раньше она была в состоянии направить свое поведение на основе объективации, во втором плане психики, то теперь она совершенно лишена воли, является всецело существом импульсивным. Она совершенно не имеет настоящих потребностей. Низшие витальные потребности у нее сильно снижены. Личность стала аморфной — если раньше в ней была бурная эмоциональная жизнь, то теперь как в состоянии острого процесса заболевания, так и в исходном состоянии эмоциональная ее жизнь притуплена. Можно перечислить еще много признаков, указывающих на резкое различие, но для нашей цели и этого достаточно. Если же, не довольствуясь сравнением отдельных свойств, сопоставим не отдельные психические феномены и свойства, а структуру личности в препсихотическом и психотическом состояниях, тогда отношение (в смысле различия) между этими состояниями станет более отчетливым. В первом случае между миром переживаний и зримым поведением личности была полная противоположность, ее переживания были глубоко конфликтны, резко амбивалентны, а поведение — приспособлено к среде. Дисгармония между необходимым для приспособления к среде поведением и внутренними переживаниями и потребностями сглаживалась непрерывной напряженной деятельностью воли.

После перехода в психотическое состояние личность лишилась способности объективации, фиксации установки путем представления. Исчезли сензитивность и аутистичность развития переживаний, нет способности объективации задерживающей раскрытие таких переживаний в поведении, исчез и внутренний конфликт, характерный для преморбидной личности. Вместе с выпадением способности объективации нарушилась прежняя конфликтная структура личности. Однако в течение своей жизни она приобрела множество имеющих большую личностную ценность и нереализованных, перешедших в хроническое состояние установок, которые и в нормальном состоянии личности являлись источником сензитивного и аутистического развития переживаний, комплексов невыявленных переживаний. Вместе с исчезновением сдерживающего их регулятора, фиксированные установки начинают действовать в соответствующей ситуации. В состоянии психоза прежде фиксированные установки могут легко стать, в случае повторения даже слегка сходной с соответствующей ситуацией, источником многих ошибок, иллюзий, галлюци-

наций, аффектов, несуразного, неадекватного поведения и переживаний. Таким образом, происходит полная эмансипация фиксированных нереализованных хронических установок, и часто — их искаженное протекание. В то же время личность сохраняет и множество вполне положительных по характеру фиксированных установок, которые эпизодически проявляются в больном. Например, исполнение музыкальных произведений, любезное обращение с людьми, застенчивость в присутствии отца и т. д. В личности и в данное время часто легко фиксируется установка, течение которой и сейчас грубое, статичное, иррадированное. Эта способность установки и сейчас сказывается в поведении больного: он чрезвычайно внушаем, характеризуется психическими автоматизмами. Так как его импульсивное поведение не встречает никакого препятствия, поэтому и в нем уже нет внутренней напряженности. Он свободен от внутренних бурных переживаний, большинство его потребностей притуплено и поэтому у него часто не фиксируется установка. Он часто лишен внутренней направляющей силы и становится рабом внешних раздражителей, — совершенно аморальным существом.

Таким образом, в условиях психоза в этой личности неустойчиво действуют прежде фиксированные установки. Импульсивное действие новых фиксированных установок лишено адекватности по отношению к внешней среде. В личности разрушен центр, обладающий способностью сдерживать и упорядочивать установки, подбирать их для нормального поведения.

Как мы видим, если конфликт преморбидной личности заключался в дисгармонии между переживаниями, вытекающими из двух различных установок, то в состоянии психоза налицо беспорядочное, несоответствующее ситуации действие фиксированных установок: поскольку разрушен регулирующий центр, в личности царит хаос, беспорядок, а не конфликт. Такое состояние является совершенно новым качеством, существенно отличающимся от конфликта, протекающего в личности в состоянии нормы.

Случай II. Ч. Т. — 32 лет, клиническая форма заболевания шизофрения (*paranoides*). В детстве была физически слабой. В двухлетнем возрасте часто ела землю, что привело к болям в желудке. Часто болела. Была нервной, легко возбудимой, из-за пустяка плакала, какая-либо мелочь, могла вызвать взрыв гнева. Основная характерологическая черта — чрезмерная обидчивость, ранчивость, в силу чего она избегала людей, обижающих ее. Такие переживания она таила в себе, внешне не проявляя их. В своем поведении была энергичной, деловой, обладала чувством долга. Родители, зная ее обидчивость, зная, что малейшее замечание может нанести ей неизлечимую рану, старались не причинять

ей неприятностей и часто баловали ее. У не была определенная цель: учиться и стать зубным врачом, однако по семейным обстоятельствам это не удалось. Она закончила сельскую неполную среднюю школу и затем поступила в педагогическое училище; продолжала учение в педагогическом институте, который закончила с отличием. В первое время она преподавала в соседнем селе. В работе проявляла большую энергию, скрывала свою внутреннюю слабость. В своем коллективе она была деятельной, веселой, чуткой, добросовестно выполняющей свой долг. Этот последний находил в ней, пожалуй, чрезмерное выражение. Она проявляла и инициативу, а в глубине души она была полна чувств протеста. Она внутренне ненавидела свое дело, свою деятельность, ее раздражало окружение, причинявшее ей множество душевных ран. Искала отдыха от своей внутренней смуты в пустых мечтах — ждала чего-то нового, какого-то чуда, которое освободило бы ее от этих мук. Асоциальные импульсы, сензитивность, тенденция к замкнутости, одиночеству, все отрицательные черты меланхолического темперамента подавлялись ею сознательным усилием воли. Таким образом, в этой личности чувство долга, опирающееся на волевые цели, не согласовывались с ее интимными потребностями и фиксированными установками. Но она обладала способностью объективации и потому ей удавалось направить поведение наперекор своим импульсам.

Конфликты, происходящие в личности, постепенно принимают патологическое развитие. Ею постепенно овладевает переживание астенического протеста по отношению к директору, от которого она часто получает замечания. Она все больше отрывается от коллектива. Директор раскритиковал проведенный ею урок, «проработал» ее на педагогическом совете. Она очень тяжело переживала это, ночи проводила без сна. Днем она старалась владеть собою, хотела показать, что ни во что не ставит замечания директора. В школе деланно смеялась, даже шутила, однако в конце концов не выдержала и стала просить о переводе в другую школу. Перевод ее в другую школу состоялся. Она не сумела реализовать установку, созданную по отношению к директору. Комплекс мучительных переживаний не покидал ее. Из соседней школы она часто приходила домой. Однажды ночью она вскочила с постели и начала кричать: «Я опозорила вас, мама, сестра! Я ведь плохая учительница!». Стала поносить директора, преподавателей, бредила. После этого она уже не могла работать в школе. Стала замкнутой, участились странные поступки. Все же она занималась с учениками дома. Время от времени у нее были психотические приступы. Лечилась амбулаторно, но скоро психотические припадки участились и приняли более острый характер. Она убегала из до-

му, ссорилась с близкими. Ее переживания теперь получили полное патологическое развитие, в виде сензитивного преследования, бреда. Бред распространился и на членов семьи. Эти переживания всецело захватили ее личность: ей казалось, что все ее унижают; соседи обвиняют ее в том, что якобы она у кого-то отнимает мужа; все относятся к ней враждебно, мешают ей вновь стать учительницей. С негодованием вспоминает директора, коллектив школы. Ее бред заполнен содержаниями переживаний обиды, унижения, это сказывается и в ее речи. В этом состоянии ее доставили в психиатрическую больницу.

У больной притуплены чувства. Проявляет злобу по отношению к своей сестре и матери, которых она до сих пор очень любила и уважала; она не принимает их, не хочет их видеть. При виде сестры впадает в сильный аффект. Называет ее своим врагом, отравительницей. В то же время часто печалится о своих, беспокоится о своей семье, соседях. Однажды она сказала сестре: «Помоги соседским сиротам». Галлюцинации говорят ей, что она обещана — «изнасилована», обзывают ее множеством унижительных прозвищ. Бредит тем, что соседи — ее враги. Часто неконтактна, разговаривает сама с собой. На вопрос: «С кем вы разговариваете», — отвечает — «Со своими думами». Часто со слезами говорит: «Так мне и надо!» — «Поделом мне — я все это заслужила и вот наказана!». Состояние ее постепенно улучшается. Находят возможным выписать ее из больницы, но через несколько месяцев, из-за острого психотического приступа, ее вновь помещают в больницу.

В данное время в процессе острого психоза, у нее легко фиксируется в сфере восприятия грубая, статичная, иррадиированная и стабильная установка. В сфере же воображения у нее фиксируется очень слабая ассимилятивная установка (3 ассимилятивных иллюзии). Эта иллюзия настолько слаба, что дает основание сказать, что в экспериментальных условиях у испытуемого в сфере воображения установка не вырабатывается. Испытуемая не проявляет также способности объективации своего состояния.

Возникает вопрос: какие же личностные признаки сохранились у больной от преморбиды? У нее сохранились все фиксированные установки, которые были основой всех ее сензитивных переживаний. В данное время эти установки проявляются ею в патологических реакциях (в галлюцинациях, бреде). У нее отчасти сохранились и все моральные установки, фиксированные в ее личности. Например, любовь к родителям, чувство долга перед семьей, филантропическая тенденция, готовность служить своей профессии. Она и сейчас беспорядочно проявляет эти переживания. Когда она в спокойном состоянии, когда психотические приступы протека-

ют в легкой форме, тогда она проявляет чувства стыда, скромности, застенчивости. В ее личности сохранились почти все стремления и фиксированные установки, имевшиеся у нее в прошлом. Однако, ныне в охваченной психозом личности эти установки выявляются неадекватно ситуации. Фиксированные в прошлом, сензитивные по содержанию установки, в случае повторения хотя бы в отдаленно им отвечающей ситуации становятся источником несуразного поведения, бредовых содержаний. В состоянии психоза происходит эмансипация фиксированной в прошлом обиды, — ее сензитивное, аутистическое развитие. Если в прошлом это сензитивное состояние, внутренняя слабость, были поводом к возникновению целого ряда нужных компенсаторных свойств, были упорядочены и соответствующе направлены волей, то ныне, в состоянии психоза, личность потеряла способность объективации своих переживаний. Благодаря этому личность стала импульсивной, она живет только расторможенными, несдерживаемыми волей фиксированными установками, которые выявляются в виде патологически переработанных переживаний. Между первых и вторым уровнями психики личности установилась дисгармония. Фактически личность оказалась во власти импульсов патологических установок. Личность совершенно оторвана от внешней среды, она находится в состоянии шизиса. Благодаря статичности установки она полностью захвачена этими установками. Она всецело углублена в мир переживаний, возникших на основе этих установок.

Случай III. И. П. — 30-и лет. В детстве был нервным, капризным, имел склонность портить и ломать предметы домашнего обихода. Злой в детстве, он потом изменился и казался добрым человеком. По словам родственников, в училище он помогал своим товарищам, одалживал им конспекты, но потом злился: «Я мучаю себя работой, а они переписывают у меня». Среди сокурсников он считался добрым, хорошим товарищем.

По отношению к членам семьи он нередко проявлял любовь и уважение, но гораздо чаще был жестоким, злым, требовательным. Вне семьи был веселым, коллегиальным, но при этом трусливым. Он работал инженер-технологом в одном городе. Здесь он заслужил общую любовь со стороны сослуживцев и окружающих людей. В то же время он в глубине души ненавидел и даже презирал этих людей. В состоянии ясного сознания больной рассказывает, что: «Иногда я против своей воли злился, хотел уничтожить этих людей». Со стороны он казался всем гармоничным, даже тогда, когда психотические припадки постепенно разрушали его личность.

Учился он всегда хорошо. Среднюю школу окончил на «отлично». Успешно окончил инженерное отделение. Долго работал по своей профессии, его ценили, как хорошего специалиста. Половое созревание протекало у него тяжело, в этот период у него были какие-то судороги, несколько месяцев он избегал людей. Это состояние прошло. В период студенчества раз заметили, что некоторое время он тяжело вздыхал, был углублен в себя, избегал общения с людьми, но снова вернулся к нормальному состоянию — энергично занимался, трудился, желая стать научным работником. Часто замечали, что он как-то застывал, уставившись в одну точку. Когда его спрашивали о причине этого, он краснел, смущался, а иногда с гневом говорил: «Почему вы меня отвлекли от моих дум», или «Ни о чем не думаю, просто ушел в себя». Из таких вот противоречий была соткана эта личность. Как мы видим, с детства в этом человеке на почве асоциальных потребностей и соответствующей ситуации (реальной или воображаемой) фиксировалось множество установок, реализация которых была невозможна. Он был перегружен такими нереализованными импульсами, которые проявлялись в детстве, но после того, как в его личности закрепились способность объективации, укрепилась воля, произошла фиксация многих моральных установок, личность стала конфликтной, но владеющей собой. Конфликт протекает в основном внутри личности. По своему поведению до заболевания психозом, он был энергичным, созвучным среде человеком. И вот такой человек заболевает шизофреническим психозом (кататонической формой). Психоз начался внезапно: у него появилось беспокойство, фобии, неуместное повизгивание, стал чертить что-то на стенах. Оставил службу, попрощался с жителями города, сел в поезд. В поезде чувствовал себя хорошо. На станции Тбилиси он впал в психотическое возбуждение и был доставлен в психиатрическую клинику. За время пребывания в клинике он один раз выпи-сался в несколько улучшенном состоянии, но вскоре вернулся в клинику. В психотическом состоянии он характеризуется кататоническим возбуждением, кататоническим негативизмом, импульсивностью, несуразным поведением, манерностью. Особенно характерен для него внутренний негативизм: «Меня лишают свободы» — говорит он — «Хочу сесть и не могу, хочу встать и тоже не могу». Как будто бы он делал то, чего не хочет делать. В настоящее время тяжелый процесс заболевания как будто прошел. Состояние сравнительно улучшилось, хотя указанные выше симптомы все еще проявляют себя. Он опять индифферентен, аутистичен, вял, часто застывает в одном положении, лежит закутавшись в одеяло, не двигаясь, заметно эмоциональное притупление, а также агрессивные выпады. Характеризует его и немотивирован-

ный смех, нечистоплотность, неопределенные страхи. Особенно мучает его страх смерти.

Во время клинической беседы он был сравнительно контактен. Высказывал безнадежность, пессимистические мысли, причем бессмысленно посмеивался. Рисовал в темных красках свое прошлое, монотонно, неохотно рассказывал историю своей жизни. Он рассказывал, что был всегда внутренне скован, его всегда мучила внутренняя печаль, смотрел на будущее без всякой надежды, и все же работал, выполнял свое дело без любви, полный внутренней тоски, опустошенный. После каждой фразы он посмеивался, как будто насмехался над своей судьбой («Чем же я могу быть теперь!»). В то же время добавляет безразличным тоном: «Когда поправлюсь, начну заниматься и стану профессором или доцентом».

Во время заболевания фиксированная установка этой личности пластично-статичная и irradiрованная (в оптической сфере скорее грубо-статичная, так как грубое течение установки лишь один раз нарушается адекватным восприятием). В сфере воображения у испытуемого установка не фиксируется. Такова, схематично, клиническая картина этого больного.

Каково отношение между преморбидным состоянием этой личности и состоянием заболевания? Несмотря на сложность картины это отношение во многом важно и существенном является показательным. Что сохранилось в нем от прежней личности? В настоящее время больной совершенно погрузился в мир своих переживаний. Если прежде он мог совладать с ними, не отдаваться им, то теперь он весь во власти аутистически переработанных переживаний. Он депрессивен, охвачен пессимистическими мыслями, пуглив, страшится смерти, болезни. С некоторой иронией, свысока смотрит на свое состояние, на деятельность других людей. Но и теперь в некоторых случаях он проявляет доброту, моральные тенденции. Иногда зол, требователен, совершенно безразличен к родителям; иногда возбужден и агрессивен. В то же время и сегодня эта личность производит на наблюдателя впечатление доброго, симпатичного человека как если бы старые свойства его личности сохранились и ныне по инерции.

В преморбиде этой личности налицо одно свойство, которое указывало, что если этот человек заболит шизофренией, то психоз примет обязательно кататоническую форму. Это свойство внутренний негативизм, внутренняя скованность, прикованность к импульсам, внутреннее упрямство. И сегодня в клинической картине психоза легко заметить эти латентно данные в преморбиде свойства. Кататонический ступор, негативизм, особенно внутренний негативизм полностью завладели его личностью. Переживания личности протекают то-

же под знаком кататонического негативизма. Путем анализа можно и в данное время обнаружить в этой личности все отдельные феномены прежней личности, но сегодня они выглядят совершенно иначе. Им нехватает некоей системы, целостности, данности в виде определенно оформленной структуры. Они проявляются патологически переработанными — свободно, бесконтрольно, старые нереализованные фиксированные установки беспрепятственно реализуются. Сегодня личность лишена способности объективации, на основе которой было бы возможно приспособиться к среде, бороться за сознательные волевые цели, что дало бы возможность упорядочить внутренние и внешние конфликты.

Активный социальный конфликт снят. Личность осталась разъединенной, вся во власти фиксированных установок, переработанных в виде патологических переживаний, протекающих как и раньше статично, грубо. Эти особенности фиксированной установки и теперь определяют своеобразное раскрытие шизофренических патологических признаков в протекании психоза.

Согласно нашим материалам, тип человека с грубо-иррадированной установкой является основным ядром преморбиды шизофрении, однако в преморбиде шизофреников встречаются и такие люди, которые явно отличаются от указанного типа. Например, преморбидная личность шизофреника проявляется в виде одного из вариантов вариабильного, импульсивно-экспансивного типа личности.

Личность такого типа является человеком с сильными импульсами, всегда вооруженным определенными целями. Он уверен в ценности своих целей, его характеризует внутренняя уверенность, поэтому сопутствующие поведению переживания носят эволюционный характер. Это — импульсивный человек, заранее уверенный в верности своих устремлений, целей; он приступает к борьбе за свои цели и без вмешательства воли. Он упрямо предъявляет своей среде и такие требования, которые неприемлемы в существующей обстановке. Поэтому он часто вступает в конфликт с окружающими людьми, во время конфликта выступает вперед тенденции повышенной оценки собственной персоны, уверенности в своих силах. В процессе деятельности он оставляет впечатление неутомимого, беспокойного, энергичного человека. Он всегда уверен в правильности всех своих начинаний, ему удается справиться с конфликтом, но в нем всегда остается сознание своего превосходства, своей правоты, ему кажется, что он уступил, что его угнетают, не понимают... что он простой, скромный человек, что о нем у всех ложное представление. На почве таких конфликтов в нем даны нереализованные комплексы, обнаруживающиеся в беспокой-

стве, чрезмерной социальности, в надежде на будущее и других оптимистических переживаниях и поведении.

Если импульсы личности соответствуют той среде, в которой личность живет, тогда нет необходимости в конфликтах, но когда среда требует целенаправленного приспособления, — обязательно возникает конфликт.

Таким образом, жизнь такой личности проходит в борьбе за цели, превратившиеся в импульсы. Ее активность всегда сочетается с оптимизмом, избыточной уверенностью, внутренней цельностью. Если в такой личности фиксированы главным образом высшие моральные установки, тогда ее поведение также будет моральным. Если же она перегружена аморальными установками, то и ее поведение аморально. Моральное или аморальное его поведение в основном импульсивного характера.

Личности с таким преморбидом в случае заболевания шизофренией, по нашим материалам, по преимуществу обнаруживают бред величия.

Одна личность с таким преморбидом во время психоза совершенно не сознавала своей болезни, была уверена в правильности своего поведения. В настоящее время в психиатрической клинике этот больной абсолютно уверен в правильности своего поведения. Не переставая, уверяет всех, что он слуга народа, что он лучше других знает, что требуется народу. Вот его слова: «Я ведь слуга народа, борюсь за его благополучие. Как бог справедливости я пишу стихи, пытаюсь распространить просвещение среди людей. Когда я вырос, только тогда понял, что призван в мир для осуществления благородных стремлений. Я слышу издали голоса, и они мне говорят, что я прав, что мне должны верить. Не знаю, эти голоса — черти или боги».

Внешне он оставляет впечатление спокойного, солидного, уверенного в себе человека. Он экстравертивен, готов бесконечно говорить о себе. Импульсы у него снижены. Процессы речи, мышления лишены всякой осмысленной мотивации. Его установка, фиксированная в сфере восприятия, является грубой, локальной, irradiрованной, вариабильной и возбуждаемой. В сфере воображения у него возникает слабая ассимилятивная установка.

Второй больной (И. Б.) переживает себя изобретателем, писателем, говорит: «Вчера я читал грамматику, обнаружил множество ошибок... Благодаря своей правоте я был транслирован с радиостанции по всей Грузии. Профессор просит помочь ему в его теоретической работе... Во мне никогда не было зависти, я был богат душой, высок разумом и здоров, хотел получить образование, не был хулиганом, развратником, карманщиком, вором, растратчиком... Я был и есть честный, значущий свое дело человек»... и т. д.

Внешне он вежлив, с ним легко устанавливается контакт. Бесконечно рассказывает о себе. Экспериментально фиксированная установка у него статичная, грубая, локальная, стабильная, константная и возбудимая. В сфере воображения установка не фиксируется.

Случай III В. Ш. Преморбид этого больного характерологически больше склоняется к типу гармоничной личности, но мы приводим его потому, что здесь связь между преморбидом и психозом более понятна. Эта личность всю свою жизнь боролась за то, чтобы стать общественным деятелем. Хотел быть прославленным агитатором. Был энергичным, деятельным и деловым, притом определенно добрым человеком. Несмотря на материальные затруднения, он боролся за эти цели. В течение жизни у него были конфликты, но ему удавалось оправдать себя. Ему были присущи внутренняя уверенность и упрямство. Он всегда был уверен в своей правоте. Рос в среде высокой морали, внушающей высшие цели, — поэтому его импульсы всегда были моральными. Несмотря на некоторые внешние конфликты, он всегда считался общественным, экстравертивным, честным человеком. В последнее время он работал агитатором на заводе и стремился выдвинуться. Внешне был солидным, спокойным.

В настоящее время он в психотическом состоянии, фактически в исходном состоянии. И сейчас он внешне «вежлив», спокоен, солиден. С ним легко вступить в беседу, установить контакт. В этом спокойном человеке резко снижены импульсы: его ничто не интересует. У него совершенно отсутствует ведущая цель, потребность. Его интересы поверхностны, навязчивы. Он по инерции живет прежними интересами, уверяет всех, что он агитатор... «Сюда вызваны все дети лесников. Начинается съезд. Я здесь провожу беседы, агитацию. Здесь герои, профессора, — большие люди, я провожу среди них агитацию во дворе, в комнате, в палате... Для этого я и прислан сюда...» «Я пользуюсь всеобщим доверием. Мой отец командует армией на Дальнем Востоке, он часто приезжает, дружит с большими людьми (отец его, ныне покойный, был лесником). В армии я имел большой чин» (фактически он был нижним чином, и по болезни освобожден). Он как будто руководствуется теми же мотивами, что и в здоровом состоянии, но действия его на почве этих мотивов не соответствуют данной действительности. У него нет тяжелых переживаний, никакого внутреннего страдания, часто он говорит: «Меня ничто не беспокоит, я здоров и душой и телом». Его характеризует притупление эмоций. Родственников встречает любезно, но без внутреннего тепла.

В сфере восприятия его установка груба. В сфере же воображения установка не фиксируется.

Эта личность фактически является тенью прежней пре-

морбидной личности. Раньше он жил бурной внутренней жизнью, внутренне уверенный, боролся за свои и общественные цели. Сегодня он совершенно разрушен. Он другой человек. В нем выявляются лишь те фиксированные установки, которые сохранились в его личности. Раньше эти установки, и в случае импульсивного поведения, протекали на фоне ясного сознания и внутренней мотивации. Ему удалось реализовать в сознании все неосуществимые установки. Как каждый нормальный человек, он разворачивал свое поведение на уровне объективации. Но сегодня его прежние нереализованные установки, или новые фиксированные установки беспрепятственно переходят в поведение. Он теперь всецело импульсивное существо. Эти импульсы, фиксированные установки, без всякого порядка, в случае небольшого сходства данной ситуации с условиями среды, действовавшей в момент первичной фиксации установки, патологически переработанные, начинают действовать вновь.

С прежней личностью общим является лишь то, что сохранились старые фиксированные установки. Что же касается структуры, то его личность представляет собой новое качество, по сравнению с нормальным состоянием.

Таким образом, в результате интенсивного клинически-экспериментального исследования установлено, что преморбидная личность больных типической формой шизофрении является конфликтной личностью с грубо-иррадиированной установкой. В такой личности, в результате заболевания шизофренией, протекание установки, фиксированной в сфере восприятия, является таким же грубым, статичным и иррадиированным. В то же время сильно снижается или вовсе исчезает способность вырабатывать установку на уровне объективации. После заболевания шизофренией в личности снижается деятельность воли, нарушается характерное для преморбиды отношение между двумя уровнями психики, происходит эмансипация сдерживаемых раньше и упорядоченных нереализованных фиксированных установок. Эти последние перерабатываются в соответствующие патологически-сензитивные, аутистические и экспансивные содержания и начинают действовать в этом виде. Вместе со снятием конфликта между двумя уровнями психики происходит распад личности. Этот последний сказывается в несоответствующем ситуации, беспорядочном и импульсивном действии патологически переработанных, ранее фиксированных установок. В преморбидной личности имел место упорядоченный усиленный воли конфликт, а во время болезни констатируется полный распад личности, шизис.

От преморбидной личности шизофреник сохраняет имеющие большую личностную ценность нереализованные установки, они то и определяют в основном существование свое-

образной клинической картины в случае каждого отдельного больного: на почве первого варианта конфликтной личности (личность с легко возбудимой грубо-иррадиированной установкой) чаще выявляется шизофрения simplex и paranoide с бредом воздействия и преследования. Кататоническая форма чаще всего проявляется на фоне второго варианта конфликтного типа личности (с трудно возбудимой грубо-статичной установкой). Тип с вариабильно-стабильной установкой, импульсивно-экспансивный человек, в случае заболевания шизофренией часто проявляет переживания с бредовыми содержаниями мании величия.

б) Маниакальное возбуждение

Маниакальный синдром выявляется, главным образом, среди больных маниакально-депрессивным психозом, а иногда и в случаях заболевания шизофренией и прогрессивным параличом. Как отдельный симптом он выявляет особенности личности больного; поэтому изучение их психологической природы возможно лишь при условии учета особенностей личности, охваченной этим синдромом.

Также и изучение личностной природы маниакального синдрома лучше всего осуществить на основе анализа личности больного маниакально-депрессивным психозом. И в самом деле, несмотря на то, что указанный синдром встречается и среди больных психозом другого вида, все же в современной психопатологии его рассматривают всегда в связи с циркулярным психозом. Он считается существенным синдромом этого психоза.

Перед нами стоит следующая проблема: какова личность, носящая этот синдром? Каково отношение между носящей маниакальный синдром личностью и ее преморбидным состоянием?

Для сравнения психотического состояния больного с его преморбидным состоянием нужно знать психологическую природу как самого психоза, так и его преморбидного состояния.

Анализ особенностей преморбида наших больных убедил нас в том, что их преморбидная личность совпадает с двумя подтипами установленного нами в других исследованиях типа людей пластично-динамического характера, а также с одним из вариантов личности с вариабильно-статической установкой. Для этих трех подтипов характерна одна особенность — их установка в основном характеризуется тенденцией динамичности и в то же время вариабильности. Вариабильность резко выражена в случае личности с динамической — вариабильно-стабильной установкой; более слабо, в виде тенденции, она проявляется в случае подтипа определен-

но уклонившегося от типа гармоничной личности к конфликтному. Преморбид этих больных не дает вполне точного совпадения ни с одним из них, но входит в ту же категорию. Он дает картину их смешения, т. е. представляет собой смешанный тип.

Для всех трех подтипов характерно экстравертированное, синтонное отношение к внешней среде — определяемые ясными и понятными причинами внутренние и внешние конфликты, лабильность эмоций, развертывание поведения на фоне легкой депрессии или маниакальной эмоции; в общем тенденция к импульсивному раскрытию характера личности в поведении.

Основной признак этих трех подтипов: динамичность установки; для первых двух подтипов — превалирование слабой и устойчивой пластично-динамической установки; в случае вариабильного типа — чередование как пластичной, так и грубо-динамических установок и часто невозможность фиксации установки. Во всех трех случаях ослабление стабильности — тенденция к лабильности.

Разберем отдельные случаи. Рассмотрим здесь данные о двух больных, находящихся в состоянии отчетливой ремиссии.

С л у ч а й I. Е. И. — 58 лет, ее мать — писательница, общественная деятельница; отец — скромный, тихий труженик. При рождении была нормального веса и роста, развивалась нормально. Вначале воспитывалась у кормилицы. С 5—6 лет начали обучать ее грамоте. С детства имела внутренний конфликт по отношению к старшей сестре и другим членам семьи. Чувствовала себя униженной, завидовала, что ее старшей сестре оказывают больше внимания, чем ей. Эти внутренние конфликты она проявляла и внешне. Вообще же была веселой, общительной; в школе у нее было много близких подруг, умела с полной откровенностью делиться с ними своими переживаниями. На уроках была тихой, молчаливой, послушной: среди подруг — живой, веселой, возбужденной; любила танцы, развлечения. Дома, с родителями была раздразнительна, капризна, зла — сама же испытываемая отмечает: «дома я кусалась, ссорилась! Мне все запрещали, говорили — «не вмешивайся в чужие дела, не будь выскочкой!». В ней была тенденция к экспансивности, эксцентричности. Делала все то, что запрещалось. Приводила к себе тех товарищей, которые не нравились родителям, проводила время с ними, любила рассказывать анекдоты, смеяться. Еще в ученические годы влюбилась в юношу; бросила ему надкушенное яблоко в окно, когда его родители были в комнате, и это вызвало неприятности. Ее любовь была поверхностна, — когда ее любимый уехал временно в Россию, она его быстро забыла; не отвечала на письма, оставляла без внимания его просьбы.

Не было у нее тяжелых переживаний, мучительных внутренних конфликтов. Она не переоценивала себя, не была о себе высокого мнения. Однако по отношению к членам семьи у нее был комплекс недовольства, который она часто проявляла в конфликтах с членами своей семьи, в раздражительности. В основном, она была созвучна среде, приспособлена к ней: считалась с ее требованиями. Противостоя среде с собственных позиций, она умела во время учесть потребности среды, поступать соответственно обстановке, согласовывать цели своей воли с целями общества. Но в то же время в ее личности обнаруживались легкая возбудимость эмоций, лабильность, легкое возникновение неприятных переживаний и их длительное господство, легкая депрессия, склонность к импульсивно-экспансивному поведению, сдерживаемому только волей. Следует отметить и проникшую в ее характер вариабильность — отношение к среде на основе неустойчивой, изменчивой установки. Например, в школе, на уроках тихая, молчаливая, депрессивная, сензитивная, а дома, в семье — экспансивная, среди друзей — возбужденная, веселая. Как видно, ее поведение определялось раз фиксированной под воздействием ситуации установкой, ей было трудно упорядочить свое установочное поведение, — регулировать свое поведение в плане объективации. Например, чувства недовольства по отношению к членам семьи проявлялось в ней неотступно. Она осознавала неразумность своего чувства недовольства семьей, но поведение ее разворачивалось опять-таки на фоне этого ранее фиксированного состояния. В школе в ней фиксировался страх, почтительность; повторение ситуации вновь вызывало интенсивную активацию этих чувств и поведение разворачивалось на их фоне. Эта личность в своем противопоставлении среде не имела одной и той же неизменной установки. Она то становилась рабой ситуации, то переполненная неприятными переживаниями, действуя на почве грубой установки, привязывалась к одному и тому же поведению; иногда ее переживания протекали без всякого сопротивления, конфликтов, — с внутренней естественностью, с полным учетом внешней среды. Ее переживания и поведение протекали на фоне пластично-динамической установки. Несмотря на вариабильность установки, личность оставалась приспособленной к среде, благодаря превалированию в ее установке тенденции к динамичности. В ней не происходило скопления неудовлетворенных желаний, комплексов переживаний и перегрузки отрицательными эмоциями. Такой она была до замужества. Вышла замуж 22-х лет — по совету своего брата. Муж был театральным работником (режиссером). В ней тоже пробудился интерес к театральной работе, но этот интерес был поверхностным — служение высоким ценностям никогда не было целью ее жизни. Ее больше ин-

тересовало об
же начались
вмешивалась
первые роды
психическое
ческой больн
чала себя хор
нем возрасте
течение трех
чего вновь из
психическим
психоз — она
вновь постеп
как больная
щена в больн
теру, в основ
такая же вес
ная, поверхн
лой вариабил
особенно рез
В период
окружающей
словоохотли
ется, хохочет
персонал. Ра
ется, «учит
их жизнь, б
ной, она все
к больным
кем-нибудь
Она не
себя очень
что я пою
— все таки
никто не с
этом мы м
способна л
она задер
его в пред
больной. Н
проявили
ностью вк
своих бол
переживае
в руке, ил
нии, опти
ективно с

интересовало общение с артистической средой... В семье сразу же начались неприятности. Ей не нравилось, что свекровь вмешивалась в ее «семейные дела». В 23 года у нее были первые роды с явлениями сепсиса, за которым последовало психическое расстройство. Лечилась в Бакинской психиатрической больнице (6 месяцев). После этого 14 лет она чувствовала себя хорошо, работала. Разошлась с мужем и в 32-летнем возрасте, вышла замуж второй раз. Снова заболела. В течение трех лет лежала в психиатрической больнице, после чего вновь излечилась. Занялась семьей, служила. В связи с психическим заболеванием сына у нее снова повторился психоз — она опять вылечилась. Но год тому назад у нее вновь постепенно возобновилось болезненное состояние, и, как больная маниакальным возбуждением, она была помещена в больницу. В периоды полной ремиссии она по характеру, в основном, оставалась той же, что и до заболевания — такая же веселая, синтонная, живая, эмоционально лабильная, поверхностная, неуравновешенная, в отношениях со средой вариабильная, импульсивная. Это последнее свойство особенно резко выражалось в периоды ремиссий.

В период исследования больная вполне ориентируется в окружающей среде. Непокойна, раздражительна, чрезмерно словоохотлива, по малейшему поводу кричит, танцует, смеется, хохочет, беспокоит других больных и обслуживающий персонал. Разговаривает с больными, танцует с ними, ругается, «учит уму-разуму», стремится узнать прошлое больных, их жизнь, быт; у нее определенное мнение о каждой больной, она всех знает, дает всем характеристики. По отношению к больным она, в основном, добра, иногда она ссорится с кем-нибудь из них, ругает, а иногда ласкает.

Она не считает себя больной — «Я не больна, чувствую себя очень хорошо, это вы хотите сделать меня больной. То, что я пою и танцую — вполне нормально. Разве кто танцует — все такие? Здесь все танцуют — они ненормальные. Нет, никто не сумасшедший, — каждый имеет свою заслугу». Об этом мы много раз беседовали с больной, чтобы выяснить, способна ли она объективировать свое состояние, может ли она задержать сознание на своем заболевании — превратить его в предмет наблюдения так, чтобы суметь осознать себя больной. Но не только эта больная, но и все другие больные проявили с этой стороны полную неспособность. Они полностью включились в свою болезнь, стали полными рабами своих болезненных импульсов. Наша больная совершенно не переживает себя психически больной, — ее беспокоят боли в руке, или в животе... В основном она в хорошем настроении, оптимистична, экстравертирована, ажитирована, субъективно социальна и полна энергии.

Над этой испытуемой, в состоянии болезни, было проведено 11 опытов фиксированной установки (за исключением опыта на стабильность) в оптической и гаптической сферах. Из 11 опытов в 9-и она обнаружила пластично-статическую установку; в двух случаях установка не фиксировалась. Причиной этих двух нулевых установок мы считали то обстоятельство, что мы не сумели пробудить в ней потребность сравнивать установочные объекты. Ее фиксированная установка слабая, колеблется между фазами. Например, первая фаза начинается 4-мя иллюзиями, сменяющимися равенством, затем снова 2 контрастные иллюзии, равенство, 1 ассимилятивная иллюзия, 4 контрастные, равенство, снова 2 контрастные иллюзии, равенство и так бесконечно. В части протекания установки, фиксированной в оптической и гаптической сферах, по сравнению с гаптической, оптическая установка слабее, колебания чаще. Из 11 опытов в 7-и констатирован факт слабой иррадиации. Таким образом, установка этой больной константна и стабильна. Из 7-и опытов, проведенных в обеих указанных сферах, в 4-х установка оказалась пластично-статической, в одном — пластично-динамической, а в 2-х — нулевой. Следует отметить то обстоятельство, что в опытах стабильности обнаруживаются только ассимилятивные иллюзии, чередуются лишь ассимиляции с равенствами. При сравнении опытов стабильности констатируется вариабильность и слабость установки.

Над этой больной были проведены и опыты фиксации установки по представлению в оптической и гаптической сферах. Установочных опытов было 30. В трех случаях фиксация установки не удалась. В 5-и случаях констатирована пластично-статическая установка, а в двух случаях появилось только чередование ассимилятивных иллюзий и равенства. Один раз больная обнаружила грубую статично-иррадированную установку (по представлению — в гаптической сфере). Таким образом, фиксированная по представлению установка вариабильна. В смене установок первое место по-прежнему принадлежит пластично-статической установке. Как в сфере восприятия, так и в сфере представления ведущей формой протекания установки является пластично-статическая-иррадированная, константная и стабильная установка.

Над этой больной в состоянии ремиссии были проведены четыре опыта фиксированной установки в сфере восприятия. В двух случаях констатирована слабая грубо-динамическая установка, в одном случае — стойкая пластично-динамическая и один раз — очень слабая установка (2 ассимилятивные иллюзии). В опытах стабильности испытуемая обнаруживает слабую грубо-динамическую установку. Таким обра-

зом, установка испытуемой оказалась динамичной, с тенденцией к вариабильности, и стабильной.

В двух, проведенных над этой испытуемой, опытах установки, фиксированной путем представлений, констатируется стойкая пластично-динамическая установка.

Случай II. В. М. — 32 лет, родилась в Кутаиси, в семье служащего. Отец рано умер от паралича. Мать не сумела прокормить дочку и отдала ее в детдом. Впоследствии мать взяла ее обратно и воспитывала сама. Она закончила десятилетку и после этого начала самостоятельную жизнь. Работала бухгалтером. Вышла замуж в 26-летнем возрасте. Мать у нее умерла, а муж погиб на фронте. Психическое заболевание было замечено в возрасте 32-х лет. До заболевания личность по характеру была в основном доброй, социальной, созвучной среде, экстравертированной, синтонной. Она оказала поддержку своему осиротевшему племяннику, создала ему возможность закончить высшее образование. По словам тетки: «Она была такой доброй, что готова была поделиться последним куском хлеба». На службе к ней относились с большим уважением. Много раз награждалась как передовой работник. Была веселой, восторженной, иногда и печальной. По словам тетки, наряду с добротой, она была вспыльчива, непослушна, упряма, капризна, но никогда не проявляла злости. В ее полную оптимизма деятельность вклинивалось внутреннее беспокойство — склонность к импульсивному поведению; вариабильность характера упорядочивалась социальными импульсами, в основном волей личности. В период, предшествующий заболеванию, она была сильно нагружена служебно-общественной работой. Для отдыха она поехала в Гагры. В тот период, когда должен был произойти обмен денег, у нее оставались нерозданными пенсионные деньги, вследствие чего она получила выговор. После этого у нее начались страхи, стала печальной, боялась ареста. Повысилась температура. Выздоровев, дней 10 чувствовала себя хорошо, но потом сразу начались маниакальные припадки.

В больнице у нее ориентация полная, ясная — она разбирается хорошо во времени, месте, пространстве, внешней среде; самочувствие хорошее. Ни на что не жалуется, ничто ее не беспокоит — поет, прыгает, смеется, дурачится, чрезмерно подвижна, беспокойна, часто оголяется и так танцует. Мимика у нее живая. Не дает покоя больным и обслуживающему персоналу, вмешивается в их дела. Грозит своим родственникам за то, что они поместили ее в клинику: «Убью их за то, что они привели меня сюда. Я ведь не сумасшедшая!». Она считает себя нервной, но не душевно больной — «Я не сумасшедшая! — повторяет она и настойчиво требует выписки из клиники. Сердится, но аффект ее поверхностен — «Ког-

да я в гневе могу разорвать всех!». «Например, кого?» «Никого, во сне разорву!» — адекватно от души смеется. Проявляет излишнюю заботливость по отношению к другим больным, раздает им свою пищу. В ней сохранилась эмоциональная теплота. Некоторое время в ее состоянии наметилось улучшение. В клинике ее уже считали излечившейся или в состоянии ремиссии. Но в день выписки ее из больницы у нее снова началось беспокойное состояние — острое маниакальное возбуждение.

Во время заболевания, вследствие беспокойного состояния, над этой больной было трудно провести опыты фиксированной установки. При сравнительно спокойном состоянии нам удалось провести над ней в сфере восприятия 7 опытов (в оптической и гаптической сферах). Во всех 7-и случаях больная дала одинаковый результат: пластично-статическую иррадиированную фиксированную установку. В опытах на стабильность трижды обнаружила слабую, с участием ассимилятивных иллюзий, пластично-статическую установку. Из трех опытов фиксации установки по представлению испытуемая два раза выявила слабую пластично-статическую установку; один раз — грубую установку с обильным чередованием ассимилятивных иллюзий и равенства (здесь опыт не удалось закончить). Следует отметить одно обстоятельство. В процессе фиксации установки путем представлений, как в установочных, так и в критических опытах, больная заявляет: «Шары очень различны», — «Намного больше». Она очень отчетливо переживает как действительное, так и иллюзорное различие, — представляемые шары переживаются ею ясно, живо. При сравнении, в процессе ослабления восприятия «большести» одной из величин, указывает: «Ослабел», «уменьшился», «не видно ясно»... и т. д. Такое же наблюдение мы провели над пятью подобными больными; все пять констатировали указанный факт.

Таким образом, установка у данной больной пластично-статическая, иррадиированная, константная и стабильная.

В спокойном состоянии (ремиссии) испытуемая два раза обнаружила пластично-динамическую установку, один раз — грубо-динамическую. В опытах на стабильность один раз показала очень слабую грубо-динамическую установку (4 ассимилятивные иллюзии). В опытах фиксации установки путем представлений у испытуемой оказалась грубо-динамическая, стойкая установка (9 контрастных иллюзий).

Особенности преморбидной личности остальных испытуемых и тип фиксированной установки в период заболевания, по существу, не отличаются от преморбидной личности и установки вышеописанных больных.

Мы проанализировали также и имеющиеся в психиатрической клинике материалы, касающиеся больных цикло-

френией. Изучение анкет исследования 24-х циклофреников убедило нас в том, что преморбид больных этого типа совпадает с преморбидом вышеописанных нами больных. Приведем кратко анкетные сведения относительно преморбидной личности.

Результаты анализа анкет в большинстве случаев указывают на следующие свойства преморбида циклофреников: экстравертированность, откровенность, плохое настроение или веселость, чрезмерная социальность, альтруизм, наряду с внутренним беспокойством, импульсивность, лабильность поведения, тенденция его раскрытия на эмоциональном фоне.

Приведенные здесь данные указывают на следующее обстоятельство: преморбидная личность больных циклофренией относится к тем подтипам людей типа вариационно-стабильно-динамической установки и типа пластично-динамической установки, которые имеют уклон к конфликтам. В их установке тоже замечаются лабильность, вариационность, чрезмерная слабость или стойкость. Основная форма протекания установки — пластичность, грубость и динамичность. Установка людей этого типа в результате заболевания психозом изменилась. Она стала пластично-статической, иррадиированной, с тенденцией к вариационности.

Их установка стабильна. Результаты опытов по стабильности указывают на вариационность установки. Установка, констатированная в этих опытах, слаба, ее характеризует бесконечное слабое колебание между фазами.

У испытуемых вырабатывается установка и в сфере представления. Их установка в этой сфере вариационно-стабильна, часто статично-пластична. После заболевания, в соответствии с изменением установки, меняется и характер личности.

Здесь следует вспомнить следующее: специальными исследованиями было установлено, что фиксированная установка больных циклофренией детей характеризуется пластичностью, статичностью и иррадиацией (дети от 12—16 лет)⁶¹. Пластичность-статичность установки у людей, больных типичным циклофреническим психозом, подтвердил и И. Т. Бжалава. Об этом же говорят и представленные нами здесь материалы. Итак, можно с уверенностью утверждать, что установка больных циклофренией пластично-статическая, иррадиированная, со слабой тенденцией к вариационности. Она также и стабильна. У этих больных установка фиксируется и в сфере представления, здесь она имеет тенденцию к пластичности, хотя это последнее положение требует проверки на большем материале. Следует отметить то обстоятельство

⁶¹ В. Г. Норакидзе, Установка конфликтных детей. Сб. трудов Батумского педагогического института. 1941 (на груз. языке).

ство, что ни установленные нами типы людей (3 основных и 9 подтипов), ни формы заболевания неврозами и психозами, чьи установки были нами изучены, не характеризуются пластичностью и статичностью установки. Эта форма установки характерна только лишь для больных циклофренией, и именно поэтому психологическую сущность этого заболевания следует искать в патологически измененной установке.

Исходя из наших материалов, мы можем рассуждать так: человек (скажем, описанная нами 1-ая больная), принадлежащий в преморбиде к типу характера людей с динамической вариабильной установкой, т. е. к типу людей, для которых характерны высшие, социальные эмоции, чувства долга и симпатии, экстравертированность, включенность в сферу жизненной действительности, готовность служить объективным целям, легкая возбудимость эмоций, легкое возникновение неприятных и приятных переживаний, конфликты переходящего характера, легкая депрессия и, зачастую, возбужденное веселое состояние, склонность к импульсивному поведению, нормальная приспособляемость к среде благодаря пластичности и динамичности установки (легкой переключаемости) — вот такая личность заболевает циркулярным психозом. Быть может, правильно положение, что при заболевании имеет место изменение химизма крови, интоксикация организма, витальные изменения организма, на почве чего в заранее предрасположенном к этому человеке пикнической конституции легко зарождается такой психоз; здесь мы не касаемся этой стороны вопроса. Нас интересует его психологический аспект, тот личностный механизм, который определяет своеобразное протекание психоза, отношение последнего к преморбидной личности.

Человек вышеописанного типа характера заболевает циркулярным психозом, основным синдром которого — маниакальное возбуждение. Это совершенно меняет личность — в ней происходят изменения качественного характера. Как клинические наблюдения, так и результаты, полученные в условиях эксперимента (опыты фиксации установки по представлению) подтверждают, что у таких больных нарушена способность объективации, в общем снижена та сторона объективации, которая касается собственного мира, собственных переживаний и поведения; больной не в состоянии задержать свое сознание на патологически протекающем поведении, превратить в предмет наблюдения свое болезненное состояние, и вследствие этого, волевая активность совершенно снята. В пользу этого положения говорит следующее наблюдение: больной иногда проявляет совершенно здоровое отношение к внешней среде, в промежутках ослабления маниакального состояния он сразу вполне адекватно оценивает явления окружающей действительности. Хотя и здесь

для него характерна субъективация этих явлений, оценка явлений сообразно своему настроению, но часто он правильно оценивает и людей, и явления. Он может беседовать о целом ряде вопросов, как вполне здоровый человек. Например, о больнице, о своей семье; может делать верные наблюдения, точно рассказывать о своем прошлом, вспоминать и свой прошлый характер — дать нам достаточно точные сведения о своей преморбидной личности; но даже и в таком спокойном состоянии ему не удастся объективация собственного болезненного состояния. Его быстрая, часто молниеносно сменяющаяся психическая активность является всецело импульсивным актом. Безудержная импульсивность — основной признак человека, заболевшего маниакальным возбуждением. Да и в психиатрии считается установленным, что существенный признак циклофрении — безудержная импульсивность. Вместе со снятием объективации и волевой активности в личности раскрылись характерные для преморбидности особенности, но только в патологически переработанном виде. Эту личность всегда характеризовало колебание между веселым и раздражительным настроением, где преобладали оптимизм, веселость, экстравертивность, синтонность, наряду с внутренним беспокойством неуравновешенное отношение к людям, по отношению к некоторым из них — действия по фиксированным комплексам, склонность к импульсивному поведению, вследствие ослабления воли; однако, протекая на фоне динамической установки, волевой активности и объективации, эти недостатки личности не проявлялись в отношениях со средой в виде конфликтов. Вместе со значительным снижением объективации и волевой активности своеобразно раскрылись свойства личности — личность изменилась. Она оформилась в совершенно своеобразную личность, и отныне в ее личностных актах уже не участвуют ни воля, ни объективация. Вследствие этого личность сформировалась в совершенно новой структуре. Здесь мы имеем дело не с ослаблением или усилением какого-либо свойства, т. е. с количественным изменением, а в силу выпадения или инактивности важнейшего личностного свойства, т. е. объективации, — с полным качественным изменением личности: личность становится импульсивной. В личности прекратил свою деятельность не только второй уровень психики, но и изменилась форма фиксированной установки, характерная для первого уровня психики — установка, имеющая тенденцию к динамичности, превратилась в колеблющуюся между фазами бесконечно пластично протекающую установку. Импульсивное поведение личности развернулось также на почве такой установки. Феноменологическое описание особенностей протекания такой установки проливает свет на целый ряд особенностей маниакального синдрома.

Наблюдение над протеканием статично-пластичной установки показывает, что в этом случае действие фиксированной установки проявляется в виде быстрого чередования контрастных и ассимилятивных иллюзий и равенства, иначе говоря, в бесконечном колебании между сильной и слабой установками и адекватными восприятиями; установка — неустойчивая, колеблющаяся, процесс угасания установки характеризуется скачкообразной изменчивостью — внезапным переходом установки одного вида в другой. Эта изменчивость, эти колебания не имеют конца. Бывает, что личности удается освободиться вдруг от иллюзии установки, но она в ту же минуту сразу впадает в более глубокую иллюзию (контрастную); установка может снова ослабеть, т. е. выявиться в виде ассимилятивной иллюзии, но снова, внезапно выступает глубокая иллюзия, и опять личность вдруг высвобождается от иллюзии и снова впадает в нее, и так бесконечно. Темп протекающих на почве такой установки психических феноменов тоже ускорен — переживания молниеносно сменяют друг друга, и переживания и поведение характеризуются колебанием, лабильностью, незаконченностью действия, быстрым переходом-переключением с одного неоконченного действия на другое, прерывистым скачкообразным мышлением, чрезмерным колебанием внимания, внутренним беспокойством — в общем, всеми теми свойствами, которые характерны для маниакального синдрома. Личность с такой установкой не может углубиться в свои переживания, как это присуще людям с грубо-статической установкой. Благодаря быстрой смене и колебаниям установки, личность не задерживается на отдельных переживаниях, эти переживания не достигают глубин личности — это поверхностные, лишённые действенности, направленные во вне переживания, протекающие на почве актуализированной восприятием отдельных предметов фиксированной установки. Поэтому понятно, что такой личности не свойственны интраверсия и аутизм. Она чрезмерно экстравертивна — полностью направлена к внешней действительности, ажитирована и притом проникнута оптимистическим настроением.

Установка такой личности статична и часто слегка иррациональна, что говорит о том, что личность не в состоянии высвободиться из плена фиксированной установки, остается ее рабом — она не может избавиться от бесконечной пластичности установки, от колебаний между различными по прочтости установками и адекватными восприятиями. Развернутые на почве такой установки, проникающие одно в другое, быстро изменяющиеся переживания тоже, как единый процесс, всецело захватывают ее. Экстенсивность молниеносно протекающих процессов переживаний создает повышенный биотонус, ажитированное веселое настроение. Понятно, что

человек действующий с такой установкой, будет сильно затрудняться в объективации собственных переживаний, в превращении их в предмет наблюдения. И в самом деле, такая личность полностью включена в свои импульсивно протекающие переживания и поведение. Примечательно то, что в состоянии психоза она и не пытается сдерживать свои импульсы. У нее нет склонности к объективации своего состояния, к противопоставлению двух планов психики. Благодаря этому, возможность существования в личности внутренних конфликтов, тяжелых переживаний исключена с самого же начала.

Как это показал анализ преморбидной личности, в ней латентно был дан целый ряд таких свойств, которые легко могли перейти в патологическое состояние. Сама установка личности характеризовалась склонностью к патологичности: в пластично-динамическую установку проникла лабильность, а также чрезмерная прочность или же слабость — вариабильность. В соответствии с такой установкой, и переживания, и поведение были отмечены целым рядом странностей, чрезмерной амбивалентностью, проникающими друг в друга противоположными чувствами. Личности была присуща чрезмерная импульсивность. Своеобразие преморбидной личности, изменившись, вошло в структуру психотической личности. В ней и ныне остались фиксированные в прошлом установки, характерные до заболевания личностные свойства, как: доброта, экстравертность, синтонность, оптимизм, странности и многое другое, но ныне эти свойства включены в измененную болезнью структуру личности и приобрели патологическую окраску. Доброта больных неразумна, немотивирована; экстравертность, синтонность — чрезмерны и надоедливы, оптимизм поверхностен, переходя в полную беззаботность и часто в счастливое эйфорическое состояние. Таким образом, вместе с изменением установки, с переходом объективации и воли в инактивное состояние, полностью меняется и структура личности. Теперь эта новая патологически измененная структура личности определяется импульсивно протекающей пластично-статической, иррадиированной установкой, на почве которой раскрылся синдром маниакального возбуждения.

Здесь же следует указать на одно обстоятельство: у больных маниакальным возбуждением и в сфере представления фиксируется пластично-статическая установка. Если учесть особенности больных маниакальной формой психоза, полученные результаты будут понятны. Такие больные характеризуются «оживленным потоком представлений» (Гиряковский); наряду с живостью представлений — молниеносная смена их на почве ассоциаций по внешнему сходству; а в то же время благодаря легкости контакта со средой, еще

чаще — возникновение представлений на основе восприятия окружающих предметов. Все это указывает, что больной обладает способностью живо представить предлагаемый установочный материал (различные величины) и на почве этого произвести фиксацию установки, но эта установка безусловно должна быть своеобразной.

Как установлено, фиксация установки может происходить как по живым, наглядным представлениям, так и по неживым, но на почве своеобразной активной позиции субъекта по отношению к предмету представления. У больных маниакальным возбуждением, установка несомненно фиксируется на основе живых представлений. Доказательством этому служит чрезвычайно живое течение представлений у этих субъектов и самонаблюдение наших испытуемых — они ясно, четко представляют сравниваемые объекты. Об этом же говорят и наблюдения над испытуемыми во время опытов. Испытуемые не включаются активно в опыт, требуются постоянные указания, наставления, чтобы они внимательно сравнивали представляемые предметы — в ответ они пренебрежительно говорят: «Да, да, вижу, оставьте меня в покое, — вижу — один большой, другой маленький — вот такой один, а другой вот такой» — рукой очерчивают представляемые объекты «не мешайте!» и т. д. Таким образом, испытуемый не относится активно к представляемым предметам, но установка у него все же фиксируется. Фиксация установки, очевидно, осуществляется на почве живых представлений.

Д. Н. Узнадзе указывает на существование двух различных категорий представлений: 1) близких к сновидению живых, наглядных представлений и 2) более высоких, специфически человеческих, общих представлений⁶². У описанных нами больных, фиксация установки, видимо, осуществляется по этим близким к сновидению представлениям. Это подтверждает и клиническое наблюдение: быстрый поток их представлений часто обусловлен быстрым переключением внимания с одного воспринимаемого предмета на другой; для них характерна частота возникновения живых представлений по ассоциации сходства с отдельными признаками воспринимаемых предметов. Их представления часто как бы привязаны к воспринимаемым предметам. Ясно, что установка, фиксированная подобными представлениями, не может протекать на уровне объективации. Лишенная активности, фиксированная по живым представлениям установка не может быть выразительницей второго плана психики. Возможность

⁶² Д. Н. Узнадзе, Экспериментальные основы психологии установки, 1961, стр. 107—109.

возникновения такой установки не вносит чего-либо нового в структуру личности, не меняет психическую структуру личности в сторону нормы. И поведение, осуществляемое на почве такой установки, носит импульсивный характер. Форма такой установки тоже не отличается в основном от фиксированной в сфере восприятия, импульсивно протекающей пластично-статической установки.

Природа маниакального синдрома, его клиническое своеобразие должны рассматриваться на основе учета тесной связи природы психоза с преморбидной личностью. Существенной особенностью личностного механизма типично маниакального возбуждения является своеобразие пластично-статической, иррадиированной, стабильной, имеющей тенденцию к вариабильности установки — установки, характерной для циркулярного психоза, импульсивно протекающей на фоне сильного снижения объективации и воли.

в) Инволюционный психоз

Путем интенсивного исследования клинко-экспериментальным методом мы изучили 12 человек — больных инволюционным психозом, а также проанализировали клинические материалы, данные в историях болезни 56 больных, хранящихся в психиатрической клинике. В результате анализа материалов выяснилось следующее: в период, предшествующий заболеванию, характер преморбидной личности всех 12 больных отличался обилием патологических признаков. Их преморбидную личность можно отнести к какому-либо типу характера человека с конфликтной или вариабильной установкой, однако здесь нет полного совпадения, так как патологические свойства представлены в данном случае настолько отчетливо, а импульсивность личности так сильно выявлена, что здесь мы имеем дело скорее с патологическим характером, с психопатическим состоянием.

В то же время следует указать на следующее весьма значительное явление. Изучением развития — динамики характера преморбидной личности этих больных (с детства до периода заболевания) констатировано то, что в большинстве случаев характер этих людей испытал серьезные изменения. Часто в самом детстве, а иногда и после созревания, наблюдается переход от гармонического или близко к нему стоящего типа характера к конфликтному, вариабильному типу. Чем больше приближается личность к пожилому возрасту, тем больше возникает в ней патологических свойств или же

данные в зачатке отрицательные свойства превращаются в патологические.

Приблизительно такую же картину дают и материалы психиатрической клиники, собранные главным образом с целью диагностики заболевания. У 74% больных препсихотическая личность характеризуется обилием патологических свойств характера. В большинстве случаев преморбид больного может быть отнесен к различным формам психопатической, нервной личности.

Согласно материалам психиатрической клиники, 26% таких больных со стороны преморбидной личности принадлежат к нормальным типам характера. Признаками нормального характера считаются: тенденция к социальности, доброта, трудолюбие, сильное чувство долга, теплое отношение к членам семьи и к остальным людям, в общем синтонное включение в социальную жизнь. Однако, если мы пересмотрим эти материалы в аспекте нашей характерологической концепции, тогда и в случае этих 26% принадлежность преморбидной личности инволюционного психоза к гармоническому типу можно взять под сомнение. Некоторые установленные нами конфликтные типы — внутренне конфликтные, импульсивные люди — благодаря сильному развитию способности к объективации, в состоянии жить на втором уровне психики. Поэтому их личность, оставаясь внутренне конфликтной, а внешне, с точки зрения приспособления к среде, гармоничной, часто кажется более синтонной, нежели истинно гармоничный тип. В этом случае на почве частой и сильной объективации собственного поведения в личности явно компенсируются заложенные в ней конфликтные тенденции, патологические свойства. Можно допустить, что и установленные психиатрической клиникой преморбидные нормальные типы больных принадлежат к типам людей с сильно компенсированными патологическими свойствами.

Наши результаты полностью совпадают с данными исследований, проведенных в психопатологии с другой целью Т. А. Гейером⁶³ и Р. В. Люстерником⁶⁴. Преморбидная личность почти всех 16 случаев, приведенных Гейером, и 12 — Люстерником, отличается патологическими свойствами. Люстерник на основе анализа своего материала, а также Гейера, приходит к выводу, что пресенильный психоз (тот же инволюционный) развивается на фоне психопатической, дефективной психики.

⁶³ Т. А. Гейер, К вопросу о пресенильных психозах. Труды психиатрической клиники. Вып. I, 1925.

⁶⁴ Р. В. Люстерник, К учениям о пресенильных психозах. Тр. псих. клиники, вып., II, 1927.

Следует отметить и то обстоятельство, что, согласно имеющимся материалам, для инволюционного психоза не характерна одна какая-либо определенная преморбидная личность, которую можно было бы отнести к какому-либо типу. Здесь не удастся установить такое же закономерное отношение, как в случаях больных шизофренией и маниакальным синдромом. Больным инволюционным психозом почти в каждом отдельном случае соответствует различная конфликтная преморбидная личность. Среди изученных нами 12 случаев, личность 2-х больных принадлежит к типу характера с резко выраженной вариабильно-лабильной установкой, 2-х — к I варианту с вариабильно-стабильной установкой; 3-х — ко II варианту, 2-х — к основному типу людей с конфликтной, грубо-иррадиированной установкой, 2-х — ко II варианту со статической грубо-локальной установкой (эпилептоид) и, наконец, у одного больного отмечался преморбидно отсталого человека, для которого характерна полная аморфность личности. На такое разнообразие преморбидной личности указывают и материалы психиатрической клиники. В преморбиде 56 больных по установившейся в психопатологии характерологии в различном количестве констатируются: эпилептоидные, шизоидные, циклоидные, истерические и смешанные формы типов характера; по количественному распределению ни один из них не имеет преимущества.

По материалам Гейера, инволюционным психозом часто заболевают люди циклоидного типа (из 16 случаев у 7 больных преморбид относится к характеру циклоидного круга), но и здесь трудно говорить об определенной закономерности, тем более, что остальные 9 больных характеризуются преморбидом различного типа.

По материалам Люстерника, из 12 больных у 2-х преморбид имел характер циклотимический, у 4-х — шизоидный, у 1-го — психастенический; остальные подразделялись следующим образом: 1 — дебил, 1 — псевдокверулянт — фанатик, 1 — эпилептоид и 1 — эпилептик.

Таким образом, на основе нашего исследования, опирающегося на материал 68 больных (12 — объект нашего интенсивного исследования и 56 — материал психиатрической клиники), а также по материалам историй болезни, приводимым другими авторами, следует считать установленным, что возникновение инволюционного психоза возможно на почве всех имеющихся типов характера. Заболевание таким психозом не может быть связано с преморбидной личностью какого-либо одного типа.

Экспериментально фиксированная установка у таких больных вариабильна и лабильна. У 9 больных из 12 установка вариабильно-лабильная, а у 3-х — вариабильно-стабильная. Из 64 опытов фиксированной установки, проведен-

ных над этими больными в тактической и оптической сферах (опыты константности), в 42% случаев установка не фиксируется (нулевая), в 21% случаев — установка протекает в виде слабой ассимилятивной иллюзии (статически-ассимилятивная), у остальных 37% — выявляются различные формы статической установки: грубо-локальная, грубо-иррадированная, пластично-статическая и очень редко — динамическая установка. Итак, согласно результатам опытов установки, для этих больных характерны «нулевая» и протекающая в виде ассимилятивной иллюзии установки (вместе взятые они составляют 64%). Этот показатель говорит о слабости и инертности установки. Грубая, статическая, стойкая установка проявляется лишь эпизодически как одна из составных частей вариабильной установки — установка интермодально вариабильна.

Опыты фиксации установки по представлению тоже констатируют вариабильность и часто лабильность установки. В большинстве случаев в вариабильной установке ведущей является ассимилятивно протекающая иллюзия установки и «нулевая».

Таким образом, и установка, фиксированная по представлению, слаба и груба. Вариабильность, лабильность, слабость, грубость и особенно невозможность фиксации установки делают понятным характерное для инволюционного психоза снижение активности всех личностных сил, связанную с внутренним инактивным состоянием — депрессию, меланхолию и раскрытие других болезненных синдромов на фоне пониженной психической активности. Эти результаты исследования полностью совпадают с данными патологического сениума, по опытам И. Т. Бжалава, согласно которому, в случае заболевания патологической меланхолией фиксированная установка вариабильна и лабильна. Структура личности таких больных определяется патологически измененной установкой, действующей на фоне инактивности объективации (вариабильно-лабильная, с низкой возбудимостью установка)⁶⁵.

Перейдем к выяснению основного вопроса нашего исследования: какова взаимосвязь между преморбидной личностью и инволюционным психозом? Как мы уже отметили, преморбидному психозу соответствует преморбидная личность различного конфликтного типа. Рассмотрим в отдельности больных, имеющих преморбидную личность, с вариабильно-стабильной, статической и вариабильно-лабильной установками.

Случай I. М. А. — 48 лет. С детства часто болела. Сре-

⁶⁵ И. Т. Бжалава, К психопатологии инволюционной меланхолии. Эксперим. исследов. психологии установки, Тбилиси, АН Груз. ССР, 1959.

да неблагополучная: отец алкоголик. На этой почве в семье были часты неприятности. В трезвом состоянии отец бывал добрым, любящим семью. Умер от водянки. Мать уравновешенная, спокойная. Брат — алкоголик, бесхарактерный. Одна сестра больна нектамбулизмом, вторая — невропатическая личность. В семье постоянно нервная напряженная обстановка. Только мать своим спокойствием, уравновешенным характером вносила в семью умиротворение. Больная в детстве была сензитивной, молчаливой, старалась ничем не выделяться среди подруг в школе. Была чрезмерно скромной, застенчивой. Краснела, отвечая урок. Отличалась мнительностью. С подругами никогда не имела неприятностей. Обиду не высказывала. Ее конфликтные переживания не отличались интенсивностью и в период начала мензеса. В основном она была личностью уравновешенной. Хорошо приспособлялась к среде. Ей удавалось быть всегда синтонной, социальной. Среднюю школу закончила на отлично, потом окончила индустриальный институт. В период учения в ее жизни не было никаких явлений, нарушавших равновесие. В возрасте 19 лет вышла замуж по любви. Через три года у нее родилась дочь, а затем и сын. По окончании института работала на заводе старшей лаборанткой, потом инженер-технологом. К работе относилась с исключительной добросовестностью, доходящей до болезненности, всегда беспокоилась, волновалась по поводу любого предстоящего ей дела. По словам детей, в семье она казалась уравновешенной, спокойной, деловой, деятельной, но порой — опечаленной, молчаливой. На вопрос детей: «Мама, что с тобой?» Отвечала: «Так, ничего!» — и тяжело вздыхала. В семье, при детях не бывало никаких неприятностей, но она ревновала мужа, подозревая, что он изменяет ей. Дети иногда слышали из своей комнаты неприятные разговоры между родителями, но мать тщательно скрывала от них свои нелады с мужем. Позднее, у нее развилась скрытность. Она ни с кем не делилась своими переживаниями. Стала сензитивной, обидчивой, начались страхи, странности, наблюдалась потеря трудоспособности. С этим периодом у нее совпал климакс. Несколько раз она пыталась покончить с собой. Начался бред преследования: говорила, что кто-то подослан, пытается убить, задушить ее. Больную поместили в психиатрическую больницу (дети ее учились на государственный счет), где она пробыла 4 месяца и выписалась в спокойном состоянии. Через несколько месяцев у нее развилась фиброма матки, начались кровотечения. После лечения она поправилась. Через два месяца прекратились мензесы, начались головные боли, ощущение тяжести в голове, приливы, бред, когда ей казалось, что ее преследуют, что с помощью какого-то аппарата читают ее мысли, что она недостойна пищи, которую принимает, что она плохой работ-

ник. Выявилась тяжелая депрессия, меланхолия. Больная способна была приписывать каждому сказанному другим человеком слову какое-то особое значение. Ко всему относилась с подозрением, страхом, была полна внутренней тревоги, беспокойства. Часто плакала. В таком состоянии ее доставили в Тбилисскую психиатрическую клинику.

В клинике она жаловалась на головные боли, неприятные ощущения в области живота. Настроение у нее было подавленное, депрессивное, часто ею овладевало полное безразличие. Она все время лежала в постели, углубившись в свои переживания, плакала, бредила. Ей казалось, что все сотрудники клиники ее враги, мешают ей работать, следят за ней, преследуют, говорят о ней непристойности, ругают ее, роются в ее бумагах, крадут их. Она слышит о себе: «Этой недостойной так и надо!». Или вдруг: «в клинике говорят, что какой-то мужчина не дает мне покоя. Часто волнуется: дочь запоздала, не случилось бы с ней несчастья. Ей даже слышится крик дочери о помощи. В ней сохранилось родительское чувство. Она рада приходу близких, волнуется за них, но не в состоянии высказать своих чувств, своей радости и потому плачет. Чаще всего она спокойна, молчит. Внутренние переживания не отражаются на ее лице. Иногда она оставляет впечатление человека совершенно лишенного каких-либо чувств. У нее нет объективации своего состояния, она не отдает себе отчета в том, где она находится. Например, она говорит: «Здесь одна женщина ходит, накинув, одеяло, закрывает окна... так делала моя мать. Почему она так себя ведет?». Затем вдруг заявляет: «Здесь не больные, а артистки. Иногда верю, что больна, а иногда — нет!». Она вся поглощена своими переживаниями, своим патологическим состоянием. По ее мнению, ей сейчас лучше, чем раньше, до болезни. «Раньше я внутренне больше страдала, теперь я чувствую себя хорошо, могу свободно разговаривать с людьми, раньше я не могла... слишком страдала, мучилась и ничего не могла высказать... теперь вы видите, как я спокойно беседую с вами!». И в самом деле, она в данное время более синтонна (хотя у нее и есть депрессия), контактна, легко говорит о своих переживаниях, свободно высказывает свою внутреннюю тревогу, страхи, бред и т. д.

При проведении опытов фиксированной установки она вполне адекватна, легко включается в опыт. Результаты опыта дают следующую картину: в оптической сфере 15 установочных экспозиций не дают эффекта — установка не фиксируется, 30 установочных экспозиций создают слабую грубодинамическую установку. Различие величин переживается очень слабо. В опытах константности лишь один раз обнаруживается слабую контрастную иллюзию (2 иллюзии) и один раз установка не фиксируется. Установка стабильна, стабильность

проявляется в виде ассимилятивных иллюзий. Таким образом, в оптической сфере ее установка вариабильно-стабильна. В галитической сфере такая же вариабильно-стабильная установка; здесь только один раз она обнаружила грубо-статическую установку, а в остальных случаях — «нулевую». При тяжелом депрессивном состоянии у нее установка не фиксируется.

Клиническое наблюдение показывает, что у больной нарушена способность осуществлять поведение на уровне объективации. Она совершенно не может объективировать свое ненормальное состояние, полностью захвачена своими болезненными переживаниями, не может остановиться на своем импульсивно протекающем поведении, не в состоянии сдерживать патологические импульсы и развернуть поведение на уровне интеллекта и воли. Вообще в ней не возникает необходимость задержать свое импульсивно протекающее поведение, высвободиться из меланхолического депрессивного состояния, притормозить свою патологическую установку. Ее полностью поглощает меланхолия. Явления окружающего мира и собственное состояние оцениваются ею только на фоне субъективного настроения и патологических импульсов.

Интересны результаты опытов объективации, проведенных над такими больными В. Л. Квиникадзе. На основе экспериментального исследования автор заключает, что основная масса больных пресенильным психозом в экспериментальных условиях не в силах самостоятельно, спонтанно выявить способность объективации. Для этого необходимо с помощью экспериментатора нарушить их инативное отношение к опыту, почаще пробуждать в них активность. Лишь после этого они в состоянии справиться с поставленной задачей. Результаты опыта подтверждают, что им не удается самостоятельно, спонтанно осуществить акт объективации. Да и наблюдение за их поведением приводит к выводу, что способность объективации, если она и сохранилась у них, не представляет собой направляющего свойства поведения. Перед больными, в критические моменты жизни, не возникает вопроса о применении этой способности. Их поведение протекает на уровне патологически измененной установки. Можно сказать, что вышеуказанное состояние способности объективации характерно вообще для всех форм заболевания пресенильным психозом.

Изучив клинико-экспериментальным методом способность объективации больных пресенильным психозом, М. А. Сакварелидзе установила, что хотя у таких больных акт объективации сохранен, но они не в состоянии использовать этот акт при решении задачи. Они не могут долго активно задерживаться на объекте, им трудно развернуть поведение на втором уровне психической жизни, они не в силах активно удерживать в сознании задачу до ее окончательного решения. Поэ-

тому несмотря на сохраненную способность объективации и мышления, задача часто остается нерешенной. Больной настолько поглощен своими тяжелыми, патологически протекающими переживаниями, что ему не удается включить в свое поведение интеллектуальные и волевые силы⁶⁶.

Эксперименты доказывают, что у наших больных в состоянии тяжелой депрессии или возбуждения установка в сфере представления не фиксируется, так как они не могут задержать сознание на идейных объектах, объективировать представляемые величины. Поэтому в этой сфере у них установка не вырабатывается. Однако в спокойном состоянии, когда их не угнетает меланхолия, когда они не поглощены своими собственными переживаниями, они свободно могут представить заданные объекты и выработать в этой ситуации установку. Этот факт был констатирован на таких больных опытами Э. Вачнадзе⁶⁷.

У нашей больной установка, фиксированная по представлению (в спокойном состоянии) — вариabильно-стабильная, протекает в виде ассимилятивных иллюзий. Например, установка, фиксированная по представлению в оптической сфере 30 экспозициями — пластично-статическая. Происходит чередование слабых ассимилятивных иллюзий и равенств. В опытах константности часто обнаруживает также и ассимилятивную грубо-статическую, иррадиированную установку. В гаптической сфере в основном наблюдается такое же состояние.

Как это видно из приведенных выше материалов, наша больная в первом периоде своей сознательной жизни, до замужества и достаточно долгое время после него, принадлежала к такому типу гармонического человека, у которого наблюдается целый ряд патологических свойств в зачаточном состоянии, но эти последние хорошо компенсированы волей личности, ее творческой активностью, направленной к достижению волевых целей. Патологические импульсы и конфликтные переживания не были настолько интенсивны, чтобы их упорядочивание было бы не по силам воле рассматриваемой личности. Она была отягощена неуверенностью, сомнениями, внутренними конфликтами, но ее деятельность, целевое поведение всегда осуществлялось без задержек. Субъективные причины не мешали ей в борьбе за достижение основной цели. Первая половина жизни этого человека полностью может быть отнесена ко II подтипу личности с грубо-динамической установкой. В таком человеке невротические переживания

⁶⁶ М. А. Сакварелидзе, Особенности понятийного мышления при сенильном психозе, 1953.

⁶⁷ Э. Вачнадзе, Особенности установки, выработанной в словесной ситуации при некоторых патологических состояниях, Тезисы докладов XI Научной сессии института психологии АН Груз.ССР, 1957.

протекают в глубине личности, не обнаруживаясь в поведении, они всегда подчиняются волевому контролю личности.

С усложнением жизни (тяжелые роды, служебные обязанности, семейные конфликты и т. д.) компенсированные до определенного времени личностные свойства выявляются с большой остротой. Ее характер постепенно меняется, она становится более замкнутой, напряженной, у нее развивается чрезмерное, болезненное чувство долга, ею овладевают подозрительность, конфликтные переживания, внутренняя тревога. Она часто бывает мрачной, застывшей, с неподвижным взглядом. Ее всегда характеризовали пониженность импульсов и внутренняя инертность. Поэтому часто она была вынуждена для подавления импульсивности, внутренней инертности применять волевые усилия и таким путем придавать своему поведению социальную направленность. Несмотря на тяжелые внутренние конфликты, она долго оставалась владеющим собой, гармонично созвучным со средой человеком. Как видно, она постепенно превратилась в человека конфликтного типа, но владеющего собой. В дальнейшем, в ходе тяжелых биологических изменений (климакс), начинается ее формирование в психопатическую личность. Она уже не в состоянии сдерживать внутренние конфликты, упорядочивать свое отношение к окружающим. Так постепенно шло нарушение старой структуры личности. У больной постепенно ослабевает способность объективации, нарушается возможность регулирования поведения посредством интеллекта и воли. В процессе климакса личность заболевает пресенильным психозом, протекающим на фоне депрессивного синдрома. Интересно то обстоятельство, что поведение и переживания больного в процессе болезни протекают на фоне личностных свойств, характерных для нее до болезни, особенно в ближайший до болезни период. Хотя своеобразие этих старых личностных свойств раскрылось на почве сформировавшихся в процессе заболевания новой формы установки и инактивности объективации, все же характерологические свойства преморбиды несомненно предопределили своеобразие личности в психотическом состоянии и возникновение характерных симптомов. В этом случае депрессии, пресенильное психотическое состояние выявляется в депрессивно-меланхолической форме. В преморбиде больная отличалась понижением импульсов, внутренне инертным состоянием, тяжелыми переживаниями, замкнутостью, сензитивностью, мнительностью, которые упорядочивались на почве активности второго уровня психики. Все эти свойства были или заторможены, или проявлялись в поведении на почве нормальной объективации. И в состоянии болезни, как и до нее, для этого человека характерны в основном те же личностные свойства (тяжелые переживания, инертное состояние, сензитивность,

подозрительность, внутренняя тревога). Эти свойства выявляются теперь в личности на фоне общей тяжелой депрессии и меланхолии. Если до болезни внутренняя активность личности направлялась возникшими на уровне объективации личностными силами, теперь субъективный фактор, обуславливающий эти силы, отошел на задний план, личность осталась во власти патологически измененных старых личностных свойств — фиксированных установок. Как мы видели, в процессе заболевания ее установка инертна, слаба и притом груба, чаще всего установка не фиксируется. Ее установка вариабильно-стабильная, проявляется в чередовании слабой, грубой и нулевой установок. В этом состоянии у нее редко обнаруживается статическая установка.

Итак, в случае этой больной, в связи с заболеванием инволюционным психозом, произошел целый ряд изменений коренного характера. Прежде всего, изменилась способность объективации. В состоянии психоза она не в силах использовать эту способность. Ее установка стала слабой, грубой, «нулевой», вариабильной. Переживания личности и ее поведение развернулись на почве этих измененных объективации и установки. Теперь основными свойствами личности стали: протекающая на фоне тяжелой депрессии внутренняя тревога, симптомы самообвинения, подозрительности, страха, лишенные интенсивности, глубины и агрессивности. Ее установка также отличается слабостью, ее фиксация в основном определяется ситуацией. Активность личности также сниженная — лабильно-депрессивная. Таким образом, согласно результатам исследования этой больной, депрессивно-меланхолическая форма пресенильного психоза развилась на почве конфликтной преморбидной личности. Между такой преморбидной личностью и патологически измененной в данный момент личностью существует вполне понятная связь. Ведущий синдром пресениума этой личности — депрессивно-меланхолическое состояние. В данном процессе заболевания преморбидное состояние включено в структуру личности в патологически переработанном виде.

Среди изученных нами 12 больных у 3-х была зафиксирована конфликтная преморбидная личность (грубо-статическая, иррадиированная установка), у всех трех больных в психотическом состоянии ведущей формой являлось меланхолическо-депрессивное состояние. У всех у них в процессе заболевания установка почти однородна — это ассимилятивно-стабильная, слабая, грубая и часто нулевая установка. И фиксированная по представлению установка также выявляется в виде ассимилятивных иллюзий и нулевой установки. По клиническим наблюдениям, они не в состоянии использовать в своем поведении способности объективации, которая, по экспериментальным данным, у них сохранена.

Сле
ческим
форме п
личности
свойства
ной на
ных инв
бидная
уклоном
со-иррад
твержда
хоза в д
ся своео
фликтной

Сред
ность 2-х
бой стати
новленно
ставлен п
констатир
патией.

Слу
мально. С
рямство, п
По семей
в семье в
братом. Х
зеса. Пос
упрямая,
удовлетво
относилас
ных целей
на, она с
ферентной
там. Заму
тей. С му
сти. Чере
умерла о
войнне. В
рабочий з
работала
она часто
обращала
дится о н
вынужден
жала при
их оконча
жить в св
12. Вл. Н

Следует отметить и то обстоятельство, что, и по клиническим материалам, в большинстве случаев депрессивной форме психоза в преморбиде соответствует конфликтный тип личности. Если рассматривать данные в этих материалах свойства преморбидной личности с точки зрения выработанной нами характерологической типологии, тогда из 8 больных инволюционным психозом депрессивной формы преморбидная личность 6 больных должна быть отнесена к типам с уклоном к сензетивно-шизоидной психопатии, имеющим грубо-иррадиированную установку. Эти материалы также подтверждают положение, что раскрытие инволюционного психоза в депрессивной форме в значительной мере определяется своеобразием преморбидной личности — личности, конфликтной по структуре, с грубо статической установкой.

Среди объектов нашего исследования преморбидная личность 2-х больных может быть отнесена к типу людей с грубой статично-локальной установкой — ко II варианту установленного нами конфликтного типа. Здесь этот тип представлен полностью в патологических линиях. Он совпадает с констатированной в психопатологии эпилептоидной психопатией.

Случай II. Ф. Н. — 57 лет. Развивалась в детстве нормально. Основными чертами характера были: своеволие, упрямство, в то же время была социальной, экстравертивной. По семейным обстоятельствам в школе не училась, помогала в семье в работе по дому. У нее были частые конфликты с братом. Характер ее резко ухудшился в период первого мензеса. Постепенно она оформилась как личность своевольная, упрямая, злая, с аффективными реакциями. Целью ее было удовлетворение собственного «эго». Ко всем и ко всему она относилась только как к средствам осуществления собственных целей. А так как реализация этого часто была невозможна, она становилась раздражительной, бессердечной, индифферентной, склонной к стеническим патологическим аффектам. Замуж вышла в 19-летнем возрасте. Имела 4-х детей. С мужем и свекровью у нее были постоянные неприятности. Через четыре года после замужества овдовела, дочь умерла от дифтерита, старший сын погиб в Отечественной войне. В настоящее время у нее два сына. Один из них — рабочий завода, другой — типографии. Получая вдовью пенсию, работала уборщицей, судомойкой. Из-за частых конфликтов работала уборщицей, судомойкой. Детей воспитывала до 15 лет, она часто меняла место работы. Детей воспитывала до 15 лет, она часто меняла место работы. Детей воспитывала до 15 лет, она часто обращалась с ними плохо, упрекала их за то, что ей приходится о них заботиться, кормить их. В 15 лет сыновья были вынуждены начать самостоятельную жизнь, но она продолжала притеснять их. После того как сыновья поженились, она их окончательно возненавидела, не давала им возможности жить в своем доме, часто обращалась по этому вопросу в

суд. Один сын сам ушел из дому, второму суд присудил одну комнату, остальную площадь оставил матери. Это постановление суда она встретила с большим неудовольствием. На суде очень взволновалась, впала в аффект: стучала кулаком по столу судьи, угрожала ему и заявила, что поступит так, как найдет нужным. На свою сестру, которая в суде была на стороне племянников, она возвела клевету, якобы та была в половых сношениях с братьями и племянниками. Постепенно она становится все более патологической. Притесняет сына, отравляет ему жизнь; ссорится с соседями. Конфликты в отношениях с людьми принимают еще более острый характер в период прекращения мензеса (в 45 лет), да и после это болезненное состояние все более углублялось: она угрожала сыновьям, что убьет их, внуков своих задушит в колыбели, становилась все более возбужденной и агрессивной. Если до сих пор ее поведение было мотивировано эгоистическими целями, теперь постепенно начался паранояльный бред. Она скандалит с соседками, которые якобы обвиняют ее в связи с их мужьями. Наконец, она дошла до того, что нанесла беременной соседке побои в область живота, стала кидаться камнями во всех живущих во дворе. В этом состоянии ее поместили в психиатрическую больницу.

В больнице она постоянно возбуждена. Ругает сыновей, не принимает их, выбрасывает приносимую ими пищу, ругает соседей, жалуется, что сыновья обворовывают ее, просит отпустить ее домой, уверяя, будто ее вызывает прокурор. Она не устает доказывать, что здорова и требует врачебной комиссии, утверждает, что с 23 лет она не знала мужчин. Говорит: «Я совершенно здорова, выдумывают, что я сумасшедшая, что я хотела поджечь соседей!». Она всегда в подавленном, плохом настроении, в тревоге, в ожидании чего-то страшного. Согласно данным клиники, в этом случае пресенильный психоз протекает в форме паранояльного состояния.

В опытах фиксированной установки испытуемая обнаруживает вариабильно-лабильную установку. И в оптической и в гаптической сферах у нее выработалась один раз грубо-локальная установка, в остальных же случаях «нулевая». Итак, ее установка дает чередование грубо-локальной и нулевой. Фиксированная установка лишена стабильности. Установка, фиксированная по представлению, также вариабильно-локальна. Иногда ей удается фиксация установки по представлению (в спокойном состоянии), а иногда нет. В сравнительно спокойном состоянии фиксированная по представлению установка в оптической сфере оказалась весьма слабо-пластичной и динамичной, и в гаптической сфере один раз у нее фиксируется слабая пластично-статическая локальная установка. В остальных случаях обнаруживается

«нулевая». Течение установки и здесь характеризуется лабильностью. Таким образом, для этой личности как в сфере восприятия, так и в сфере представления характерно главным образом частое чередование статической локальной и «нулевой» установок. Несмотря на то, что этой больной иногда удается фиксировать установку по представлению, т. е. в экспериментальных условиях проявить способность объективации, все же она не в состоянии использовать эту способность: направлять свое поведение на уровне объективации. И согласно клиническому наблюдению ясно, что она не производит объективации своего поведения, которое развертывается всецело на первом уровне психики. Она не может остановиться на своем поведении, не может его объективировать и на этой основе осознать его, понять всю его бессмысленность. Она раскрывает свое мышление и поведение только на бредовых по характеру содержаниях, находится в паранояльном состоянии.

Между преморбидной личностью этих больных и клинической формой пресенильного психоза обнаруживается вполне ясная и понятная связь. В период, предшествующий заболеванию, конфликты проявляются в виде эпилептоидной психопатии. Как установлено, фиксированная установка эпилептоида грубо-локальна. На фоне такой установки раскрывается эпилептоидный конфликтный характер. Упрямство этих людей, их агрессивность и другие характерные черты в преморбиде были еще как-то упорядочены под воздействием среды, силой внешней необходимости. Такой человек вынужден под воздействием ситуации сдерживать свои импульсы, эгоистические цели, упрямство, капризы, вынужден считаться с социальной средой. Как разумное, имеющее способность объективации существо, он хотя бы частично сдерживает свои аффекты, его импульсивное поведение нормально мотивировано на почве собственных эгоистических целей. В силу частого торможения асоциальных фиксированных установок и невозможности их реализации, такие люди перегружены злобой, ненавистью, мстью, враждебностью и другими комплексами. Эти комплексы превращены в свойства личности. Заболевание пресенильным психозом выражается в основном в виде несдерживаемого объективацией и волей импульсивного поведения. После заболевания больной выявляет в своем поведении фиксированные в прошлом личностные свойства в патологически переработанном виде. Здесь интересно отметить одно обстоятельство. И. Т. Бжалава в своей докторской диссертации — «К психопатологии эпилепсии» — показал, что эпилептоидный психопат, заболевая генуинной эпилепсией, сохраняет грубо-локальную установку. Его психическое состояние обнаруживается на фоне грубой локальной

установки⁶⁸. В случае заболевания эпилептоида пресенильным психозом положение иное. В этом случае в личности не только снижается объективация, но и меняется характер установки. Пресенильный психоз, как своеобразная форма заболевания, находит свое выражение в совершенно особой установке — вариабильно-лабильной (изредка — грубая локальная установка и более часто — «нулевая»). Именно эта установка делает понятным своеобразие пресенильного психоза. Согласно вышеописанным случаям, личностные особенности преморбиды вплетены в измененную на почве сениума структуру больной личности. Своеобразие преморбидной личности несомненно определяет клиническую форму заболевания, пресенильный синдром. До заболевания личность отличалась упрямством, мнительностью, агрессивностью, эгоцентризмом, человеконенавистничеством и вообще агрессивными комплексами по отношению к другим людям. Одновременно с выпадением второго плана психики фиксированные установки старого содержания автоматически, в переработанном виде, полностью развернулись на первом уровне психики — уровне установки. Описанная выше больная превратилась в совершенно патологическую, импульсивную личность. Выявление импульсивности происходит на почве закрепленных в преморбиде свойств, только здесь они включены в бред, в галлюцинации и другие болезненные явления. Она также агрессивна, полна подозрений, ненависти и злобы; эгоцентризм личности достигает в ней высшей точки. Сдерживаемые до того интеллектом и волей агрессивность и вообще все нереализованные фиксированные установки выявились во время болезни немотивированно и бессистемно, в виде бреда. Комплексы личности реализовались в бреде. Однако теперь старые личностные свойства потеряли прежнюю твердость и грубость. Указанные свойства личности стали мягче, лабильнее, слабее, менее интенсивными и не систематичными. Они раскрылись на фоне основных признаков пресенильного психоза — снижения психической активности, подавленного самочувствия, внутренней тревоги и чувства страха. Поэтому выявлению старых свойств нехватает настоящей активности эпилептоида. Характерная для больной личности вариабильная, лабильная установка делает понятной природу ее импульсивного поведения. Анализ такой типичной установки показывает, что личность не имеет внутренней опорной силы, чтобы на этой почве произвольно развернуть поведение. Это последнее определяется ситуацией, вследствие чего оно неустойчиво, полно внутренней тревоги и паники. Сохранение в процессе болезни способности выра-

⁶⁸ И. Т. Б ж а л а в а, Психопатология эпилепсии, Тбилиси, 1960 (на грузинском языке).

батьеать грубо-локальную установку, характерную для преморбидной личности, делает понятным более грубое, по сравнению с другими формами пресенильного психоза, активное и агрессивное выявление старых эпилептоидных черт: упрямства, агрессивности, импульсивности, паранояльных бредовых переживаний (паранояльная форма).

На основе нашего материала выясняется, что паранояльная форма инволюционного психоза развивается главным образом на почве эпилептоидной, конфликтной личности с грубо-локальной установкой. Это подтверждается и результатами анализа материалов психиатрической клиники. Согласно этим материалам, из 9 субъектов с эпилептоидным преморбидом у 7 больных пресенильным психозом ведущим синдромом является паранояльный синдром. Только к нему часто добавляются галлюцинации.

Перейдем к рассмотрению таких случаев больных пресенильным психозом, где особенность преморбидной личности заключается в вариабильности и лабильности установки.

Случай III. Р. Е. — 48 лет. Отец у нее умер рано, ее брата и сестру воспитала мать, которая вышла замуж вторично. От второго брака она родила еще одного сына. Вторым муж вскоре умер. Она вышла замуж в третий раз. Третий муж оказался грубияном и пьяницей, в семье часто бывали неприятности. В детстве нашей больной было трудно учиться в школе; она была очень лабильной с частой сменой настроения. Любила быть в центре внимания, но часто оставалась отчужденной среди других детей. Стремясь к детскому коллективу, она не умела приспособиться к нему. Дети часто били ее, она много плакала. В течение 7 лет она закончила только 5 классов. Целью ее стремлений было стать бухгалтером. Но она не сумела достичь своей цели. В девичестве была веселой, излишне экстравертивной, в ней еще более развилась тенденция быть в центре внимания окружающих. Ее характеризовали обидчивость, внезапная вспыльчивость. Однако чувство обиды не задерживалось в ней долго — она вообще поверхностно переживала внутренние конфликты. Поступив впервые на службу, она сблизилась с мужчиной, который обещал на ней жениться, имела от него ребенка. Но этот человек покинул ее и женился на другой. Она не примирилась с этим, преследовала на каждом шагу отца своего ребенка, оскорбляла его, хотела облить серной кислотой. Когда в суде разбирался вопрос об алиментах, она ругала бывшего возлюбленного, оскорбляла его публично. Постепенно она стала беспокойной, манерной, кокетливой, приобрела склонность к сближению с мужчинами. Вышла замуж, но с мужем имела частые неприятности. Муж умер скоропостижно. В этот же период у нее начался климакс. Прежние отрицательные черты характера стали резче.

Появился и психоз. Выработался сравнительно устойчивый бредовой синдром: якобы ее первый муж, уже давно скончавшийся, замаскировавшись под чужим именем, часто заявляется к ней. Больная хорошо помнит, что ее муж давно умер. Вспоминает его гроб, похороны, но, по ее мнению, все это было нарочно подстроено, а в настоящее время муж ее жив и продолжает существовать под видом некоего молодого человека, который служит и поныне. Он выкрасил волосы и теперь кажется моложе. Сама больная тоже чувствует себя помолодевшей. Она много раз прибегала к работающему в райкоме гражданину с просьбой показать свое настоящее лицо, ожидая увидеть своего покойного мужа.

В больнице она не чувствует себя больной. Знает, что находится в больнице, но врача принимает за милиционера. Настроение у нее колеблющееся, лабильное, повышенное, время от времени эйфорическое. Смеется, поет, иногда сексуально возбуждена, однажды пристала к одному душевнобольному с объяснениями в любви. В клинике она кокетничает, поет любовные песни, объясняется всем в любви, позирует, кривляется, легкомысленна, прыгает. По отношению к себе не критична. Прошрое вспоминает с восторгом, говоря: «Я была красивой, веселой, полной жизни, все мною интересовались, ухаживали за мной, мужчины по мне с ума сходили!». С восхищением вспоминает своих «поклонников». В то же время ее характеризует беспокойство, внутренняя тревога, эмоциональная неустойчивость, полное понижение психофизических сил; иногда наблюдается и депрессия. В результате расстройства желудка очень ослабела и несколько дней была в меланхолически-депрессивном состоянии. Но и в таком состоянии она кокетничала, фантила, воспоминания прошлого, особенно воспоминания о встречах с мужчинами, доставляют ей удовольствие.

В опытах установки больная контактна. В оптической сфере 15 установочными экспозициями установка не вырабатывается; 30 установочными экспозициями фиксируется грубая статическая установка, только переживание различия между сравниваемыми кружками очень слабое: «Они едва отличаются друг от друга, почти не различаются», — говорит испытуемая. В опытах стабильности только один раз констатируется статическая ассимилятивная иллюзия. Переживание различия и здесь очень слабое. В опытах константности установка не фиксируется. Один раз она обнаружила грубо-статическую установку в виде ассимилятивных иллюзий и еще один раз грубо-статическую в виде контрастных иллюзий. Таким образом, протекание фиксированной установки вариабильно. В галтической сфере установка также вариабильна. 30 установочными экспозициями фиксируется слабая статическая установка, в других случаях констатиру-

ет равенство. В опытах константности 2 раза подряд дает «нулевую» установку. Установка лабильна.

Установка по представлению у испытуемой не фиксируется. Установка данного субъекта вариабильна и лабильна, характеризуется интермодальной вариабильностью. Например, в оптической сфере фиксируется то слабая, то стойкая установка, а в гаптической она возникает редко. В трех опытах фиксации установки по представлению ей не удается задержать сознание на идейных объектах, которые надо сравнить друг с другом по представлению, в четвертом опыте (на четвертый день) у нее по представлению вырабатывается слабая грубо-динамическая установка (3 контрастных иллюзий).

Клинический диагноз приведенной нами больной: истеричная форма инволюционного психоза. Как видно из наших материалов, в этом случае преморбид больной испытал в продолжение жизни определенные изменения. В период, предшествующий заболеванию, преморбидная личность сформировалась в виде близкой к патологической и физической инволюцией личности, в ней постепенно укоренился инволюционный психоз со всеми его характерными признаками. А клиническое течение психоза развернулось на фоне преморбидной личности; психоз вылился в форме истерии.

Личность с вариабильно-лабильной установкой, заболевшая пресенильным психозом характеризуется целым рядом таких личностных свойств, понимание и объяснение которых возможно только на основе учета своеобразия преморбидной личности. Люди с вариабильно-лабильной установкой отличаются лабильностью характера, ограниченностью ситуацией, внутренней неустойчивостью, беспринципностью. У них нет внутренней направляющей силы, они не могут противостоять внешнему миру со своей внутренней позиции, как определенно настроенные личности. Всякое впечатление может вызвать в них фиксацию установки, но эти их фиксированные установки неустойчивы во времени, что свидетельствует о незначительности в них хронических по характеру установок большого личностного веса, которыми личность, как индивид, может противостоять объективному миру. Способность фиксации установок различной формы — вариабильность, говорит о том, что у этих лиц нет определенной логики характера. Как определяющая переживания установка, так и поведение и переживания изменчивы, лабильны, вариабильны. Вследствие общей лабильности личности часто имеет место под воздействием ситуации по отношению к определенному явлению фиксация такой установки, реализация которой невозможна. Подобные нереализованные установки становятся источником комплексов мучительных переживаний. Из своеобразия таких переживаний личности вытекают эмоциональная лабильность, внутренняя беспомощность, ограни-

ченность ситуацией, иногда в борьбе за какую-либо навязчивую идею эксцентрическое упрямство и суетливое поведение. Таково в общем своеобразие преморбидной личности подобных больных.

И вот подобные люди заболевают инволюционным психозом. Фиксированные на протяжении их жизни установки и порожденные вариабильно-лабильной установкой свойства, в нормальном и психопатическом их состоянии, были заторможены способностью объективации. В результате заболевания личность не в состоянии спонтанно привести в действие акт объективации, направить свое поведение на втором плане психического. Поведение личности и переживания ее полностью раскрываются в плане установки. Вышеназванные свойства, как мы выше видели, раскрылись на почве психоза в патологически переработанном виде. В прошлом, под воздействием ситуации, прочно фиксированные установки (например, сексуальные комплексы) выявились с особенной силой. Они переработались в виде бредовых идей интерпретации, галлюцинаторных содержаний. Черты характера преморбиды: неустойчивость, поверхностность, ограниченность ситуацией, кокетливость, чрезмерное щегольство и другие свойства, связанные с тенденцией быть в центре внимания окружающих, выявились полностью, в оголенном виде. Однако здесь эти свойства действуют на фоне инволюционного психоза. Им не хватает характерных для истерического психоза импульсивности и силы. Эти свойства протекают на фоне снижения общей активности и внутренних импульсов.

В процессе психоза и установка у рассматриваемых личностей слаба, трудно возбудима, протекает, в основном в виде ассимилятивных иллюзий. Обычно наблюдаются моменты невозможности фиксации установки. В сфере представлений установка или не фиксируется вовсе, если же фиксируется, то очень слабая вариабильная и лабильная, с частыми случаями «нулевой» установки. В общем слабость установки и частота «нулевой» — характерный признак пресенильного психоза.

И по материалам клиники, у субъектов, имеющих истерический характер (истероидов), инволюционный психоз в большинстве случаев представлен инволюционным психозом истерической формы.

Согласно нашим материалам, следует признать, что если личность, имеющая в преморбиде вариабильно-лабильную установку, заболевает инволюционным психозом, клиническая форма протекания психоза раскрывается в виде истерических реакций.

Нам встретились и такие больные, характер преморбидной личности которых принадлежит к типу импульсивно-экспансивного характера с вариабильно-стабильной установ-

кой (чередование статической и динамической установок). Основные их признаки: сильная импульсивность, ослабление способности объективации и воли и тенденция к импульсивному раскрытию своего характера. Поведение такого человека определяется в основном тенденцией к импульсивному раскрытию установки, фиксированной при приоритете интенсивной потребности, а характер определяется тенденцией выявлять импульсивно как положительные, так и отрицательные черты.

Случай IV. Дж. Н. — 58 лет. Образование низшее, замужняя. Поступила в клинику с диагнозом: ажитированная депрессия. Анамнез: мать больной умерла в старости, в 80-летнем возрасте, от сердечной астмы. По своему характеру она была гордой, самолюбивой, вспыльчивой, гостеприимной. Отец умер в возрасте 96 лет от соматического заболевания. Он был человеком спокойным, тихим, безобидным, добрым, гостеприимным, сердечно относился к семье и детям. Алкоголем пользовался умеренно. Больная окончила школу рукоделия. По характеру она была очень импульсивной, нервной, вспыльчивой, веселой, легко возбудимой, откровенной, упрямой, стенической, любила кутить, пила вино, водку.

Мензес начался в 14 лет. В 42 года начался климакс, и в связи с ним появились психотические явления. Плакала, причитала: «Я схожу с ума, у меня расстроились нервы, не могу сдержатъ себя и т. д.». После обнаружения этого состояния ее поместили в психиатрическую больницу, где она пробыла 18 дней. Выписалась в хорошем состоянии. Это было до замужества. После выписки из клиники вышла замуж. Имеет одного ребенка (приемного-усыновленного) 11 лет. Из-за ее беспокойного характера в семье были частые неприятности, конфликты. Заболевание проявилось снова. Больная постепенно становилась все более импульсивной, беспокойной. Она очень сильно переживала смерть матери: целые дни проводила на ее могиле, плакала, причитала. В течение двух месяцев болезнь обострилась. Больная днями лежала в постели или бродила по дому, рыдала. Потом она стала еще более беспокойной, ажитированной, не могла оставаться на одном месте, часто плакала. Ее поместили в психиатрическую больницу. Здесь она почти не переставая кричит, никак не может сдержатъ свой крик. Все ее внимание поглощено собственными переживаниями, телесными ощущениями. Она очень беспокойна, не спит, визжит, кричит, бьет себя по голове, рвет волосы, вопит: «Помогите, дайте лекарство, хотя я знаю, что это мне не поможет, несчастной! В молодости я занималась рукоблудием, и вот, оказалось, это подействовало на мой разум!». Во время клинической беседы она плакала. Вообще для нее характерен навязчивый, ажитированный плач.

Опыты установки дают следующую картину: в оптической сфере больная один раз обнаружила стойкую пластично-статическую установку, второй раз — слабую пластично-статическую (с ассимилятивными иллюзиями), один раз установка не выработалась. Установка слабо-стабильная. В опытах стабильности один раз проявилась слабая пластично-статическая установка в виде ассимилятивных иллюзий. В тактической сфере установка не фиксируется. Фиксация установки по представлению то удается, то нет. Установка, фиксированная в этой сфере, слаба и вариабильна (ассимилятивные иллюзии и 1—2 контрастные иллюзии). Итак, для этой испытуемой характерна вариабильная установка: чередование слабой, стойкой и «нулевой» по фиксации установок, а также разнообразие форм выявления фиксированной установки в различных сферах — интермодальная вариабильность.

У второй больной этого же типа установка по представлению не вырабатывается. В тактической сфере установка вариабильна и лабильна. В опытах фиксированной установки выявляются грубая, локальная, слабая, пластично-статическая и «нулевая» установки. В оптической сфере установка не фиксируется. У третьей больной установка по представлению или вовсе не фиксируется или очень слаба, а в сфере восприятия установка вариабильная и лабильная. В оптической сфере фиксация установки не удается. В тактической сфере обнаруживает слабую пластично-статическую или же грубую статическую установку; иногда установка не вырабатывается.

Примечательно то обстоятельство, что в случаях больных с преморбидом вариабильно-стабильной установки нет соответствия с какой-либо одной определенной формой инволюционного психоза, как это имело место в предшествующих случаях. Из вышеупомянутых больных первая охвачена меланхолической депрессией, вторая — паранояльно-депрессивной формой, а в третьем случае дана смешанная-паранояльная и истерическая — форма. Это обстоятельство станет понятным, если вспомнить одну особенность преморбидной личности: людей такого типа характеризует фиксация установки различной формы. В определенный период жизни ведущим для них является какой-либо один вид установки. Например, грубо-статическая установка, во второй период — грубо-локальная или же грубо-динамическая или невозможность фиксации установки — «нулевая». Вследствие такой особенности установки, люди, входящие в тип вариабильно-стабильной установки, могут резко отличаться друг от друга. Для них характерны два признака установки — вариабильность и стабильность, но согласно форме их установки, одна и та же личность в разных ситуациях жизни проявляет себя

по-разному. В один период жизни ведущей для данной личности может быть динамическая форма установки и соответствующий вид поведения, в другой — пластично-статическая, а в третий — грубо-локальная, «нулевая» и т. д.

В такой группе людей, само собой ясно, не может возникнуть с определенной закономерностью соответствующая форма пресенильного психоза. Здесь чаще всего встречаются смешанные формы или же при таком преморбиде развиваются различные формы пресенильного психоза в зависимости от того, какой формы установка была ведущей в период препсихотического состояния личности. Во всех случаях протекание психоза, в какой бы форме оно ни выявилось, отмечено печатью преморбидной личности. Основным свойством преморбидной личности следует считать импульсивность — тенденцию импульсивного развертывания морального или аморального поведения. Способность объективации, воля и интеллект часто не в состоянии регулировать выявление фиксированной установки с приоритетом интенсивных потребностей в виде импульсивного поведения даже тогда, когда человек такого типа осознает свое импульсивное поведение, когда это поведение протекает на фоне ясного сознания. Он не в силах сдержать его и остается во власти установочного поведения. В случае заболевания пресенильным психозом эта особенность преморбидной личности проявляется отчетливо, но в патологически переработанном виде. Типичным признаком возникшего при таком преморбиде заболевания является навязчивое, безудержное, импульсивное поведение, протекающее при сравнительно ясном сознании. У больной навязчивы: плач, крик, вопли, страх, желание самоистребления. По сравнению с другими формами пресенильного заболевания, здесь эти импульсы отличаются большой интенсивностью. Притом больная часто сознает, что ее импульсивное поведение — плач, бред, причитание — бессмысленны, болезненны. Однако она не в силах сдержать себя. Она мучается, страдает из-за такого своего состояния. Эти переживания обостряют меланхолически-депрессивное состояние личности. Больная остается в плену своих патологических импульсов. Такие патологические свойства несомненно являются результатом болезненной переработки свойств преморбиды.

В заключение, на основе анализа наших материалов о взаимосвязи инволюционного психоза и преморбидной личности, можно сказать следующее.

Инволюционный психоз не имеет одного определенного типа преморбидной личности. Таковой психоз может возникнуть из всех видов конфликтного типа личности. В частности, согласно установленной нами характерологической типологии, преморбидной личностью инволюционного психоза могут быть конфликтные типы с грубо-иррадиированной, грубо-

локальной (эпилептоиды), вариабильно-лабильной и вариабильно-стабильной установками.

Преморбидная личность с задатками инволюционного психоза, в большинстве случаев, в течение жизни испытывает изменения, постоянную инволюцию. Вначале (например, в юношеском возрасте) личность, близкая к гармоничному типу, постепенно склоняется в сторону конфликтного и, наконец, ее препсихотическая личность полностью становится типом, носящим в себе острые конфликты.

Как правило, преморбидная личность инволюционным психозом в период, предшествующий заболеванию, находится в психопатическом состоянии.

У таких больных экспериментально фиксированная установка (в сфере восприятия) вариабильная, лабильная, слабая, грубая и часто «нулевая». Установка, фиксированная по представлению, слабее по сравнению со сферой восприятия, но также груба, вариабильна и часто лабильна. Очень часто установка протекает в виде ассимилятивных иллюзий. Указанные свойства фиксированной установки — вариабильность, лабильность, грубость и особенно частота невозможности фиксации установки — делают понятными характерное для инволюционного психоза понижение активности всех личностных сил, снижение сферы потребностей, вообще импульсов всех видов, связанные с внутренним инактивным состоянием депрессию, меланхолию и развертывание всех других синдромов на фоне понижения психической активности (потребностей).

Клинические наблюдения над больными показывают, что они лишены возможности спонтанно приводить в действие свою способность объективации. Также и в экспериментальных условиях для приведения в действие функции объективации, выведения ее из пассивного состояния требуется толчок, помощь со стороны экспериментатора. В естественных жизненных условиях больные не пытаются разворачивать свое поведение на втором плане — психической жизни. Они раскрывают свое поведение импульсивно на почве возникшего в результате общего снижения психической активности состояния: галлюцинаций, меланхолических жалоб, фиксированных патологических установок.

Своеобразие преморбидной личности обуславливает возникновение различных форм пресенильного психоза.

Конфликтной преморбидной личности с грубо-иррадированной установкой соответствует меланхолически-депрессивная форма пресенильного психоза. Конфликтной преморбидной личности с грубой статической локальной установкой (эпилептоид!) соответствует паранояльная форма. Конфликтной личности с вариабильно-лабильной установкой соответствует пресенильный психоз с истерическими реакциями.

ми. В преморбиде импульсивно-экспансивному типу с вари-
абильно-стабильной установкой соответствуют различные
смешанные формы пресенильного психоза, основными призна-
ками которых являются сильная импульсивность, экспансив-
ность и навязчивые бредовые переживания. Хотя для всех
форм пресенильного психоза характерна вариабильность,
слабость и грубость установки, однако отдельные формы
этого психоза, в пределах основного же типа, характеризу-
ются и целым рядом других особенностей установки.

Люди, больные меланхолически-депрессивной формой
психоза, часто обнаруживают «нулевую» установку.

Для протекания паранояльной формы психоза харак-
терно в вариабильной установке частое чередование различ-
ных грубых и локальных установок (как правило, протекаю-
щая в виде ассимилятивных иллюзий статическая установка).

Для пресенильного психоза с истерическими реакциями
характерна, наряду с вариабильностью, и лабильность уста-
новки.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Проблема структуры личности и понятие установки	5
Цель и методика исследования	42
Типы характеров	51
I. Характер цельной гармоничной личности с динамической установкой	51
а) Характер личности с пластично-динамической установкой	51
б) Характер цельной гармоничной личности с грубо-динамической установкой	65
II. Характер конфликтной личности с грубо-статичной установкой	85
III. Характер личности с вариабильной установкой (импульсивный характер)	108
а) Характер импульсивной личности с вариабильно-стабильной установкой	109
б) Характер импульсивной личности с вариабильно-лабильной установкой	123
Преморбидная личность и психические заболевания	135
Проблема и метод исследования	135
Результаты исследования	137
а) Шизофрения	137
б) Маниакальное возбуждение	154
в) Инволюционный психоз	167

CONTENTS

The Problem of Personality Structure and the Concept of Set	5
The Object of the Study and Its Method	42
Character Types	51
I. The character of persons of the harmonious, dynamic-set type	51
a) The character of persons with plastic-dynamic set	51
b) The character of persons of the integrate type, with rigid-dyna- mic set	65
II. The character of persons of the conflictual type, with rigid- static set	85
III. The character of persons of the impulsive type, with variable set	108
a) The character of impulsive persons with variable-stable set	109
b) The character of persons of the impulsive type, with varia- ble-labile set.	123
Premorbid Personality and Mental Disorders	135
The Problem and the Method of Its Study	135
Results of the Study	137
a) Schizophrenia	137
b) Manic Excitement	154
c) Involutional Psychosis	167

Владимир Георгиевич Норакидзе

Напечатано по постановлению
Ред.-изд. совета АН Грузинской ССР

*

Редактор Н. Е. Маисурадзе
Художник Г. А. Надирадзе
Техредактор Э. Б. Бокерия
Корректор И. Е. Герсамия

Подписано к печати 6.4.1966; Печатных л. 12,24;
уч.-изд. л. 13,16; УЭ 02267; Тираж 1000 экз. Заказ 156;
Цена 1 руб. 15 коп.

გამომცემლობა „მეცნიერება“, თბილისი, ძერჟინსკის ქ. № 8
Издательство «Мецниереба», Тбилиси, ул. Дзержинского № 8

გამომცემლობა „მეცნიერების“ სტამბა, თბილისი, გ. ტაბიძის ქ. № 3/5
Типография Издательства «Мецниереба», Тбилиси, ул. Г. Табидзе 3/5

акидзе

ССР

12.24;

аз 156;

л. № 8
ского № 8

л. № 3/5
Г. Табидзе 3/5

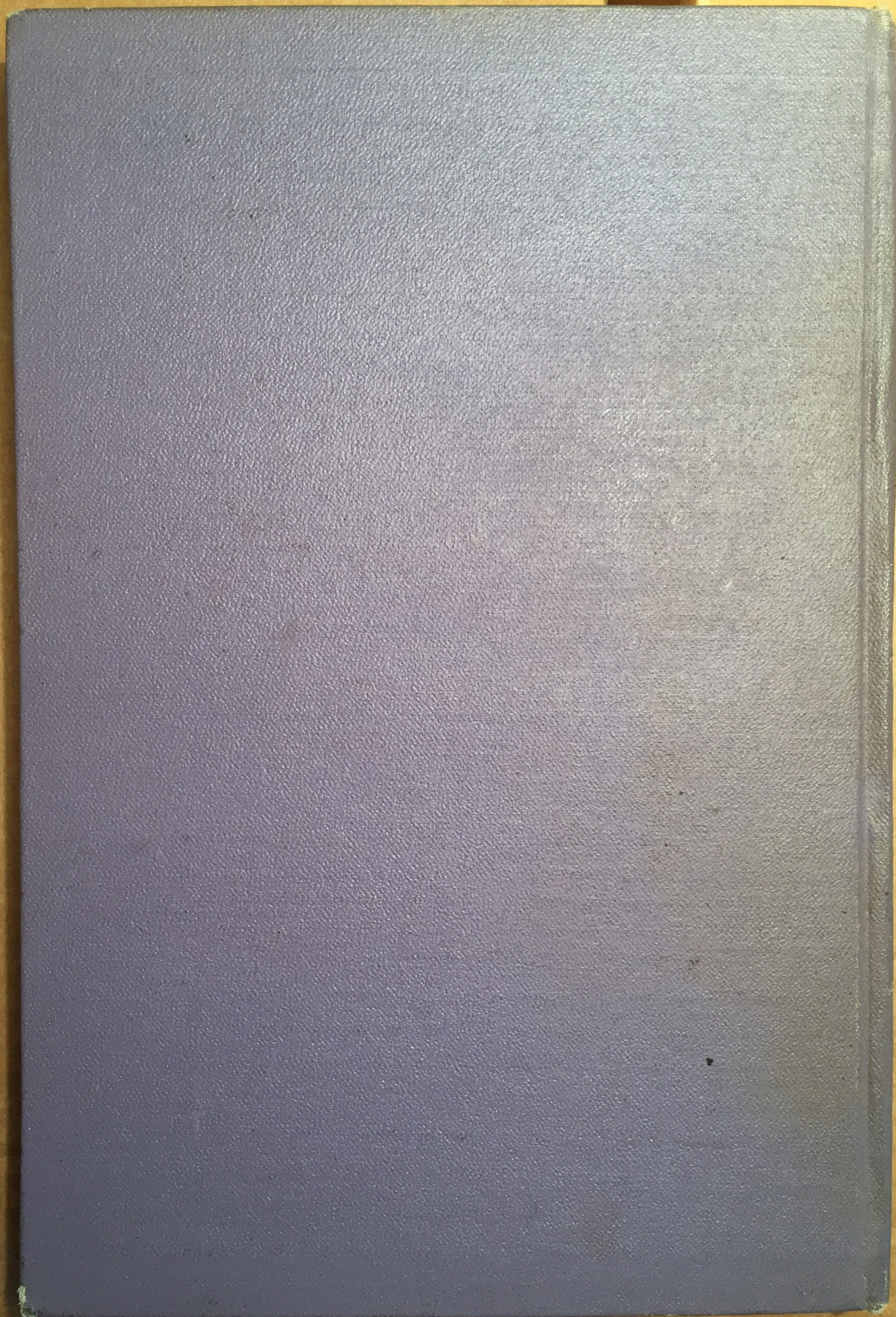

CHQ108 CM

11.00
=500.00
=289.00
=211.00
=5.00

HAC 10%
=61.65
HAC 20%
=29.98
HAC 20%
=23.39
HAC 20%
=23.39
HAC 20%
=23.39
HAC 20%
=22.92
HAC 20%
=13.14
HAC 20%
=13.14

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY
520 EAST 58TH STREET
CHICAGO, ILL. 60637
U.S.A.

ALONE
DARK
The new horror

WONDER
WEISS

• В ЭФИРЕ

**ВСЕГДА
не верьте
тому что
кажется,
верьте
ТОЛЬКО
доказательствам.**

Чарльз Диккенс. «Большие надежды» 1861 г.